

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2020

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *Т.В. Григорьева*

Верстка *В.А. Козак*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»
и частных пожертвований.*

Содержание

№ 1 (78) 2020

Берлинский форум

- Вступительное слово*
Лена Немировская 5
- О ценностях, вокруг которых могли бы объединиться
международные организации*
Константин фон Эгерт
Лайла Бокхари
Елена Панфилова 8
- Проблема доверия к СМИ*
Пилар Бонет
Натали Нугайред
Сильви Кауффман 11
- Почему мы нуждаемся в едином европейском пространстве?*
Михаил Минаков
Бобо Ло 13

Тема номера

- О папе Франциске, католической церкви и мировой политике*
Марко Полити 15
- Советский и российский гуманизм. История понятия*
Ютта Шерфер 22
- Нужен ли гуманизм в постчеловеческом мире?*
Дмитрий Горин 33

Дискуссия

- О постсоветском наследии и четырех сценариях развития России*
Лев Шлосберг 38

Точка зрения

- Секреты долголетия: стратегии легитимации политических режимов
в России и Казахстане*
Софья ду Булей 44

Гражданское общество

- Джон Робертс о гражданском просвещении и судебной системе*
Наталья Корченкова 53
- Гражданское образование
в истории отечественной общественно-политической мысли.*
Очерк второй. Просвещение и История: контрасты николаевской России
Александр Согомонов 56
- Вопрошание – путь демократизации*
Вадим Карастелев 91

In Memoriam

- Александр Радевич (1964–2019)*
Ольга Пишкова 105

Книги

- Контрапункт*
Владимир Рыжков 107

Nota bene

- Вместо репортажа*
Светлана Шмелева 117
- Мамонотеизм. От гуманизма к трансгуманизму*
Константин Рубахин 121

27–28 ноября 2019 года Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы провела в Берлине V международный форум «В поисках утраченного универсализма», посвященный развитию гражданского общества. Ниже публикуется выступление Лены Немировской на открытии форума и краткий его обзор

Вступительное слово

Прежде всего я хочу искренне поблагодарить всех, кто собрался в этом зале. Я знаю, что значит сегодня приехать в Школу — это не только вызов, но и выбор. А также выражаю признательность всем, кто помогает Школе, включая фонды и общественные организации целого ряда стран, чья щедрость вызывает в наших сердцах самые теплые чувства.

Особая благодарность — Фонду Конрада Аденауэра, многолетним партнерством с которым мы очень дорожим. В России многие считают, что подобная внешняя помощь российским негосударственным организациям неприемлема. Я не могу согласиться с таким утверждением, оно кажется мне несовременным. Ведь сегодня каждый из нас несет ответственность не только за то, что происходит у него дома. Нынешний мир представляет собой нераздельное единство: наш форум, собственно, и посвящен той уникальной связи, которая отличает современное человечество. Мы осознаем, что не одни в мире, и это помогает нам жить; и в свою очередь, мир тоже, я уверена в этом, рассчитывает на нас, на наше понимание и нашу сопричастность.

Очень важно, что наш ежегодный форум, посвященный ценностям универсализма, вновь проходит в Берлине, в Фонде Аденауэра. Символизм этого события обусловлен тем, что Германия — особенная страна, в XX веке на ее долю выпал жуткий опыт, но она нашла в себе силы, мужество, разум разобраться с прошлым, принять ответственность за него и идти дальше, в будущее. Я не знаю, как сложится это немецкое будущее, — мы сегодня стали свидетелями переоценки многих ценностей, но то, как здесь переосмыслена история, позволяет надеяться, что у Германии хватит здравого смысла и энергии, которые

*Лена Немировская,
основатель Школы
гражданского просвещения*

позволят ей защититься от любого популизма. Для нас исключительно важно, что именно эта страна помогает нам приобщаться к европейским ценностям, осознавая их универсализм.

Современный мир действительно меняется, это чувствуют все, но направление перемен не всегда осознается четко. В этом плане большая ответственность лежит на международных институтах, на международных как неправительственных, так и межправительственных организациях. После Второй мировой войны их создание вдохновлялось одной мыслью: «Никогда больше!» Но прошло время, и в жизнь вступили другие поколения, которым кровавый опыт незнаком. С новыми людьми нужно работать по-новому, но международные организации, которые призваны распространять и утверждать универсальные ценности на планете — Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Европейский союз, многочисленные НКО, сегодня, на мой взгляд, бюрократизировались. Они с трудом приспосабливаются к запросам современности, не умея реформировать себя, — и это большая проблема.

Впрочем, я здесь не для того, чтобы критиковать международные структуры, — моя задача в том, чтобы еще раз на этом форуме акцентировать тот месседж, который Школа несет в мир на протяжении всего своего существования. Наша Школа — попытка создать условия, в которых способна расцвести общественная и публичная мысль. Мы не задаем содержательное наполнение этой мысли: для нас важно обеспечивать именно условия, в которых человек может самостоятельно приобщиться к этой духовной работе и прочувствовать ее необходимость как часть собственных

убеждений. Мы в Школе прекрасно понимаем, что за этим стоит огромное усилие: даже вдохновляясь желанием добиться этого, мы не всегда способны преуспеть. Но зато, когда это удастся, возникает ощущение внутренней связанности мира, понимание того, что мы вместе, мы солидарны, мы ответственны за все происходящее. Подобное, к счастью, тоже не раз случается. Нельзя научить человека тому, как приобщиться к подобному состоянию, но при этом в нас явно есть предрасположенность к осознанию собственной человечности — к пониманию того, кто мы такие как люди и чего мы хотим на этой Земле. Именно там, на этом уровне осознания себя, где причинно-следственные связи действуют по-иному, мы приближаемся к пониманию жизни и смерти, права и несправедливости, достоинства и свободы, совести и любви. В реальной жизни этого зачастую не хватает, но это все есть в нас.

Школа, и это известно, не обладает умением механически переносить подобные истины в чьи-то головы; тем не менее мы стараемся дать вам почувствовать, что человек призван к внутренней работе. Подобный труд неизбежен: именно через него мы кристаллизуем в себе человеческое, поскольку сохраняется «зазор» между тем практическим знанием, на которое опирается наука, и тем, которое есть в нас, но которое очень трудно передать. И благодаря которому мы остаемся существами социальными — способными практиковать гражданскую мысль, гражданскую активность, гражданское общество.

Подобное состояние нельзя считать чем-то гарантированным раз и навсегда: гражданское общество может не только расцвести, но и увядать, как это происходит в сегодняшней Рос-

Ансельм Кифер. Пути к мировой мудрости: Битва Германна. 1978

сийской Федерации. В нашей стране, к сожалению, мы не продвинулись дальше 1990-х годов, когда общество вынесло моральный приговор советской власти. Мы так и не построили правовых институтов, создав вместо них государственно-олигархический капитализм. И теперь вынужденно живем в этом. Где же выход? Не знаю, у меня нет рецептов — и, по-видимому, мало у кого они есть. Лично я, однако, верю в идеи учителей, которых встретила в жизни; и это позволяет мне вслед за ними повторить: «Очень и очень многое внутри нас». Свое выступление я хочу завершить словами Мераба Мамардашвили: «Человек — это усилие во времени, труд души и свобода».

И — совсем последнее. Всю эту неделю так или иначе многие люди поздравляют меня с днем рождения. Во-первых, спасибо всем вам! Во-вторых, признаюсь, свыкнуться с этой фантастической цифрой нелегко, ибо, достигнув таких рубежей, живешь уже не просто ради жизни, а ради отсроченного приговора. Но все равно надо жить — и я хочу, насколько могу, и дальше участвовать в том процессе, который называется осознанием универсального как человеческого и гуманитарного. Позвольте поблагодарить вас всех, Школу, наших экспертов и слушателей и прежде всего уникальный Школьный коллектив. Все эти люди для меня как семья: они продлевают нам с Юрой годы, которые мы проживаем столь счастливо.

О ценностях, вокруг которых могли бы объединиться международные организации

30 лет назад рухнула Берлинская стена, вслед за ней — железный занавес. Европа объединилась, и казалось, что это навсегда. В последнее время отношения между Россией и миром Запада, да и между самими западными странами изменились. Международные организации не являются сегодня площадками для поиска консолидированных решений, многие страны испытывают тяжелый внутри- и внешнеполитический кризис. И принципы ненасилия и нерушимости границ также не являются незыблемыми.

Что могло бы помочь вернуть взаимопонимание на европейском континенте? Какую роль в этом могут сыграть медиа? И нужно ли вообще единое европейское пространство? Об этом рассуждали эксперты на форуме.

Константин фон Эггерт, журналист — о мире без

холодной войны. Холодная война отходит все дальше, и международные организации пытаются найти свою роль в новую эпоху. После прекращения глобального противостояния, с одной стороны, и усиления интернационализации рынков — с другой, у руководителей многих стран возникает желание продвигать национальные интересы и при этом меньше вни-

мания обращать на какие-то принципы, относящиеся к вопросам международного права и защиты прав человека. Потерялся смысл существования Запада, заключавшийся в осознании себя как некоего целого. Ситуация требует другого взгляда на то, что такое сегодня этот самый Запад и настолько ли он един, ведь проблема не в Трампе или ком-то еще, а в том, чтобы понять, *на каких принципах и ценностях строить и реформировать международные организации.*

Теперь у нас есть глобальная информационная среда и полная прозрачность. В этих условиях меняется наше понимание глобальности мира, в котором намного труднее найти консенсус — в том числе и тем странам, которые смотрят на какие-то вещи одинаково, потому что в мире, в соцсетях бушует глобальная информационная война всех со всеми.

То, что сейчас принято называть волной популизма, симпатией к авторитаризму, патернализмом, поставило очень важный вопрос, на кото-

рый не надо было отвечать в годы холодной войны: что такое демократия? Это большой вопрос, и ответа на него у меня в данный момент нет. Важно, однако, чтобы сложности, с которыми мы сталкиваемся на пути к демократии, не становились предлогом для отказа от него.

Я согласен, что демократии должны быть разные и путь к ним должен быть разный. Но, наверное, нужно иметь и некие общие критерии для ответа, почему, условно говоря, Япония, Бразилия, США и Литва — это демократии, а Китай, несмотря на наличие парламента, или Судан, или Турция уже не вполне демократии. Мы должны знать, где демократия кончается и начинается что-то другое. Думаю, в этом заключается основной смысл нашего обсуждения: что такое хорошо и что такое плохо, каковы главные ценности, вокруг которых могли бы объединиться международные организации, — в этом состоит вызов будущего.

Лайла Бокхари, дипломат, бывший замминистра иностранных дел Норвегии — об альтернативных формах международных организаций. Миру нужны международные организации, так как выводы и общие нормы, к которым мы, казалось, пришли, теперь пересматриваются, в том числе и нашими партнерами и единомышленниками. Лидеры стран, представляющие народы в международных организациях, де-факто сего-

дня мало кого представляют. Люди чувствуют себя отчужденными от традиционного процесса принятия решений, а раз так — они будут создавать новые платформы для диалога и принятия решений. Выход США из Парижского соглашения по климату 2015 года привел к тому, что *страны стали искать новые пути сотрудничества по важным международным проблемам.* В частности, Норвегия теперь говорит про климат не с США, а напрямую с отдельными городами и государствами.

В некоторых странах подобное недоверие или несогласие, в том числе с внутренней политикой, приводят к протестным выступлениям, например в Гонконге или Колумбии. Мы часто не верим вчерашним и сегодняшним лидерам, но в среде молодежи, которую мы видим на улицах, появятся новые фигуры, которые станут ответственными лидерами завтра.

Елена Панфилова, эксперт в сфере противодействия коррупции — о бюрократии и ценностях. Международные организации, которые возникли в послевоенные годы, базировались на ценностном императиве — том, что немцы называют «никогда больше». Главное — мир, ради него можно даже поступиться какими-то интересами. Но сейчас мы смотрим на международные институты и видим: цен-

ность, которую они защищают, — это, увы, статус-кво. А статус-кво можно назвать стагнацией. И может быть, в нем так хорошо, что мы хотим там быть. Но является ли статус-кво ценностью? Можно ли ради него находить общий язык с людьми, с которыми в другой ситуации ты бы ни о чем не стал договариваться? И где слово «развитие»? Мы продолжаем латать лоскутное одеяло, доставшееся нам из ценностей прошлого.

Может ли быть ценностным императивом организации, страны или группы стран *вертикаль*? Я работала в Организации экономического сотрудничества и развития. Когда-то люди приходили туда спасать Европу, но к концу 1990-х молодые профессионалы приходили туда, чтобы заработать хорошую дипломатическую пенсию. Ничего хорошего построить невозможно, когда ты идешь куда-то работать ради хорошей пенсии. Как так случилось?

Начинаешь разбираться и выясняется, что люди, которые пришли работать менеджерами, совершенно не умеют общаться с теми, которые пришли двигать ценности. Приходит активист и говорит: «Хочу ехать в Мьянму, бороться с коррупцией», а ему говорят: «Пиши отчет для донора, к 21.00 завтра отчет должен быть сдан, а послезавтра у нас коллективная зарядка». Столкновение бюрократической структуры с активистским порывом приводит к тому, что происходит катаклизм невероятного масштаба. Все рушится — репутация, хорошие дела, потому что слово «ценности» вылетело за рамки смысла существования организации, отчет донору важнее, чем то, что ты реально сделаешь в поле.

Означает ли это, что я пессимист? Нет. Я вижу, что параллельно возникают организации без президента и офиса, повязанные ценностной коммуникацией друг с другом, например журналистские. Гражданское общество рождается из профессионалов и активистов. Будущее больших общественных организаций возникнет, когда мы переизобретем универсализм. Нам его надо именно переизобрести, в смысле и фундамента, и постройки нового здания на этом фундаменте, избавившись от ненужного наслоившегося мусора.

Проблема доверия к СМИ

Пилар Бонет, корреспондент El País в России и постсоветских странах — о стенах и общечеловеческом стремлении к правде. С момента

падения Берлинской стены прошло уже тридцать лет, но с тех пор в мире появилось много других стен, которые препятствуют передвижению. Одна такая стена выросла, например, между Москвой и Киевом, и теперь передвижение на этом направлении возможно только через Минск. А если вам хочется поехать в Крым из Москвы, то вы не можете потом приехать в Украину. Или если едете в Донбасс с российской стороны, то потом не можете переехать в Киев, а поездка в Донбасс из Киева сопряжена с целым рядом разрешений и недель ожидания, а затем вас ждут прохождения через блокпосты. В России появляется все больше ограничительных законодательных инициатив, попыток контролировать Facebook, печатные и сетевые издания.

Но есть универсальное, общечеловеческое стремление к правде, стремление к демократии, стремление к свободе. Это присуще каждой культуре. Журналистика как ранее, так и теперь обязана исповедовать единственный принцип — принцип правдивых сообщений о событиях в меру журна-

листской принципиальности и профессионализма. Сапожник будет существовать до тех пор, пока мы вынуждены пользоваться обувью. Пока люди стремятся к правде, будет существовать и журналистика.

Натали Нугайред, обозреватель The Guardian — о доверии и ответственности журналистов. Я думаю, медиа несут ответственность именно в тех областях, где

политика поляризована. Во время президентской кампании Дональда Трампа никто ведь не ожидал, что его изберут. Он путешествовал по Соединенным Штатам, регулярно давал интервью и, будучи человеком с опытом в индустрии развлечений, прекрасно знал, какая аудитория его слушает. И только потом задним числом американские журналисты стали размышлять, что же произошло, как же мы позволили этому произойти. Сейчас я вижу похожую картину в Великобритании, где медиа активно способствуют Брекзиту. Это, конечно, не единственная причина, но свой вклад они внесли.

Я начинала работать журналистом в 1989 году и думала, что моя работа полезна обществу и будет способствовать пониманию демократии благодаря рациональным дискуссиям. Теперь все

стало куда как более сложно: целый океан контента, целый океан порой очень дурной журналистики, идет преднамеренная дезинформация, слухи о заговорах... Конечно, это на нас лежит ответственность — восстановить доверие к СМИ. И один из способов это сделать — стать ближе к людям. Мы должны быть на земле, в нужном месте и в нужное время. Должны чаще уезжать из наших удобных столиц в командировки. Иначе мы будем частью той цепочки событий, которые привели к Брекзиту, к избранию Трампа в США, к феномену «желтых жилетов» во Франции. Вопрос доверия к СМИ остается основополагающим.

Сильви Кауффман, обозреватель Le Monde — о том, как меняется отношение к поиску правды в авторитарных странах. Как журналист может работать в не-

либеральной или авторитарной среде? Я думаю, что так же, как и мы, просто это гораздо сложнее. Но даже в условиях, где журналисты вынуждены рисковать своей жизнью, теперь что-то меняется.

В Словакии полтора года назад был убит журналист Ян Куцяк, занимавшийся расследованиями. Его убийство настолько возмутило общество, что люди вышли на улицы. И это сыграло большую роль в политической жизни: премьер-министр был вынужден уйти в отставку, президентом страны была избрана Зузана Чапутова, юрист по образованию, которая отстаивает принципы верховенства права. Журналисты из Словакии и других стран поддержали расследование, которое вел Куцяк. Заказчик сегодня находится в тюрьме.

Другой пример — Мальта. Это государство входит в состав ЕС, и его сложно назвать страной с авторитарным режимом, но у Мальты большие проблемы с коррупцией и злоупотреблением властными полномочиями. Три года назад мальтийская журналистка была взорвана в своем автомобиле, и расследование, которое она проводила на тот момент, взяло на себя целое сообщество журналистов. Его результаты были опубликованы вскоре после «панамского дела». Мы знаем, что в мальтийском правительстве с тех пор произошли серьезные перемены, несколько громких отставок.

Почему мы нуждаемся в едином европейском пространстве?

Михаил Минаков, старший научный сотрудник Института Кеннана — о Европе будущего.

Политическое воображение говорит нам, что возможно, а что невозможно, что справедливо, а что нет, что утопично, а что реально. И что самым влиятельным игроком последние триста лет на поле политического воображения была Европа, причем Европа глобальная. В XIX веке глобальная Европа — это Европа

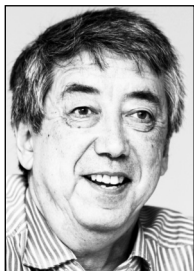
нескольких городов: Санкт-Петербурга, Лондона, Парижа, потом подтянутся сначала Турин, потом Рим, затем Берлин, распространяя власть воображаемого управления человеческим мышлением на всю планету. Первые геноциды происходят именно так.

Второй образ глобальной Европы — сегодняшний XXI век. В конце XX века Европа объединилась, чтобы больше не было войны, а значит, и армии. И это политическое воображение продолжает работать в Чили, в Украине, в Грузии, во Франции.

Государство возникает из необходимости выживания, однако в XIX веке оно становится полицейским, осуществляющим массовое насилие. Глобальная Европа XXI века начинает ограничивать этот бестиарий левиафанов, возникает некий противовес, и национальные государства вынуждены договариваться между собой.

Глобальная Европа сегодня либо вернется в XIX век, либо продолжит ту линию, которая задана отцами-основателями того, что называется post-war. Чем кошмарнее война, тем несправедливее мир после нее.

Справедливая Европа — это то, что выстраивает, перестраивает, заставляет изменить политическое воображение и материальность этого воображения в виде политической системы, честного суда, справедливой экономики. Но эта справедливость должна идти за пределы полуострова и даже большого евразийского материка, чтобы через десятки лет слово «Евразия» больше не ассоциировалось у нас с бесправием, несвободой, охотой на иностранных агентов и тоталитаризмом.

Бобо Ло, независимый аналитик, научный сотрудник Французского института международных отношений (IFRI) — о новом идеологическом разломе и способах выхода из кризиса. Я думаю, что так называемый либеральный миропорядок действительно столкнулся с самым большим кризисом с конца холодной войны. Западный либеральный консенсус — не только трансатлантический, но и внутриевропейский — распадается буквально у нас на глазах. Режимы, которые балансировали, как казалось, уже на грани либерализма, как Турция, наоборот, склоняются все больше к авторитарности. Авторитарные режимы по всему миру становятся все более репрессивными. Все это ставит под угрозу наследие последних 50–70 лет, ослабляет способность человечества отвечать на такие вызовы, как глобальное изменение климата и рост бедности в мире.

Сейчас у нас нет конфликта, как раньше, между коммунизмом и капитализмом. Вместо этого мы говорим о новом идеологическом разломе: о новых конфликтах между экстремизмом и правым или левым центризмом, между интернационализмом и склонностью к интровертному протекционизму, то есть к протекционизму в чистом виде, политике защиты отечественных производителей товаров и услуг для внутреннего рынка. Кто виноват в этом? Очень модно, особенно в США, возлагать вину на Китай и Россию, которые якобы разрушили международную систему. Нет сомнения, что они сыграли свою роль в формировании существующего миропорядка, но когда говорят про китайско-российские заговоры, чтобы подорвать этот прекрасный мир... Это, конечно, чушь и уход от собственной ответственности.

Главная проблема либерального миропорядка внутри него самого. Прежде всего это неспособность западных демократий реализовать свои идеалы. Вторая, более приземленная причина заключается в том, что западная политика в Ираке, Ливии и Сирии провалилась. И самое важное — внутривнутриполитические неудачи.

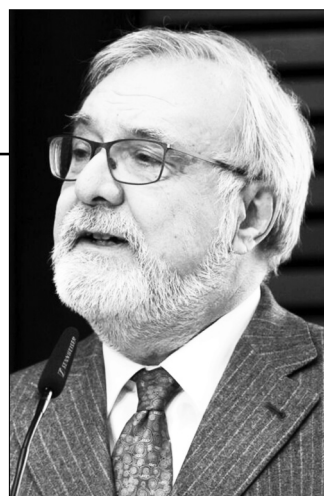
Чтобы исправить ситуацию, нужно ясно видеть реальность и быть самокритичными. Нужно освободиться от иллюзий: даже в идеальном сценарии решение проблем международной торговли, безопасности, экологии будет трудным и длительным. Кроме того, нужно понять, что многое из наших прошлых убеждений или допущений о глобальном порядке является анахронизмом. Главный вопрос — какую форму примет этот новый порядок. Я думаю, единственный жизнеспособный вариант — возвращение к мультилатерализму, то есть к многосторонности, а не многополярности.

Просвещение, позитивизм, а вслед за ними возникновение марксистской и либеральной идеологий закономерно снизили значение религии в жизни общества. Но в конце XX века религиозное сознание вновь стало возрождаться, в том числе в форме агрессивного фундаментализма. «Невозможно было представить, что через десять лет после смерти папы Иоанна Павла II, который уделял столько внимания межрелигиозному диалогу, тысячи поляков встанут в цепочку вдоль границы страны и будут молиться о защите от мусульманского вторжения. Или кто бы мог себе представить, что появятся экстремистские фундаменталистские буддисты? Это же вообще парадокс! Ведь буддизм сам по себе подразумевает отсутствие какой-либо страсти», — рассуждает автор нескольких книг о папстве Марко Полити. Он рассказал, какую роль играет католическая церковь в современном мире, как меняется религия и ее взаимоотношения с обществом и властью и какую позицию по ключевым вопросам занимает папа Франциск.

О папе Франциске, католической церкви и мировой политике*

1. «Одна нация не может решать, как останавливать агрессора»: о терроризме, ксенофобии и популизме. Католицизм принципиально отличается от других религий. Если остальные конфессии так или иначе находились в подчинении у власти, например англиканская церковь, которую возглавляет британский монарх, то католическая церковь — это структура с собственным государственным устройством. Этому есть исторические причины: католическая церковь как бы продолжает традицию Римской империи, она позаимствовала у нее очень многое, прежде всего из терминологии. Например, курия — это избирательная группа в Древнем Риме, а теперь — верховный орган папской власти; диоцез — это провинция в восточной части Римской империи, а теперь — церковно-административная территориальная единица; энциклика — письма, которые император отправлял губернаторам различных провинций, а теперь — основной папский документ.

Католическая церковь, возглавляемая папой Франциском, хочет быть не догматической автократической организацией, а организацией, которая поддерживает братство, солидарность и милосердие. При

*Марко Полити, писатель
(Италия)*

** Конспект выступления на международном семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в Риге 17–18 сентября 2019 г.*

этом недостаточно просто посещать церковь, нужно участвовать в достижении общих целей, заботиться об общем благе.

Ватикан имеет статус наблюдателя в ООН и в целом является глобальным игроком. Когда шла дискуссия вокруг решения президента США Джорджа Буша о вторжении в Ирак, Иоанн Павел II считал, что для него не было легального основания и в любом случае это не то решение, которое должна принимать одна страна. Его позиция привела к тому, что Чили и Мексика не поддержали ввод войск в Совбезе ООН, и администрация Буша и правительство премьер-министра Великобритании Тони Блэра лишились абсолютного большинства. Папа Франциск, в свою очередь, активно участвовал в предотвращении ввода войск в Сирию. Президент Обама в итоге отказался от этой идеи, а в конце своего срока признал, что это было правильным решением, иначе все обернулось бы катастрофой.

Папа Франциск регулярно поднимает тему борьбы с терроризмом: кто поддерживает эти террористические организации на мировом уровне, кто продает им оружие, кто покупает у них нефть? При этом он подчеркивает, что одна нация не может решать, как останавливать агрессора, борьба с терроризмом должна быть совместным действием. Папа постоянно говорит о том, что жертвами атак становятся не только христиане, но и езиды, и иудеи, и многие мусульмане: не стоит забывать, что теракты происходят и в исламских странах. И когда во Франции, недалеко от Руана, был убит священник, он не обвинял исламистов, он использовал религиозную метафору, сказав, что это «работа дьявола». Что он хотел сказать? Это личный выбор отдельного человека, который совершил убийство, но это не выбор и не действие религии. Претендовать на убийство от имени Бога — кощунство.

Еще одна проблема — ксенофобия. Сегодня нет «коричневых рубашек», нет полувоенных организаций, громящих города, нет нацистского приветствия, но если не быть бдительными, ксенофобия и крайний национализм могут ввести нас в сумрачные пределы, привести к бедствиям и войне. Папа говорит о том, что массовая миграция — величайшая гуманитарная катастрофа после Второй мировой войны. По его словам, отослать судно с мигрантами обратно в море, когда оно уже подошло к суше, — это не что иное, как акт войны: многие из тех, кто сейчас прибывает в Европу, ищут не лучшей жизни, а просто жизни. Итальянская католическая церковь приняла за последние несколько лет до 20 тысяч мигрантов. Это очень тяжелая борьба: мы знаем, в частности, о партии «Лига Севера» господина Сальвини, чья идеология основана исключительно на ксенофобии; до 30% воцерковленных католиков проголосовали за Сальвини.

Европа должна быть не крепостью, а открытым обществом для многостороннего сотрудничества, говорит папа Франциск, но при этом уточняет: наша миссия состоит в том, чтобы заботиться о хрупкости каждо-

го человека и каждого народа. То есть благополучие и благоденствие, безусловно, должно быть внутри границ ЕС, но мы должны вносить вклад и в мировую гуманитарную ситуацию.

2. «Мудрость может происходить и из других традиций»: о межконфессиональных отношениях и совместных декларациях. Второй Ватиканский собор (1962–1965) произвел революцию в отношении восприятия других конфессий и подчеркнул мысль о едином боге для всех авраамических религий — христиан, иудеев и мусульман. Если еще у Мартина Лютера Кинга можно увидеть антисемитские нотки, то этот собор положил конец антииудейским настроениям. Иоанн Павел II говорил, что иудеи — это старшие братья христиан, а папа Бенедикт высказался более тонко, сказав, что иудеи — наши отцы в вере. Папа Франциск подчеркивает, что мудрость может происходить и из других церквей, и из других конфессий, и из других традиций. Плюрализм стал плодом, результатом многовековой истории.

Папа Франциск подписал два экуменических документа, важных для установления межконфессионального мира. Первый документ — совместное заявление с патриархом всея Руси Кириллом. Со времен Иоанна Павла II папа римский стремился встретиться с главой Русской православной церкви, но этой встречи не происходило. Наконец, после того как папа Франциск сказал, что готов приехать в любое место для встречи, она состоялась: 12 февраля 2016 года, на очень нейтральной территории — в Гаванском аэропорту. Ее результатом стал совместный документ, в котором говорится не только о необходимости поддерживать добрые отношения, но и о важности защиты христианства на Ближнем Востоке, где живут конфессии и группы, подвергающиеся гонениям и вынужденно покидающие свои места жительства в Ливане, Сирии и других странах. Почему лидеры русской православной и католической церквей озаботились состоянием христианских конфессий и паствы на Ближнем Востоке? Разумеется, не только потому, что Ближний Восток — родина христианства, а потому, что существование христианского сообщества в мусульманских странах важно в контексте секуляризации государства. Христианские сообщества — это проводник либерализации государства на Ближнем Востоке. Интересно и то, что в этом документе папа Франциск не оставил в стороне вопрос об униатах. Униатская церковь была попыткой католической церкви привлечь в свое лоно священников и паству, которые признавали власть папы, сохраняя при этом византийские обряды. Униатская церковь была и остается достаточно сильной в Украине, Польше и иных частях Восточной Европы. Униатские сообщества должны сохраняться, это часть нашей исторической традиции, говорится в заявлении, но речь не идет о необходимости распространении униатства.

Второй важный документ — совместная декларация с великим шейхом университета аль-Азхар в Каире, подписанная в Абу-Даби в феврале 2019 года. Она еще важнее по глобальному звучанию, поскольку является первым документом, подписанным главой католической церкви и представителем исламского духовенства после столетий конфликта и взаимного неприятия. Мы знаем, что мир ислама не имеет единой религиозной власти, это мир, разделенный между суннитами и шиитами, причем сунниты представляют собой большинство. Однако Каирский университет аль-Азхар воспринимается как центр теологии в суннитском мире. И великий шейх этого университета Ахмад ат-Тайиб обладает нравственной властью, которая распространяется далеко за пределы Египта и Ближнего Востока. Это в первую очередь документ, направленный против фундаментализма и террористических организаций. В нем сказано, что верующие в Бога видят в других ближних своих братьев и сестер, достойных любви и поддержки. Впервые две стороны согласились о необходимости развивать культуру диалога, противостоять воинствующему экстремизму и никогда не прибегать к языку ненависти и кровопролитию. В соответствии с документом, все конфессии и все религиозные группы обладают одинаковым достоинством, а все граждане — одинаковыми правами. Отдельно говорится и о правах женщин — на образование, на работу и на участие в политической жизни; о защите женщин от эксплуатации и восприятия их как товара, объекта удовольствия и предметного вульгарного восприятия женщин, которые ведут к унижению их достоинства. Если бы эти слова сегодня были политической реальностью во всем мире, мы бы жили на другой планете. Но очень важно, что этот шаг был сделан в рамках межрелигиозного диалога.

3. «Любопытным образом стакан все время становится все выше и выше»: о проблеме неравенства и «новом рабстве». К сожалению, рабство — это не артефакт, присущий американским плантаторам двухвековой давности. Зачастую его обходят вниманием, о нем не пишут СМИ, но рабство присутствует в современном мире и об этом нам напоминает папа Франциск. «Новому рабству» он посвятил свое выступление на Генеральной Ассамблее ООН 25 сентября 2015 года. Это незаконная транспортировка людей, сексуальная эксплуатация детей, проституция, торговля органами, рабский труд и наркотрафик. Рабским трудом заняты 30 млн человек, и значительная часть из них — дети и женщины. Папа Франциск сказал, что нам необходимы институты, учреждения, которые непосредственным образом займутся решением этой проблемы.

Выйдя на балкон собора Святого Петра после своего избрания, папа Франциск стал говорить очень простым языком: мои братья кардиналы избрали папой меня, человека с края света. Это, конечно, ироничные

*Лоренцо Космати. Христос освобождает рабов
 , мозаика в церкви Сан Томмазо-ин-Формис (Рим). XII век*

слова: Буэнос-Айрес — это не край света, а метрополия с населением около 12 млн человек. Но в Буэнос-Айресе можно увидеть все контрасты современного мегаполиса — от самых богатых кварталов до трущоб люмпенов. Папа Франциск, будучи архиепископом Бергольо, довольно часто лично посещал кварталы бедноты Буэнос-Айреса, не пользуясь служебным автомобилем. Невероятно, что такие места в мире вообще существуют. Вспомнить одни эти металлические прутья на всех окнах или, например, аборт, когда неродившегося, выскобленного из чрева матери ребенка бросают в канаву и его пожирают псы — это реальность, которую видел архиепископ Бергольо. Один из главных предметов его озабоченности — растущее социальное неравенство. Дети послевоенной эпохи ожидали, что будут жить лучше, чем их родители. Но, скорее всего, и жизнь наших детей не будет лучше: неравенство продолжает расти. На ежегодном Давосском форуме, который, в частности, посвящен этим вопросам, каждый год выступает неправительствен-

ная организация Oxfam с довольно печальными отчетами. В 2014 году богатством, равным состоянию половины населения Земли, обладали 85 человек, в 2016 году — 62 человека, а в 2018 году — уже только 8 человек. При этом 1% населения владеет примерно таким же состоянием, какое распределено между 98%. Есть теория о «просачивании богатства сверху вниз», которую любят ультралибералы, в особенности менеджеры в крупных банках и корпорациях. Она заключается в том, что если все идет хорошо и богатство накапливается, то оно просачивается через толщу земли, как вода, и всем будет хорошо. Кто-то получит больше, кто-то меньше, но в целом все будет неплохо. Но, как мы видим на примере отчетов, этого не происходит. И папа Франциск говорит: вы наливаете водичку в стакан и вода стекает по стенкам, но любопытным образом стакан все время становится все выше и выше.

Папа говорит, что важно слышать голос бедных и необходимо избегать разделения между экономикой и общим благом. Кто-то может сказать: у экономики есть свои правила, нужно заботиться только о выгоде, о доходах. Нет, нужно устранять разрыв между экономикой, ориентированной на прибыль, и экономическими спекуляциями, при этом понимая, что это не противостояние между капитализмом и антикапитализмом. Сейчас, учитывая феномен «желтых жилетов», мы снова слышим разговоры об ответственном капитализме, который противопоставит хищному капитализму. И такие мысли высказывают не только религиозные лидеры, включая папу Франциска, но и, например, глава Федеральной резервной системы США Джанет Йеллен, занимавшая эту должность в 2014–2018 годах. Она открыто говорила о растущей пропасти между теми, кто стоит на вершине социальной пирамиды, и стагнирующим большинством; в этом, по ее словам, заключается опасность для американского общества, краеугольным камнем которого являются равные возможности.

Ситуацию нужно менять, полагает папа Франциск: если вы хотите сбалансированную экономическую систему, следует позаботиться в том числе о том, что в XX веке называлось помощью развивающимся странам. В то же самое время необходимо бороться и с огромной проблемой коррупции в этих странах. Это проблема, с которой мы очень хорошо знакомы — и в Италии, и в России, и в странах третьего мира.

4. «Папа Франциск связывает деградацию окружающей среды с деградацией социальной»: об экологии и развитии технологий.

Папа Франциск стал первым римским папой, который издал энциклику, посвященную проблемам окружающей среды. Название энциклики — «Хвала тебе, Господи Боже мой, о всех твореньях Твоих» — вдохновлено строками из замечательного стихотворения святого Франциска Ассизского «Похвала творениям». Оно исполнено восхищения, в нем мы видим мостик между человеческим существом и творением приро-

ды: «Хвала Тебе, Господи Боже мой, о всех твореньях Твоих, и прежде всех — о господине брате солнце, Им день озаряется, им и мы просвещаемся»*.

Энциклика направлена всем людям планеты, которые думают о нашем общем доме: в ней говорится о нехватке чистой воды, влиянии промышленности на воду, изменении климата, парниковом эффекте. В ней интересно не только то, что папа говорит об экологии, но и то, что он пытается затронуть вопросы окружающей среды несколько необычным образом. В документе постулируются этические, моральные принципы и догмы, а потом они сопоставляются с реальностью. То есть папа Франциск говорит: таково наше наследие, а теперь давайте посмотрим, как оно соотносится с ситуацией на Земле. Он начинает с цитирования научных статей и, анализируя их, рассуждает о том, какой должна быть жизнь и поведение христианина в отношении окружающей среды.

При этом папа Франциск связывает деградацию окружающей среды с деградацией социальной. Поэтому эту энциклику нельзя называть сугубо экологической, она непосредственно связывает эрозию окружающей среды с социальными бедами. Например, пишет папа, в Африке мы видим новую тенденцию захвата земель: большие корпорации крупных государств, в частности Китая, арендуют сотни тысяч гектаров земли на длительный срок. Что это означает? Селения в этих местах, по сути, умрут. Может, кто-то станет рабочими этих предприятий, но гуманитарная ситуация изменится кардинально. Местные жители больше не хозяева своей земли, они покидают и будут покидать Африку. Когда большое число людей приезжают в урбанистические центры, это также ведет к снижению качества жизни: огромные города на планете зачастую неэффективны, они не самым экономным образом потребляют энергию и водные ресурсы. Таким образом, социальные изменения также подразумевают воздействие технологических инноваций на неравенство распределения ресурсов и социальное неравенство: растет насилие и новые формы социальной агрессии, растет преступность. За последнее столетие с развитием науки и технологий в жизни человечества произошли колоссальные изменения, но при этом мы должны признавать, что эти знания и достижения дали огромную власть тем, кто имеет экономические ресурсы.

Конечно же, наиболее уязвимыми здесь выступают неимущие слои населения, миллиарды людей, которые фактически исключаются из мирового прогресса. И мы видим подлинное стремление папы противостоять этому.

*Записала
Наталья Корченкова*

* *Цит. в пер. О. Седаковой.*

*Ютта Шеррер,
профессор, специалист по
русской истории, Высшая
школа социальных наук,
Париж*

Советский и российский гуманизм. История понятия*

Я предложила эту тему по очень личному поводу. Несколько лет назад в Институте перспективных исследований (Германия, Эссен) мой друг запустил амбициозный исследовательский проект о гуманизме в межкультурной перспективе, в рамках которой он не будет больше рассматриваться в традиционной форме. Будущий глобальный гуманизм должен развиваться как межкультурный диалог о человечестве и его ценностях в противовес угрожающему конфликту культур.

Какое место отведено России в этом проекте? Может ли русская культура включиться в межкультурный диалог?

Советское понимание гуманности и гуманизма по причине антигуманной практики советского режима и его крайней бесчеловечности не укладывается в категории западного понимания этих понятий. Однако советское употребление термина «гуманизм», как и злоупотребление им, является не только показательным для европейского понимания советской идеологии, но и важным с точки зрения исторической памяти для современной России, поскольку речь идет о межкультурном диалоге в эпоху глобализации.

Я постараюсь дать краткий обзор советского употребления понятия «гуманизм» и затем задам вопрос: какую роль идея гуманизма играет сегодня в российском обществе?

Известно, что Россия не участвовала в историческом периоде возрожденческого гуманизма. Вместо термина «гуманизм» в русских словарях с 1839 года встре-

** Выступление на международном семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы в г. Юрмала (Латвия) 2 октября 2019 г.*

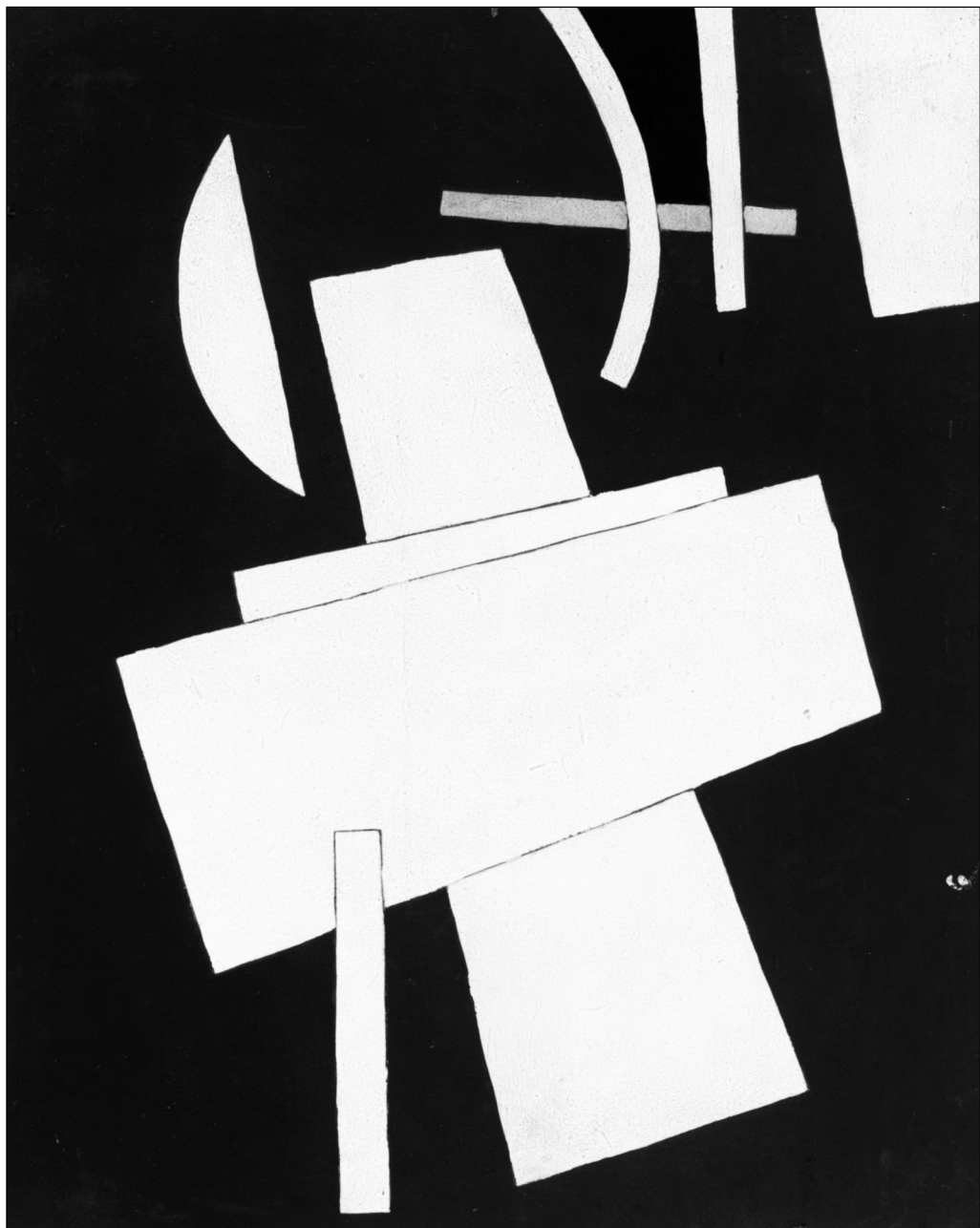
чается заимствованное из западноевропейских языков слово «гуманность». А «гуманизм» находит некоторый отклик только после русского перевода книги Георга Фойгта «Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма» («Wiederbelebung des classischen Altertums oder das erste Jahrhundert des Humanismus», 1859), изданной в Москве в 1884 году.

В дореволюционной России гуманизм не воспринимали как идеал воспитания в том смысле, в котором его понимал Вильгельм фон Гумбольдт: формирование высшей, духовной природы человека (в немецком языке «Bildung», в русском — «образованность»), воспитание «истинного человека», свободной личности, то есть как философию и образ жизни личности с акцентом на ее достоинстве и раскрытии ее способностей. В российском самодержавном государстве XIX века не было буржуазии, которая осмелилась бы следовать такому типу гуманистического, образовательного идеала, как в классических гимназиях Германии и в других европейских странах.

Термин «человечность» в России появляется вначале в литературе, но в октябре 1917 года приходит конец и исследованиям Античности, которые успели за короткое время своего существования, благодаря Ф.Ф. Зелинскому, М.И. Ростовцеву, И.И. Бикерману и другим, достичь европейского уровня, и лицам (по образцу Царскосельского лица), открывавшимся во второй половине XIX века.

Российские общественные мыслители XIX века (Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Бакунин, Кропоткин и другие) под влиянием Фурье, Сен-Симона, Оуэна, а главным образом антропологизма Фейербаха, рассуждая о «человечности» и гуманизации общества, о просвещении и образовании народа, в первую очередь имели в виду освобождение крестьянства от крепостного права.

Известно, что в революционных манифестах 1860-х годов народники стали использовать выражение «новый человек», отсылающее к подзаголовку изданного в 1863 году романа Чернышевского «Что делать?» («Из рассказов о новых людях»). А основоположник русского марксизма Николай Плеханов в 1898 году опубликовал статью о роли личности в истории, в которой выступил против проявления любого рода гуманизма. Никогда не использовал термин «гуманизм» в его классическом понимании и Ленин, однако уже в 1930-е годы советская пропаганда определила его как «величайшего гуманиста» с идеями гуманистического характера. Русские религиозные мыслители конца XIX — начала XX века (Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семен Франк, Павел Флоренский, Василий Розанов и другие) создали направление «русской философии» и при этом тоже почти никогда не ссылались на основателей гуманизма, провозгласивших самодостаточность человека и расставшихся с вечной истиной о Боге. Христианское богочеловечество противопоставлялось склонности Запада видеть в

Любовь Попова. Без названия. 1916–1917

человеке бога — центральная тема творчества Владимира Соловьева, Федора Достоевского и других русских мыслителей и писателей. «Христианский гуманизм» был чужд русской религиозной мысли как в России, так и за ее пределами. В 1915 году Николай Бердяев завершил свое эссе «Русская душа» утверждением, что в России откровение для человека может быть только религиозным.

После Октябрьской революции «гуманизм» считался буржуазным и в дискурсе молодой Советской республики встречался только в дискриминационной комбинации как «буржуазный гуманизм», характеризующий западную культуру. Целью русской революции являлось формирование человека абсолютно нового типа: создание сообщества «новых советских людей». По словам Николая Бухарина, новый «человеческий материал» должен формироваться для коммунистического общества везде, где только возможно. Как и *homo sovieticus* (человек труда и человек коллектива), «новый человек» стал мифической фигурой советской идеологии.

Первые трудовые лагеря, имевшие образовательные цели и призванные перевоспитывать и улучшать людей через труд, были определены писателем Максимом Горьким и педагогом Антоном Макаренко как места для выращивания «нового советского человека». Феликс Дзержинский определял концлагерь как «школу труда». Один из первых трудовых лагерей появился по приказу Ленина на Соловках, чтобы «перековывать» классовых врагов через «исправительные работы» в новых социалистов.

Особенно важную роль в том, что тогда называлось «перековкой» — старого в новое, сыграл Максим Горький, который к концу двадцатых годов был самым признанным советским писателем. В многочисленных статьях, публиковавшихся на страницах «Правды» и «Известий» и выходявших миллионными тиражами, он превозносил исправительно-трудовой лагерь как уникальную модель ресоциализации преступников (но не политических заключенных) через труд. Горький считал эту модель уникальной для формирования «нового человека» и строительства социализма. Офицеры ОГПУ, отвечавшие за управление лагерями, были для него «глашатаями революции и творцами культуры».

После возвращения в советскую Россию Горький не употреблял термин «гуманизм», за исключением ряда случаев в сочетании с определением «буржуазный», и в начале 1930-х придумал неологизм «пролетарский гуманизм». Восхищение политикой индустриализации Сталина и его методами подвигло писателя увидеть в новом советском человеке настоящего героя своего времени. И именно в этом контексте он впервые заговорил о «пролетарском гуманизме» и «советском гуманизме», эти термины затем вошли в сталинский дискурс середины 1930-х годов. А после смерти Сталина вместо них появились новые термины «социалистический гуманизм» и «марксистско-ленинский гуманизм», но ссылки на Горького и его «пролетарский гуманизм» продолжались вплоть до перестройки. Еще в 1985 году авторы «Истории философии в СССР» и других изданий ссылаются на Горького.

На Первом съезде Союза советских писателей в 1934 году выступающие говорили, что «большевистский героизм» в литературе не проти-

воречит «советскому гуманизму», вдохновляя читателя на активную борьбу с угнетением, неравенством и несправедливостью, в отличие от «буржуазного гуманизма» прошлого, который культивировал пассивность по отношению к человеческому страданию.

Целью «пролетарского гуманизма» для Горького было «полное освобождение трудящихся всех рас и наций от железных когтей капитала». В своей заметке «Пролетарская ненависть» он подчеркивал, что «истинным гуманизмом может быть только гуманизм пролетариата» с его «неугасимой ненавистью к буржуазии», «буржуазному гуманизму» и «господству капитализма»¹.

К середине 1930-х годов ненависть, таким образом, стала основной идеей «пролетарского гуманизма».

Спустя год после съезда Союза писателей СССР в Париже состоялся международный Конгресс писателей в защиту культуры (21–25 июня 1935), возродивший тему гуманизма. На конгрессе было прочитано послание Горького, где говорилось, что «истинный гуманизм может быть только гуманизмом пролетариата» и должен идти рука об руку с «нашей ненавистью к классовому врагу». В своих выступлениях Жорж Фридман, Клаус Манн, Иоганнес Роберт Бехер, Поль Низан, Жюльен Бенда, Анри Барбюс (написавший в те годы восторженную биографию Сталина) определяли гуманизм как «надежный инструмент» защиты от фашизма и немецкого национал-социализма. И тем самым гуманизм, воплощенный сталинским Советским Союзом, превратился в принцип борьбы против бесчеловечности национал-социализма.

В день открытия Парижского конгресса, 21 июня 1935 года, газета «Правда» опубликовала на первой странице статью немецкого писателя-коммуниста Альфреда Куреллы «Советский гуманизм», где Курелла определил его как «реальное уничтожение класса зверей и паразитов», назвал Маркса, Ленина и Сталина «великими друзьями человечества» и «великими гуманистами пролетариата». После войны Курелла стал одним из ведущих функционеров ГДР.

С середины 1930-х годов слово «гуманизм» и его эпитеты «пролетарский», «социалистический», «плебейский», «воинствующий» используются все чаще. Выражение «пролетарский гуманизм» становится своеобразным ритуальным атрибутом при упоминании имен Ленина и Сталина. А сталинская Конституция 1936 года и новая концепция советского правосудия восхваляются как достижение «социалистического гуманизма».

Ведущие философско-экономические журналы того времени, например «Под знаменем марксизма» (1922–1944), со второй половины тридцатых годов периодически публикуют об этом статьи. В столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина поэта возводят в ранг социалистического гуманиста. В одной из своих последних опубликованных статей перед политическим процессом в 1936 году Николай Бухарин охарактеризовал

«социалистический гуманизм» как особую, исторически совершенно новую форму гуманизма, в центре которой коллективный человек и коллектив. Общность, солидарность, братство, дружба, любовь, гуманность и уважение к личности — таковы основы «социалистического гуманизма», где человек способен на все ради общества и во имя общества.

Вершиной панегириков о «гуманизме» стала статья Александра Фадеева «Сталинский гуманизм», появившаяся в газете «Правда» через три дня после смерти Сталина. Фадеев, председатель Союза писателей СССР в 1946–1954 годах, написал статью за три дня до смерти Сталина, и теперь она появилась как раз вовремя, чтобы вспомнить о его заслугах. В статье Фадеев напомнил о двух визитах британского писателя Джорджа Уэлса в Советский Союз и о его встрече со Сталиным для иллюстрации различий между старым классическим или буржуазно-демократическим гуманизмом и новым гуманизмом Ленина и Сталина, который сделал Советский Союз самой прогрессивной страной мира. Маркса в похвале, адресованной Сталину, Фадеев не упоминал. В мае 1956 года после речи Хрущева против сталинского культа личности Фадеев покончил с собой, сообщив в прощальном письме о своем негативном отношении к новым партийным лидерам.

При Сталине «Экономическо-философские рукописи» молодого Маркса (написанные в 1844 году, но обнаруженные только в конце 1920-х) не были опубликованы в Советском Союзе.

В этом тексте Маркс говорил о «существующем гуманизме» и «истинном гуманизме» как о победе над отчуждением рабочего от продукта его труда капиталистическим классом. С тех пор как стало известно об этом тексте, он широко обсуждался западными философами-марксистами (Герберт Маркузе, Хендрик де Ман, Дьёрдь Лукач, Карл Корш и др.), в то время как в сталинском Советском Союзе о проблеме «отчуждения» предпочитали не говорить. Только после смерти Сталина «Экономическо-философские рукописи» были опубликованы массовым тиражом².

Отныне, согласно Марксу, «реальный гуманизм» начинает отождествляться с коммунизмом, который может быть построен только в СССР. А «социалистический гуманизм» (вместо термина «пролетарский гуманизм») интегрируется во вновь созданную академическую дисциплину «марксистско-ленинская этика» (1959). «Человек должен представлять собой высшую ценность для человечества, гуманизм — вот настоящее содержание коммунизма» (Г.Д. Бандзеладзе) — в этом суть новой дисциплины. С этого времени специалисты по марксистско-ленинской этике используют слова «коммунизм» и «гуманизм» как синонимы. Оба термина рассматриваются как «конечные цели» человеческого прогресса, и этот новый гуманизм коммунизма формирует нового человека. Однако, как и при Сталине, «советский гуманизм» тесно связан с клас-

Александр Родченко. Сбор на демонстрацию. 1928

своей борьбой и классовой ненавистью, а ссылки на тексты Горького нередко появляются даже в философских справочниках.

С другой стороны, позднее «открытие» молодого Маркса позволило советским философам впервые получить доступ к западной марксист-

ской литературе (например, к работам Луи Альтюссера) и обсудить марксистский ревизионизм. Но это уже другая тема.

Советская Конституция 1977 года определяет «социальный гуманизм» в терминах социалистических прав человека в противовес правам человека в капиталистических, буржуазных обществах. Начиная с 1960-х годов советские идеологи утверждали, что русские «домарксистские» мыслители Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский (по словам Ленина, «революционные демократы») были «революционными гуманистами» (А.Ф. Шишкин). Они выступали против «сентиментального, пассивного, слезливого гуманизма» и «социалистического утопизма Фурье, Сен-Симона и Оуэна». Из чего следовало, что в стране существовала отечественная гуманистическая традиция.

В своей статье, опубликованной в журнале «Вопросы философии», Владислав Лекторский вспоминал о расцвете фразеологии советского гуманизма при Брежневе³. Действительно, огромная пропагандистская сеть находила тогда «реальный гуманизм» во всех сферах социалистического уклада: в новой Конституции СССР 1977 года, гарантирующей гуманистические нормы жизни⁴, в советском суде как «самом гуманном суде в мире», в глубокой любви к миру, в системе здравоохранения, праве на работу, образование — везде царил «абсолютный гуманизм». Даже Русской православной церкви было поручено пропагандировать идею гуманизма и мира на заседаниях Вселенских соборов, на которые церковь была допущена в 1961 году.

И в том же году новая программа Коммунистической партии Советского Союза провозгласила человеческое поведение и взаимное уважение людей нравственными основами советского общества. «Человек — друг, товарищ и брат». К этому времени величайшим гуманистом и самым человечным из всех людей считается Ленин, а совершенным гуманизмом — марксизм-ленинизм.

Параллельно с пропагандистским использованием при Брежневе «марксистского гуманизма», равного «советскому коммунизму», диссиденты 1970-х годов — Сахаров, Боннэр, Марченко, Григоренко, Алексева, Ковалев — связывали свой призыв о правах человека в Хельсинкской правозащитной группе с призывом к «истинному гуманизму».

И в этом же контексте напомним о полемике тех лет между двумя бывшими узниками ГУЛАГа: писателями Варламом Шаламовым и Александром Солженицыным.

Для Шаламова (я имею в виду его «Колымские рассказы») гуманистическая русская литература XIX века (Лев Толстой и его последователи) идеологически близка террору XX века. «Все террористы были толстовцы и вегетарианцы, все фанатики — ученики русских гуманистов».

«Как люди, которые на протяжении поколений воспитывались в традициях гуманистической литературы XIX века, могли создать Аушвиц и Колыму?..»

Для Шаламова лагерь — это конец эксперимента о достижении коммунистического равенства под названием «новый человек».

А Солженицын рассматривает лагерь как познание самого себя, учебный процесс и даже как миссию для своего писательского опыта. Критикуя западный либерализм, он осуждает его как «деструктивную свободу», которая строится на гуманизме и Возрождении, где личность превыше всего, а свобода индивидуума выше коллективного благополучия.

Что составляет суть гуманизма в современной России?

Во время перестройки марксистская доктрина и марксистские утопические утверждения утратили прежнее значение, но было важное исключение — философ Иван Тимофеевич Фролов (1929–1999)*. С начала 1980-х годов Фролов развивал и защищал «новый» «реальный» гуманизм, ссылаясь на «Экономическо-философские рукописи» Маркса и современные научные достижения в области биологии и генетики. И обращал внимание читателя на фактор развития человека в условиях продолжающейся научно-технической революции.

После перестройки появились первые учебные пособия по культурологии, написанные бывшими преподавателями марксизма-ленинизма, и культурология стала академической дисциплиной. Авторы пособий, продолжая традицию, которая сложилась в дореволюционной России, отмечают, что русские религиозные мыслители, близкие к православию, никогда не были сторонниками западноевропейского гуманизма. И при этом часто цитируют Н.А. Бердяева, который в «Русской идее» (1946) задавался вопросом, не способствовал ли тот факт, что Россия не знала гуманизма и Ренессанса в западном смысле, особенно острому его кризису (дегуманизации) в России. В результате чего «атеистический гуманизм перерос в антигуманизм».

В 1990-е годы понятия «гуманитарные науки», «гуманистика», «гуманизация образования» вошли в моду без четкого определения самого термина «гуманизм».

Многочисленные кандидатские диссертации о гуманистической педагогике пишутся в это время на основе укоренившейся традиции гуманизма в русской педагогике, связанной с уже названными мной именами Новикова, Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, ставших гуманистами в СССР.

Гуманизм с точки зрения этой педагогики не имеет ничего общего с универсализмом, он ограничен русской традицией.

* В 1968–1977 гг. главный редактор журнала «Вопросы философии», в 1987-м — один из трех помощников Горбачева, ответственных за идеологию, 1989–1991 гг. — главный редактор газеты «Правда».

Между тем в 1995 году философ Валерий Кувакин (МГУ) создает Российское гуманистическое общество, которое предложило свой вариант светского, гражданского гуманизма, а его методом считает «критическое мышление». Это общество является членом Международного гуманистического и этического союза.

Российское гуманистическое общество (РГО) выступает против любых видов религий; оно требует уважения свободы личности и гражданских прав, гарантированных Конституцией РФ; оно требует научного подхода без религиозных догм и мифов; оно требует морали и этики вне религиозной основы, светского государства без клерикализма, авторитаризма, национализма, шовинизма и ксенофобии; равных прав для мужчин и женщин; права на аборт; отмены смертной казни и т.д.* В книге «Основы современного гуманизма», изданной РГО (2002), русский гуманизм в основном отождествляется с гуманностью, которая зародилась в Киевской Руси. Ломоносов, Пушкин, Герцен, Бакунин, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Толстой, Достоевский — все они великие русские гуманисты; несмотря на тоталитарный сталинский режим, русский народ сумел сохранить старые русские традиции милосердия, братства, любви и продолжить русскую гуманистическую традицию, подчеркивает один из авторов книги.

Очевидно, что главный противник светского гуманизма Русского гуманистического общества — Русская православная церковь, которая в самых резких тонах осуждает «ересь гуманизма» и человекопоклонство.

И к сказанному добавлю: нередко слово «гуманизм» можно услышать и в выступлениях современных российских политических лидеров. Например, я помню речь Владимира Путина в бундестаге 9 сентября 2001 года, когда он оценил решение советского руководства, которое привело к падению Берлинской стены, как «распространение европейского гуманизма». В последнее время, правда, Путин предпочитает противопоставлять российский гуманизм и российские ценности западным ценностям.

Разумеется, и в западных обществах политики и журналисты, употребляя термин «гуманизм», выражаются не всегда корректно и позволяют себе расплывчатые формулировки. Поэтому я хочу вернуться к началу своего выступления, к проекту моего друга и коллеги Йорна Рюсена, в который я вовлечена, и задать несколько вопросов. Можем ли мы отойти от старого европоцентрического и этноцентрического понимания гуманизма и почувствовать его универсальность? И если можем, то каким будет вклад России в будущее глобального гуманизма и межкультурного диалога? Как быть с советским экспериментом, когда гуманизм служил самолегитимацией советской системы?

* См. Манифест российских гуманистов: www.humanism.ru.

Можно ли просто забыть о его пропагандистском использовании и сказать, что пролетарский, революционный, марксистско-ленинский, классовый гуманизм не существовал как проект и тем самым исключить его из новейшей истории России?

Или мы сначала должны попытаться понять советскую пропагандистскую деятельность хотя бы в специфическом контексте противостояния фашизма и национал-социализма и оценить ее как часть исторической, политической культуры коммунизма, которая существовала не только в Советском Союзе, но и во многих других странах, где она оставила свои следы до сегодняшнего дня, как, например, в Китае?

Что делать с тем, что в российском интернете до сих пор без комментариев остаются посещения Максимом Горьким концентрационных лагерей? Стоит ли сожалеть, что Россия не является частью западного гуманизма? Возможно, Россия может предложить что-то другое, сравнимое с западным гуманизмом, что-то, что мы игнорируем? Может быть, «человечность», «человеческое существование» означают в России что-то еще, более важное, чем в западных культурах? Свидетельствует ли наше отношение к гуманизму о многовековой дихотомии между Россией и Западом?

И наконец, главный вопрос: возможна ли демократия без гуманизма, или гуманизм — условие демократии?

Post Scriptum

Как немка, я не имею ни малейшего права обвинять русских в советском злоупотреблении гуманизмом. Что мы, немцы, сделали с «нашим» гуманизмом? Почему гумбольдтовский идеал не сопротивлялся Освенциму? У меня нет ответов на эти вопросы, но я глубоко убеждена, что оба наши народа, принимая свое прошлое, преодолевают ужас травматичного опыта во имя настоящего и будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Правда. 1935. 23 сентября; Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1935. 23 сентября; Литературная газета. 1935. 24 сентября. В 1960—1970-х гг. фразы Горького о ненависти встречаются практически во всех учебных пособиях и учебниках по этике. — Здесь и далее прим. ред.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

3 Лекторский В.А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6.

4 Самаль А.И. Гуманизм советской конституции. Минск, 1979.

Нужен ли гуманизм в постчеловеческом мире?

Современная культура совершает явный разворот от рационального к чувственному, от значения к присутствию, от слов к телу. Сущность человека традиционно определялась в контексте подчинения телесного сначала духовному, а с XVIII века — рациональному. Но уже в XIX веке, когда интеллектуалы начали сводить счеты с разумом, баланс рационального и телесного явно смещается в пользу последнего. Социальные и гуманитарные науки исследуют спонтанность поведения, невербальный язык тела или символические структуры, занявшие в топике Жака Лакана место бессознательного. Работу довершили технократы, противопоставившие отделенной от духа и разума человеческой телесности технологические возможности ее «усовершенствования». Результат очевиден. Мода на трансформацию тела (пластические операции, пирсинг, вживление металла и силикона — пожалуй, самые безобидные формы такой трансформации) — не просто следствие желания подчеркнуть свою индивидуальность (индивидуальность в таких трансформациях несложно и потерять). Попытки «усовершенствовать» человеческую природу или укротить ее техническими или медицинскими средствами всё чаще представляют собой не вполне осознаваемое проявление утраты человеком своего центрального положения в картине мира. Идею антропотехнической гибридности развивает французский социолог Бруно Латур, рассматривая в качестве новых субъектов не человека, а такие гибриды, как, например, «человек-телефон» или «человек-автомобиль»¹. Современное искусство увлечено не столько человеком, сколько продуктами его интеграции с техникой, животным миром, внеземными или хтоническими силами. Симпатичные и ужасные мон-

Дмитрий Горин, доктор философских наук

Фрагмент экспозиции «Александр Маккуин. Дикая красота». 2011

стры, оборотни и суперлюди стали главными персонажами популярных фильмов и любимыми детскими игрушками. Человек вытесняется даже из сферы творчества и образования, где совершенствующиеся алгоритмы берут на себя роль художника, композитора, писателя и преподавателя. Утрачивая идентичность, человек оказывается в постчеловеческом мире.

Свидетельством утраты человеком центрального места в картине мира являются изменения в переживании времени. Линейные цепочки, позволяющие осмысливать происходящее в контексте причинно-следственной логики, рационализирующей взаимосвя-

зи прошлого, настоящего и будущего, вытесняются иными представлениями о времени. Время в современной культуре переживается как неоднородное, прерывистое и обратимое, что напоминает черты культуры Средневековья, когда таинственные «разломы» во времени служили своеобразными «окнами» в иные нечеловеческие пространства — небесные или хтонические. Эти представления угадываются в современных способах подачи новостей и в особенностях открытия информации современными медиа. Новости, с которыми человеку трудно скорреспондироваться, разрушают способность понимать смысл, причины и

цели происходящего. Современное манипулирование возможно именно вследствие углубляющегося разрыва между личными усилиями и новым потоком событий. Как писал Джордж Франкл, «вместо того чтобы рассматривать отношения между людьми как личностные, их деперсонализируют, превращая во внешние, объективные события, подлежащие манипулированию». И далее: «Потребность человека иметь внутренний образ внешнего мира, чтобы понимать причины и цели происходящих вокруг событий, оказывается вытесненной массой информации, которую невозможно объединить в одну концепцию». В результате «самая важная часть нашего интеллекта, а именно его синтезирующая способность, подавляется и ставится под подозрение»². Если человек утрачивает способность самостоятельно строить собственные временные цепочки, то подрывается и его способность продуцировать свои личные проекты. Поэтому столь значимой стратегией противостояния названным тенденциям в европейских обществах стала идея солидарности и коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас), позволяющая укоренить информационные потоки в жизненных мирах и вернуть человеку утраченное положение «меры всех вещей».

На постсоветском пространстве эти тенденции обретают свой колорит. Развитие европейской культуры в последние пять столетий проходило под знаком гуманизма, антропоцентризма и индивидуализма. Одним из первых и наиболее ярких примеров новоевропейской гуманистической антропологии является антропология Пико делла Мирандолы. Он полагал, что

человек создан без определенного образа для того, чтобы он сам, руководствуясь своей свободной волей, определил самого себя и осветил смыслом свою жизнь. Однако доминирующие в России ментальные тенденции устойчиво отделяли духовное от индивидуального. Незрелость института частной собственности также тормозила обретение человеком права на самого себя, свою самостоятельность и автономность. Поэтому в XX веке советская антропология изначально была социоцентричной. Проблема соотношения в человеке социального и природного еще на заре советского проекта была решена в пользу принципиального «улучшения» человеческой природы на основе ее радикальной социализации. Постчеловеческая перспектива открывается в России напрямую из традиционного социоцентризма, минуя устойчивый опыт модерна с характерными для него гуманизмом, антропоцентризмом и индивидуализмом.

Советская технократическая утопия реанимировала феномен коллективной телесности, давая человеку новую надежду на коллективное спасение (можно вспомнить придуманный Владимиром Маяковским хрестоматийный образ большевистской партии как «миллионнопалого» тела, противопоставленного жалкой «Единице»). Коллективная телесность представляет собой весьма интересный феномен, который, конечно, не является феноменом исключительно советской культуры. Он продуцируется, например, в традиционных культурах. Однако особенность культуры России состоит в том, что она не просто сохраняет, а с новой силой воспроизводит феномен коллективной телесности в технократи-

ческих перспективах. Его новый технологичный характер был зафиксирован еще в романе Евгения Замятина «Мы», написанном в 1921 году, но опубликованном на родине писателя почти семьдесят лет спустя. Надежды на коллективное спасение и «абсолютно точное решение задачи счастья» для «единого, миллионнорукого тела»³ связываются теперь с математическим расчетом и технократическими иллюзиями. В этой перспективе слабость «Я», растворяющегося в коллективном «мы», парализует личностные силы и лишает общество тех механизмов, которые защищали бы от рецидивов тоталитарных идентичностей.

Социоцентризм, соединенный с отрицанием ценности индивидуальной жизни, становится особенно опасен в условиях развития информационных технологий. В 1926 году советский писатель Сигизмунд Кржижановский в повести «Клуб убийц букв» воспроизводит характерные последствия перехода от «буквенного» к «эфирному». Название повести указывает на недоверие к письменной традиции, на смену которой приходят «эфирные» потоки, которые «выветривают» остатки индивидуального сознания. Герою повести приходит идея социализации психики путем облучения ее «управляемым потоком эфира» («отчего, черт побери, не вывернуть все наши in в ex»⁴). Эта идея осуществляется благодаря открытию «виброфагов» — особого вида «паразитирующих на мозге микроорганизмов», которые лишают организм любых проявлений индивидуальности, сохраняя лишь «мускульную систему» — чистую телесность, подчиненную единому центру управления. Из соединения действия «виброфагов»

с «управляемым потоком эфира» получается некий коллективный монстр, в своих главных чертах напоминающий идеал советского общества как единого многомиллионного тела, направляемого волей его создателя и вдохновителя. Если отсутствует устойчивая ценность личности, то техника и технологии не освобождают человека, а делают его еще более уязвимым.

В российских консервативных дискурсах утрата гармонии человеческого духа часто связывается с гуманизмом, который действительно способствовал развитию науки и технологий. Ценность автономной личности, ее прав и свобод также подвергается критике в стремлениях обосновать выход из современного кризиса в утопической идиллии прошлого. Критики гуманизма выводят его из герметико-гностической традиции, каббалы и неоплатонизма, которые получили широкое распространение во второй половине XV века. Это дает им основания рассматривать гуманизм как «своего рода религиозную альтернативу христианству» и источник не просто секуляризации, а «дехристианизации» европейской ментальности и ее базовых идеалов⁵. Действительно, философия и искусство Ренессанса стали проявлением разнообразных влияний, в том числе герметизма, гностицизма, каббалы и неоплатонизма. Однако это не дает основания для противопоставления гуманизма и христианства. Напротив, гуманизм появляется и развивается именно в русле христианского мышления, имеющего явно выраженное личностное начало.

Усилия, предпринимавшиеся российскими антизападниками в попытках избежать модерна и постулировать для

России «особый путь», не могли создать предпосылки защиты человека перед вызовами технократизма и современного ментального кризиса. Появившийся на заре европейского модерна гуманизм в современной Европе является той основой, которая позволяет отстаивать ценность личности и поддерживать развитые структуры гражданского общества, основанные на культуре диалога и терпимости к иным системам убеждения. Уже эти черты западного модерна сами по себе являются защитными механизмами от тотальной увлеченности любыми, пусть и самыми красивыми иллюзиями. В культуре России слишком сильны традиции, отрывающие духовное от индивидуального и помещающие дух в коллективную телесность. Без освобождения человеческого духа от коллективистских иллюзий сложно представить себе основания духовности в дифференцирующемся обществе. «Кентавричность» культуры России сама рождает своих монстров, и далеко не лучшие голливудские образы, попадая в постсоветскую Россию, ложатся на хорошо подготовленную почву.

В современных условиях отказ от гуманизма, от ценности личности и защиты ее индивидуальности не решает, а еще более усугубляет проблему. Человек всегда существовал, расширяя свое жизненное пространство и переопределяя свою собственную сущность в постоянно открывающихся новых перспективах. Решение проблем, стоявших перед человечеством, никогда не было

успешным, если оно основывалось на движении назад. Традиции гуманизма, черпающие свои идеалы в европейском Ренессансе, оказываются не ступенью к постчеловеческому миру, а тем основанием, которое позволяло удерживать ценность человека в любых условиях. Клод Леви-Стросс писал, что гуманизм за последние пять столетий был открыт трижды. Первое открытие утвердило антропоцентризм и веру в безграничные возможности человека, второе — многообразие проявления человеческой культуры, третье — универсализм специфически человеческого. Если нам все-таки предстоит схватка (пусть и воображаемая) с безликими алгоритмами и технократическими монстрами, то отстоять свою человечность в этой схватке мы сможем, основываясь не на отказе от гуманизма, а на новом его прочтении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Latour B. We have never been modern. New York: Harvard University Press, 1993.
- 2 Франкл Дж. Цивилизация: утопия и трагедия. М.: АСТ; Астрель, 2007. С. 239, 240.
- 3 Замятин Е. Избранные произведения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 22.
- 4 Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1991. С. 466.
- 5 Изгин В.П. Не открытие культуры, а ее проект // Постигание культуры: Ежегодник. Вып. 10. М.: Министерство культуры РФ.; Рос. институт культурологии, 2000. С. 39.

*Лев Шлосберг,
политик, правозащитник,
журналист, г. Псков*

О постсоветском наследии и четырех сценариях развития России

Советский Союз распался почти три десятилетия назад, но постсоветская эпоха все еще не закончилась, уверен политик, депутат Псковского областного собрания депутатов от «Яблока» Лев Шлосберг. Переходный период, который должен был решить задачи реформирования государственности, завершился, толком не успев начаться. «Чем дольше этот период длится, тем сложнее его последствия для страны, вплоть до полного отрицания целей постсоветского реформирования, что мы уже наблюдаем в России», — говорит Шлосберг. На семинаре Ассоциации школ политических исследований при Совете Европы он рассказал, что с российской политической системой пошло не так в девяностые, почему Владимир Путин не хочет установления военной диктатуры и есть ли шанс у гражданского общества в России. Наш постоянный корреспондент Наталья Корченкова пересказывает основные тезисы его выступления.*

О советской сороконожке, независимости и комплексе «компынского вагончика»

Одной из главных причин, по которой распался СССР, была его несовременность: идеологическая монополия, архаичное госуправление, неспособность к быстрому реагированию. Советский Союз был сороконожкой, которая при решении важных вопросов в жизни страны долго думала, с какой ножки начать, и в итоге делала неправильные шаги.

* 3 октября 2019 г., Юрмала (Латвия).

Распад Советского Союза стал вызовом для всех 15 государств бывшего СССР. В каком-то смысле 1991 год был стартовой площадкой, на которой стояли 15 бегунов в разной форме, с разным экономическим, социальным и политическим багажом, но момент старта — он у всех равный. И важнейшим, принципиальным приобретением 14 государств из 15 стала государственная независимость. Она искупала практически все: нищету, изоляцию, неготовность к собственной экономической деятельности, социальную угнетенность, полное отсутствие государственных институтов.

Россия же с распадом СССР потеряла огромные территории. Советский Союз всегда позиционировался как наследник Российской империи в территориальном плане. Даже не власть, а именно общество воспринимали утрату этих территорий очень болезненно, как безусловное историческое и политическое поражение. Что такое была для нас псковско-эстонская и псковско-латышская граница? Ничего. Мы просто садились в Пскове в автобус и выходили в Тарту, в Таллине, в Риге... Беловежские соглашения значительной частью общества воспринимались едва ли не аналогично с Компьенским мирным договором, согласно которому Германия капитулировала (соглашение о прекращении военных действий в Первую мировую войну было заключено 11 ноября 1918 года между Антантой и Германией в железнодорожном вагоне маршала Фердинанда Фоша в Компьенском лесу). Психологически осознать, что обретение свободы другими государствами — это не плохое событие, было непросто. Но мало кто из российских и в целом постсоветских политиков работал с этим комплексом «компьенского вагончика».

Компенсировать России потерю территории можно было только созданием современных демократических институтов, строительством открытого, современного, успешного государства, где люди могли бы реализовать себя. То есть ответом на свободу других должна была стать наша собственная свобода. Но вместо этого вся российская власть превратилась в «компьенский вагончик».

Об ошибках Ельцина, свободе и четырех глобальных задачах

Кто нес ответственность за постсоветское реформирование? Безусловно, первый президент России Борис Ельцин и все его правительственные ресурсы. Два президентских срока Ельцина и должны были стать тем самым историческим периодом, когда необходимо было завершить всю постсоветскую реформу — это целых восемь лет, это половина жизни поколения.

Что нужно было сделать? Речь шла о четырех составляющих реформы: политической, судебной, экономической и социальной.

Перед Ельциным и его правительством стояла задача по созданию государственных и общественных институтов. Но фактически политическая реформа оказалась временным, сконструированным буквально на коленке компромиссом между конфликтующими к тому моменту кланами российской власти. С одной стороны — объявленный федерализм, с другой — все зачатки унитарного государства, с одной стороны — права и свободы человека и гражданина и приоритет норм демократического государства, с другой — все зачатки для выстраивания абсолютно автономной государственной конструкции, которая может преодолевать любые международные обязательства. И все это было зашито в Конституцию 1993 года, спешно принятую. Судебная реформа была объявлена, но не была проведена. Корпус независимых судей стал появляться и очень быстро осекся, когда стало понятно, что независимый суд в постсоветской системе не приветствуется. Экономическая реформа — по сути, самая успешная часть деятельности Ельцина. Проблема защиты частной собственности не была решена, но тем не менее возможность ведения экономической деятельности была открыта. Что касается реформы социальной государственной системы, которая обеспечивает развитие образования, здравоохранения, культуры, науки, — за восемь лет Ельцин вообще не коснулся этой задачи, для этого просто не было денег.

Почему ни одна из этих задач не была решена? Потому что ни Ельцин, ни пришедшая с ним группа людей в абсолютном большинстве не доверяли обществу. Это совершенно парадоксальная вещь. Придя к власти исключительно благодаря воле общества, переломив советскую систему, позицию Горбачева, Ельцин общества опасался и базировать свою позицию на общественном договоре не стал. Еще при Ельцине общество стало восприниматься как угроза, источник опасностей и рисков, а не как источник силы. В 1991 году за Ельцина проголосовало более 50% избирателей, 37 млн человек: к моменту начала реформ и он, и правительство, имели колоссальную поддержку людей. Но в связи с тем, что ни одна из четырех главных задач не была решена, власти утратили общественную поддержку. Эта утрата создала огромный энергетический потенциал для реванша.

Недооценив важность политических реформ, Ельцин был убежден, что коммунизм повержен раз и навсегда, историческое развитие необратимо. Этот миф о необратимости демократических достижений привел к полному краху всего того, чего удалось добиться на непродолжительное время. Оказалось, что в политике нет ничего необратимого.

**Об обществе вчерашнего дня,
важности государственных границ и страхе перед будущим**

Именно из нереализованности постсоветских задач вырос и созрел Владимир Владимирович Путин. Путин стал ответом общества на провал постсоветской политики в России.

Владимир Путин — глубоко советский человек. Он пытается построить правильный — в его понимании — Советский Союз. Во всех своих проявлениях

Путин обращен в прошлое, например в заявлениях о том, что интернет разработан в ЦРУ, чтобы заниматься слежкой за людьми. Все его действия направлены на то, чтобы получить поддержку советской или постсоветской части общества. Он не ведет страну вперед и

В Россию возвращается ценность выборов, несмотря на все, что было сделано по отношению к избирательной системе и в целом к политической системе за последние пятнадцать лет.

Людям необходима мирная смена власти, а никакого другого способа, кроме выборов, для этого не существует

не формирует политические тренды будущего, он старается уловить все комплексы, включая комплекс неполноценности, комплекс обиды, комплекс поражения, комплекс унижения, и выстроить на них свою политическую линию. Все усилия Путина на протяжении двадцати лет направлены на создание общества вчерашнего дня.

С формальной точки зрения постсоветский период в России завершился в 2014 году аннексией Крыма. Главная особенность этого события даже не в том, что Россия подтвердила готовность отказаться от ею же подписанных и ратифицированных международных соглашений. А в том, что приращение территории — принцип политики, сформированный еще до нашей эры, оставался доминирующим лишь до середины XX века. Именно из этого родились две самые губительные и разрушительные войны в мире: Первая и Вторая мировые войны. Новая логика мирового развития заключается в снижении значения и роли государственных границ. Действия по изъятию Крыма и возвращению его в состав России находятся в русле политики XX века; они отлично проиллюстрировали, насколько Путин несовременный политик. И эта несовременность системы государственного развития, которую выстроил Путин, — самая большая и самая значительная угроза для страны.

Каковы последствия несовременности государства? Это, во-первых, деградация всех государственных институтов, они не могут развиваться и делать то, что они должны делать, они становятся имитационными. Вы подходите к зданию, на котором написано «суд», но вы не можете там

найти правосудие. Вы видите перед собой средства массовой информации, которые формально являются независимыми, но такой институт, как свобода слова, на них не распространяется. Вы приходите в орган исполнительной власти, в том числе выборный, и вы понимаете, что цель власти не в том, чтобы помочь вам реализовать ваши потребности, а в том, чтобы защитить себя от вас, от народа. Никогда прежде не было таких барьеров в доступе рядовых граждан в здания органов власти: вот уже почти два года вход в псковский Дом советов, где находится администрация региона и областное собрание депутатов, охраняет Росгвардия. Вторых, это полное подавление прав и свобод граждан и общества. Полицейское государство уже сформировано в нашей стране, это не процесс, это результат. Ни одной достоверной статистики оттока мозгов из России нет, потому что большая часть людей, уезжая из страны, не фиксируют утрату гражданства. Но ничего страшнее, чем утрата интеллектуального потенциала, для государства не существует вообще.

Одновременно в стране воспитывается страх перед будущим: все, что связано со свободой действий и самоопределения, вызывает страх. Хотя на самом деле неизвестность и возможность разных путей развития должны вдохновлять. Но людей, которые фактически закрепощены в этой матрице вчерашнего дня, будет волновать любая неизвестная повестка, потому что хочется, чтобы все было известно.

Что дальше:

четыре сценария развития событий

Первый сценарий — инерционный. Все остается как есть: сегодня избираем Путина, завтра Медведева... вот просто фамилия называется, и человек получает всю сакральность власти. Но этот сценарий не может больше воспроизводиться: общество стало меняться. С каждым днем это становится все более нереализуемым, даже вся мощь государственной власти, в том числе насилие и суды, уже не могут обеспечить реализацию этого сценария.

Второй сценарий — принятие новой Конституции и создание нового государственного строя. Может быть все, что угодно: император, псевдопарламентская республика с сильным канцлером... Это может быть даже сценарий, при котором президент прекращает избираться всенародно, либо избирается на сугубо декларативные функции. Российские власти абсолютно точно готовились к этой реформе. У председателя Конституционного суда Валерия Зорькина вышла замечательная статья в «Российской газете», где он ее откровенно изложил: отказ от европейского права и вообще норм международного права, ставка на государственный суверенитет, на закрытие страны¹. И потом помощник президента, бывший первый замглавы кремлевской администрации Владислав Сурков тоже не

удержался и выпустил в свет текст о глубинном народе². Правда, времени на эту конституционную реформу не так много: перераспределение полномочий между органами власти возможно только между созывами Госдумы, а следующие парламентские выборы в 2021 году.

Сценарий третий, самый тяжелый — военная диктатура. Сказать, что этот сценарий не актуален, к сожалению, невозможно, потому что все предшествующие тяжелые наркотики уже использованы: украинский наркотик, венесуэльский... следующий наркотик — война кого-то против России. Это фактически повторение сценария 1 сентября 1939 года, якобы атаки поляков на немцев, появление некой провокации, которую невозможно игнорировать, ответом на которую является фактическое введение военного положения — с утратой всех нынешних, даже имитационных общественных институтов. У этого сценария очень много сторонников внутри окружения Путина, потому что он самый простой. Но, как ни парадоксально, Путин является главным ограничителем этого сценария в России: он приведет к его полной делегитимации в контексте мировой истории. У Путина есть очень важное желание — он хочет войти в историю великим, а его понимание величия не включает в себя прямую военную диктатуру в России; некрасиво, не та слава.

И наконец, четвертый сценарий — электоральная революция. Это сценарий, который сейчас вырастает буквально на наших глазах. В Россию возвращается ценность выборов, несмотря на все, что было сделано по отношению к избирательной системе и в целом к политической системе за последние пятнадцать лет. Людям необходима мирная смена власти, а никакого другого способа, кроме выборов, для этого не существует. Естественное возрождение потребности в мирной смене власти через выборы российские власти не просчитали. Желание иметь своего представителя стало настолько острым, что власть восприняла стремление людей к честным и свободным выборам как главную угрозу себе. Только этот сценарий может вернуть в повестку дня вопрос о демократической политической реформе в нашей стране. Именно этот сценарий становится все более актуальным, и если у нас получится, то мы сможем вернуться к свободе в нашей стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября (rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html).

2 Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля (www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html).

*Софья ду Булей,
аспирантка департамента
социальных наук
Университета Оксфорд —
Брукс, лауреат гранта имени
Марии Склодовской-Кюри
«Горизонт-2020»*

Секреты долголетия: стратегии легитимации политических режимов в России и Казахстане

Никто никогда не думал, что режим может кончиться. ...Можно ли представить, что Земля вдруг перестанет вращаться вокруг солнца?

Марио Варгас Льюса
«Праздник козла»

Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев — автократы¹ с внушительным политическим стажем и огромным опытом, которые, безусловно, войдут в учебники новейшей истории в качестве лидеров самых устойчивых режимов-«долгожителей» постсоветского пространства. Сюзан Глассер сравнивает двадцатилетнее пребывание Путина у власти с правлением Сталина, отталкиваясь от сходства характерных тенденций, присущих каждому из этих периодов — централизации власти, укрепления позиций возглавляемых ими стран на международной арене, преобладающего влияния силовых структур². Нурсултан Назарбаев, «Лидер Нации» — титул был присвоен в 2010 году, — стал первым президентом независимого Казахстана в 1991 году и, с точки зрения Владимира Путина, «создал государственность там, где ее не было»³. Без малого тридцатилетняя политическая карьера Назарбаева, с советских времен до 2019 года, вполне сопоставима с двадцатидвухлетним стажем первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана Динмухамеда Кунаева, находившегося у власти с 1964 по 1986 год.

Но поскольку длительность существования режима отнюдь не означает, что он сохранит свою жизнеспособность,

способность навсегда, современные автократии прибегают к различным способам укрепления или легитимации своей власти⁴. И в России, и в Казахстане послесоветской поры легитимизация осуществляется по трем основным направлениям: 1) упор на экономическое развитие; 2) обращение к идеологическому воздействию; 3) поощрение патримониализма. Разумеется, на реализации этих стратегий в рассматриваемых странах заметно сказывается то обстоятельство, что на макрополитическом уровне Россия позиционирует себя как мировая держава, а Казахстан довольствуется более скромными амбициями регионального «чемпиона» в Центральной Азии. В настоящей статье удержание власти в авторитарных режимах России и Казахстана анализируется именно через методы легитимации, причем, занимаясь этим, я исхожу из двух предпосылок. Во-первых, авторитарная легитимация является процессом, посредством которого происходит обоснование права на власть, определяющее взаимоотношения между обществом и сувереном и поддерживающее в неизменности статус наличной политической системы и ее ключевых акторов⁵. Во-вторых, именно процесс легитимации власти играет решающую роль в поддержании стабильности и жизнеспособности правящего режима⁶.

Экономика

Экономический рост широко признан в качестве ключевого источника легитимации политического режима, особенно в развивающихся странах⁷.

В данном контексте правящая элита выступает в качестве гаранта эффективного предоставления государственных услуг и постепенного роста благосостояния населения, зависящего от поступательного развития экономики и «правильного» перераспределения ресурсов⁸. Иногда это явление называют «утилитарным оправданием власти»; при этом предполагается, что режим сохраняет свои позиции в случае выполнения социально-экономических обязательств перед гражданами и теряет легитимацию при противоположном раскладе. Исходя из этого, политические лидеры тщательно продумывают стратегии «инвестиций лояльности», призванных совместить между собой удовлетворение запросов элиты и нужд широких масс⁹.

Примечательно, что, как правило, экономическая система обладает максимальной легитимностью в глазах тех, кто извлекает из нее наибольшие выгоды¹⁰. В свете этой особенности поддержку путинского режима с 2000 по 2007 год можно объяснять нефтяным бумом и обусловленным им экономическим ростом, повлиявшим на улучшение жизни рядовых россиян, особенно по сравнению с 1990-ми годами¹¹. В свою очередь, в Казахстане, большая часть доходов государственного бюджета поступает от добычи полезных ископаемых¹². В обеих странах экономическая система структурирована таким образом, что национальное благосостояние напрямую зависит от монополизированной экономической деятельности и устойчивости существующего политического режима. Слияние экономических и политических субъектов формирует патро-

нажные сети с участием бизнеса и бюрократии, которые не предполагают прямой политической ответственности власти перед населением¹³.

В прощальном обращении в качестве главы государства к народу Казахстана, произнесенном 19 марта 2019 года, президент Назарбаев уделил особое внимание экономической эффективности своего режима и программам модернизации: «Понимая, что нельзя было построить демократические институты при слабой экономике и бедствующих гражданах, мы во главу угла поставили экономическое развитие и рост благосостояние граждан. В результате этого нам удалось поднять объем экономики в 15 раз, а доходы населения в 9 раз (в долларовом выражении), что позволило сократить уровень бедности почти в 10 раз. Мы самостоятельно и успешно преодолели все выпавшие на нашу долю катаклизмы, включая глубочайший мировой финансовый кризис 2007–2012 годов. ...Мы вошли в число 50 развитых стран мира. Разработана программа развития до 2050 года. Цель — войти в число 30 самых развитых стран»¹⁴.

Той же логикой в плане экономической легитимации своего правления руководствуется и президент Путин. В ходе последней ежегодной «Прямой линии», состоявшейся 20 июня 2019 года, он дал развернутый комментарий, касающийся преодоления Россией экономического кризиса: «Несколько лет назад мы столкнулись сразу с несколькими шоками. Это даже не внешние шоки, связанные с так называемыми санкциями или с внешними ограничениями, а с ситуацией на рынке в отношении наших традиционных экспортных това-

ров — это нефть, нефтепродукты, газ, вообще углеводороды, металлы, химические удобрения, химия вообще и некоторые другие товары. Поэтому у нас произошел такой малоприятный элемент в экономике и в социальной сфере. И действительно, реальные доходы граждан сокращались в течение нескольких лет. Самый большой спад был в 2016 году»¹⁵. И в этом, и в других своих выступлениях Путин не раз подчеркивал, что худшее позади, а стране под его руководством уверенно удастся держать себя на плаву.

Превознесение собственного контроля над ситуацией и манипулирование экономическими показателями помогают авторитарным руководителям сохранять репутацию и доверие со стороны масс и элит даже в трудные времена. Назарбаев безболезненно покинул пост президента в разгар социального недовольства, массовых митингов, гражданских акций, резонансных трагедий в социально-экономической сфере¹⁶. Признание экономических промахов и политических ошибок явно не входило в планы казахстанского лидера, поэтому в прощальной речи он представил публике только позитив. Путин, в свою очередь, постоянно, но всегда пренебрежительно упоминает о внешнем экономическом давлении, как бы желая убедить слушателей в двух вещах: что такое давление, безусловно, имеет место и что мудрая политика российского руководства делает его тщетным и бессмысленным.

Легитимность экономической системы остается особенно деликатным вопросом в постсоциалистических странах — таких, как Россия и Казахстан, где в течение последних десяти-

летий люди пережили тяжелый переход от советского эгалитаризма к структурированному социальному неравенству¹⁷. В недемократических обществах, где львиная доля национального богатства концентрируется в руках немногочисленной олигархии, общественное признание легитимности сложившейся экономической системы имеет принципиальное и даже жизненно важное значение¹⁸. Ярким примером того, насколько опасен для авторитарных режимов провал общественного договора в отношении экономического развития, стала «арабская весна». Поэтому фискальный кризис, рыночная стагнация, колебания социальных ожиданий и падение спроса на сырьевые товары в будущем способны создать серьезные проблемы и для казахстанского, и для российского режима. Сказанное означает, что в долгосрочной перспективе одних только экономических показателей для устойчивой легитимации автократии недостаточно: экономическая легитимация должна подкрепляться легитимацией идеологической.

Идеология

Государственная идеология и официальные политические нарративы являются вторым способом укрепления легитимности режима в России и Казахстане. Организация власти, которая претендует на то, чтобы быть приемлемой и справедливой, нуждается в идейном или нормативном обосновании¹⁹.

В случае России, по мнению Глассер, православие, самодержавие и национализм в совокупности формируют

основной идеологический посыл путинизма²⁰. Идеиный вакуум, созданный после распада Советского Союза, Путин предлагает заполнить «традиционными» ценностями, которые, как он считает, имеют серьезные преимущества перед западным либерализмом.

Культурные формы, «проверенные веками», поддерживают общество в устойчивом состоянии, а стабильность, по словам российского президента, «важнее для миллионов, чем либеральная идея»²¹. В свете сказанного консерватизм предлагается рассматривать как позитивную идеологическую силу, способную сохранять в неприкосновенности лучшие элементы культуры и эффективно противостоять общемировым либеральным трендам. Назарбаев также разделяет позиции, сочетающие «модернизацию общественного сознания» с возрождением «традиционных ценностей». В частности, в Казахстане разработаны и запущены государственные программы «Рухани Жанғыру» (2017) и «Мәңгілік Ел» (2013), нацеленные на изучение и популяризацию национальной истории, культуры и языка. Некоторые специалисты считают подобные этномодернистские проекты инструментами переосмысления истории постколониальных обществ, сложившихся на обломках СССР²². Советский Союз в свое время стремился к искоренению некоторых национальных традиций Центральной Азии, считая это средством избавления от издержек имущественного неравенства, которые препятствуют формированию интернационального социалистического общества. Современные режимы этого региона переживают сложный период

Абылай-хан (1711–1781), хан всего Казахского ханства

переосмысления традиций, которое призвано позволить им обновить национальную идентичность и адекватно реагировать на социальные изменения, включающие среди прочего и переход от эгалитаризма к неравенству²³. Поэтому здесь тоже есть запрос на консерватизм.

В процессе идеологической легитимации крупные средства массовой информации, прежде всего спонсируемые государством, популяризируют официальный дискурс, усиливая его полифонический потенциал; этот процесс подробно был описан Мишелем Фуко, видевшим в медиа «системати-

ческое средство контроля», которое воссоздает доминантный дискурс властных структур. Идеологические аргументы, на которые современные авторитарные режимы опираются в ходе собственной легитимации, нередко противоречивы, сочетая в себе как авторитарные, так и демократические мотивы²⁴. За этим противоречием стоит диссонанс между предоставлением открытого доступа к информации и страхом потерять контроль над политическими процессами. В Казахстане обострение социального недовольства и проведение протестных акций сопровождаются блокировкой социальных сетей и работы интернета в целом²⁵. В России же цензура сетевого пространства пока имеет менее репрессивный характер, хотя ее перспективы многим также представляются угрожающими²⁶.

Идеология представляет собой сложную конструкцию, в которой специально разрабатываемые дискурсы применяются для укрепления связи между политическим режимом и подвластным ему населением. Причем за идеологическими конструктами стоят не абстрактные теоретические дебаты, а чаяния государственной власти и намечаемые ею траектории настоящего и будущего. Консервативные, по сути, попытки возврата к так называемым традиционным ценностям, предпринимаемые и в России, и в Казахстане, обусловлены стремлением к символическому господству авторитарных режимов над своими подданными, повышению спроса на стабильность и предсказуемость, популяризацию существующей власти. Мощным их подкреплением выступают патримонциальные сети.

Патримониализм

Чтобы понять постсоветское политическое пространство, важно сосредоточиться на динамике, а не на обновлении режима²⁷. В отличие от демократических режимов, в устойчивых автократиях смена власти в краткосрочной перспективе не предполагается. И в этой связи нельзя не обратить внимание на патримониализм, выступающий одной из базовых характеристик нынешних автократий. Именно с патримонциальными практиками связана третья и последняя стратегия легитимации режимов, созданных Путиным и Назарбаевым. Под патримониализмом следует понимать форму политического господства, основанную на личной харизме и авторитете лидера, управляющего через систему поощрений и наказаний. Для постсоветской Евразии вообще весьма типична приверженность патримониализму как инструменту легитимации режима, внутри которого формальное социальное равновесие находится в тесной зависимости от системы неформальных отношений типа «патрон — клиент»²⁸. Разумеется, формальные правила и институты в авторитарной системе тоже имеют значение, но они переплетены со сложными механизмами неформального толка.

На развитие структуры власти в Казахстане и России повлияли авторитарный контроль административного аппарата и доминирование исполнительной власти над правовыми и законодательными органами. В обеих странах правовые институты и нормы выполняют легитимизирующую функцию на фоне отсутствующей автономии ветвей власти и их сращивания

между собой²⁹. Важно подчеркнуть, что продемонстрировать эмпирическую связь между легитимацией авторитарного режима и правовой практикой довольно непросто, поскольку причинно-следственный механизм здесь лежит за пределами традиционного понимания закона и либеральной политики. Авторитарный правитель находится как бы над законом, подстраивая его под себя и меняя соответственно текущим политическим приоритетам. Путин и Назарбаев виртуозно владеют этой техникой легитимации, особенно когда дело касается норм, позволяющих продлевать исполнение собственных должностных полномочий и квалифицироваться для участия в очередной электоральной «гонке».

До 1995 года Казахстан развивался как молодое демократизирующееся государство с активным парламентом, живым гражданским обществом и независимой судебной системой. Оно, разумеется, было обеспокоено временным экономическим застоём, вызванным распадом СССР, но его политическое развитие выглядело вполне нормальным. Однако конституционные поправки середины 1990-х изменили исходный тренд, укрепив авторитарное правление и наделив исполнительную власть статусом независимого гаранта Конституции и территориальной целостности страны. Изменения, внесенные в Основной закон Республики Казахстан в 1995 и 1998 годах, принизили законодательную власть и возвысили власть исполнительную, сосредоточив обширные полномочия в руках национального лидера. Позже, желая продлить свою личную власть, Назарбаев увеличил президентский

срок с пяти до семи лет и поднял возрастную ценз исполнения должности главы государства до 65 лет³⁰. Статус «Лидер Нации» упрочнил его позиции в Совете безопасности и закрепил за ним ведущую роль в принятии ключевых решений в кадровой политике и государственном управлении даже после завершения президентского срока³¹.

Конституция Российской Федерации отпраздновала в 2018 году двадцатипятилетие, а Путин вновь подчеркнул вклад Основного закона Российской Федерации в формирование важнейших государственных и общественных институтов страны³². В отличие от Назарбаева он старается хотя бы номинально соблюдать конституционные нормы. Не имея легальной возможности переизбираться более двух раз подряд, он в 2008 году выдвинул в качестве своего преемника Дмитрия Медведева. Подобное патримониальное замещение позволило сохранить путинский режим в неприкосновенности, продлив его жизнь независимо от стратегической кадровой перестановки. Операция «Преемник» столь же успешно была проведена и в Казахстане в 2019 году, при назначении Касым-Жомарта Токаева вторым президентом республики.

* * *

Современные авторитарные режимы не могут сохранять себя, полагаясь исключительно на репрессивные меры. Устойчивые режимы, созданные Путиным и Назарбаевым, обращаются к сложным процедурам легитимации, целью которых является обеспечение идеологически и процессуально обоснованного права на власть. В то

время как большинство демократических режимов заботятся о поддержании легальных основ, авторитарные режимы в России и Казахстане используют комбинацию стратегий по усилению власти через экономическое развитие, государственную идеологию и патримониальную систему. Иначе говоря, три стратегии авторитарной легитимации наделяют носителей власти символическим, юридическим и процессуальным правом на бесконечное продление жизненного цикла своих режимов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Я использую термин «автократ» в традиционном смысле, понимая под ним «лицо с неограниченной властью, самодержца». См.: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. СПб.: Норинт, 1998.
- 2 Glasser S.B. Putin the Great: Russia's Imperial Imposter // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. № 5. P. 10.
- 3 Это заявление прозвучало на молодежном форуме «Селигер» в 2014 году. См.: www.youtube.com/watch?v=0vxCXFFXMPQ.
- 4 Подробнее об этом см.: Brooker P. *Non-Democratic Regimes*. 3rd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- 5 Boulay du S., Isaacs R. Legitimacy and Legitimation in Kazakhstan and Turkmenistan // Isaacs R., Frigerio A. (Eds.). *Theorizing Central Asian Politics: The State, Ideology and Power*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. P. 22.
- 6 Более подробно об авторитарной легитимации см.: Gerschewski J. *The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-Optation in Autocratic Regimes // Democratization*. 2013. Vol. 20. № 1. P. 13–38; Soest von C., Grauvogel J. *Identity, Procedures and Performance: How Authoritarian Regimes Legitimize Their Rule // Contemporary Politics*. 2017. Vol. 23. № 3. P. 287–305; Josua M. *Legitimation Towards Whom? Managing the Legitimacy Crisis in Algeria During the Arab Uprisings // Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Bd. 11. № 2. S. 301–324.
- 7 См.: Dickson B., Mingming S., Jie Y. *Generating Regime Support in Contemporary China: Legitimation and Local Legitimacy Deficit // Modern China*. 2016. Vol. 43. № 2. P. 123–155.
- 8 Zhu Y. “Performance Legitimacy” and China's Political Adaptation Strategy // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16. № 2. P. 124.
- 9 См.: Mietzner M. *Authoritarian Elections, State Capacity, and Performance Legitimacy: Phases of Regime Consolidation and Decline in Suharto's Indonesia // International Political Science Review*. 2017. Vol. 39. № 1. P. 90.
- 10 Подробнее см.: Kluegel J., Smith E. *Beliefs about Inequality: Americans' View of What Is and What Ought to Be*. Abingdon: Routledge, 1986.
- 11 Feldmann M., Mazepus H. *State-Society Relations and the Sources of Support for the Putin Regime: Bridging Political Culture and Social Contract Theory // East European Politics*. 2018. Vol. 34. № 1. P. 66.
- 12 Многочисленные подтверждения этому представляет статистика Мирового банка: www.worldbank.org.
- 13 См.: Rustemova A. *Political Economy of Central Asia: Initial Reflection on the Need for a New Approach // Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 30–39.
- 14 Обращение Главы государства Нурсултана Назарбаева к народу Казахстана // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2019. 19 марта (www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/obraschenie-glavy-gosudarstva-nursultana-nazarbaeva-k-narodu-kazahstana).

- 15 Прямая линия с Владимиром Путиным // Официальный сайт Президента России. 2019. 20 июня (kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/60795).
- 16 Подробнее см.: Урналиев С. Подавление активности ради «стабильности»? // Радио Азаттык. 2019. 19 марта (rus.azattyq.org/a/citizen-activism-in-kazakhstan/29827916.html).
- 17 Junisbai A. The Determinants of Economic System Legitimacy in Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. № 8. P. 1249.
- 18 См.: Wright J., Escribà-Folch A. Authoritarian Institutions and Regime Survival: Transitions to Democracy and Subsequent Autocracy // *British Journal of Political Science*. 2012. Vol. 42. № 2. P. 284–309.
- 19 См.: Петерссон Б. Легитимность, популярность и конструирование политического мифа: современные дискуссии // *Символическая политика* / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 55.
- 20 Glasser S. *Op. cit.* P. 12.
- 21 См.: Путин объяснил преимущество вековых традиций перед либерализмом // Интерфакс. 2019. 11 октября (www.interfax.ru/russia/679990).
- 22 См., например: Adams L. Modernity, Postcolonialism, and Theatrical Form in Uzbekistan // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 333–354.
- 23 Beyer J., Finke P. Practices of Traditionalization in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. № 3. P. 310–328.
- 24 См.: Lorch J., Bunk B. Using Civil Society as an Authoritarian Legitimation Strategy: Algeria and Mozambique in Comparative Perspective // *Democratization*. 2016. Vol. 24. № 6. P. 1–19.
- 25 См., например: В Казахстане задерживают активистов и блокируют Интернет. Что происходит? // BBC News: Русская служба. 2019. 10 мая (www.bbc.com/russian/news-48230508).
- 26 См.: Смоленцева Н. Чего боятся журналисты в РФ: суверенного Рунета или статуса «иноагента»? // Deutsche Welle. 2019. 29 ноября (p.dw.com/p/3Туб4).
- 27 Hale Н. Two Decades of Post-Soviet Regime Dynamics // *Demokratizatsiya*. 2012. Vol. 20. № 2. P. 71.
- 28 Tsui L. Institutional Legacies and Political Transition // *Taiwan Journal of Democracy*. 2016. Vol. 12. № 1. P. 93.
- 29 Whiting S. Authoritarian “Rule of Law” and Regime Legitimacy // *Comparative Political Studies*. 2017. Vol. 50. № 14. P. 1908.
- 30 Подробнее об этих новациях см.: Cummings S. *Kazakhstan: Centre-Periphery Relations*. London: Royal Institute of International Affairs, 2000.
- 31 См.: В Минюсте Казахстана прокомментировали расширение полномочий Назарбаева // РИА Новости. 2019. 22 октября (ria.ru/20191022/1560050624.html).
- 32 Конституция создала условия для стабильного развития России, заявил Путин // РИА Новости. 2018. 12 декабря (ria.ru/20181212/1547848442.html).

Джон Робертс о гражданском просвещении и судебной системе

Председатель Верховного суда США Джон Робертс посвятил свой новый ежегодный доклад гражданскому просвещению¹. В основе гражданственности — приверженность верховенству права, открытость судов и развитие просвещения, убежден он. Робертс объяснил, почему даже в стране с установившейся демократией ее никогда нельзя воспринимать как должное, всегда ли будет актуальным гражданское просвещение и какую роль в нем играет судебная система. Осенью 1787 года Александр Гамильтон с Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеймсом написали «Записки федералиста» (известны также под названием «Федералист») — 85 блестящих эссе в поддержку ратификации Конституции Соединенных Штатов². Они стали для Америки незабываемым уроком гражданственности, вспоминает Джон Робертс. Гамильтон, Мэдисон и Джей опубликовали эту знаменитую серию в нью-йоркских газетах *The Independent Journal* и *The New York Packet* под общим псевдонимом «Публий», но с тех пор историки установили авторство отдельных текстов. Оказалось, Джон Джей написал только пять из них — всему виной бунт, который случился в разгар федералистского проекта. В нью-йоркских газетах появились сообщения о студентах-медиках, которые раскапывают могилы, чтобы практиковать операции на трупах. Взбунтовавшиеся жители сочли это богохульством. Джей отправился помогать местным властям подавлять бунт, но в схватке сам получил по голове камнем. «К счастью, Гамильтону, Мэдисону и Джей в конечном итоге удалось убедить общественность в достоинствах принципов, закрепленных в Конституции, — пишет Робертс. — Эти принципы не оставляют места для насилия».

Наталья Корченкова

Принятая в 1787 году Конституция установила принцип разделения властей, отделив судебную и законодательные ветви власти от исполнительной. Поправками к ней вскоре были закреплены основные права человека и гражданина, в том числе свобода слова и собраний, гарантия частной собственности, право на надлежащее судебное разбирательство и запрет жестоких наказаний. Судебной системе отводилась особая, самостоятельная роль. Как отмечалось в «Федералисте», «о свободе [судов] не может быть и речи, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной властей»: «И это доказывает наконец, что если свободе нечего опасаться одной судебной власти, то она имеет все основания бояться союза судебной с любой из двух других властей; ибо все последствия этого союза скажутся в установлении зависимости первой от последней, несмотря на номинальное и кажущееся разделение».

Судебная власть играет важную роль в гражданском образовании, утверждает Джон Робертс, а судьи по долгу службы неизбежно занимаются гражданским воспитанием. «Когда судьи выносят свои решения, письменно разъясняя всю свою аргументацию, они продвигают общественное понимание закона», — говорит Робертс. При этом он напоминает о своем предшественнике, верховном судье США Эрле Уоррене, который в 1954 году принял решение, ставшее важным событием в борьбе против расовой сегрегации в США: существование отдельных государственных школ для белых и чернокожих было объявлено противоречащим Конституции. Истец, афроамериканец Оливер Браун, доби-

вался, чтобы его семилетнюю дочь Линду приняли в начальную школу для белых провинциального городка Топеки в Канзасе, а в итоге изменил жизнь всей страны. «Мнение Уоррена по самой насущной проблеме эпохи составляло всего 11 страниц — достаточно лаконично, чтобы газеты могли опубликовать все или почти все, и каждый гражданин мог понять аргументацию суда», — пишет Джон Робертс.

Американское общество оказалось так убеждено в достоинствах принципов, закрепленных в Конституции, что «в последующие годы демократия стала восприниматься как должное, и гражданское образование отошло на второй план». Но нельзя забывать, напоминает судья Робертс, что 85 знаменитых эссе были лишь отправной точкой. Гражданское образование — это непрерывный процесс, а гражданское просвещение достигается лишь в постоянном диалоге. «Мы должны поощрять нашу сильную и независимую судебную систему, которая лежит в основе национального единства и стабильности. Но мы также должны помнить, что справедливость не является неизбежной, — полагает верховный судья. — Каждое поколение обязано передать следующему не только функционирующее правительство и работающие институты власти, но и инструменты, позволяющие понять и улучшить их». По его словам, к решению любого вопроса следует подходить с порядочностью и рассудительностью, соблюдая принцип равенства и сохраняя доверие общества к правосудию.

Судьи и работники судов координируют свои усилия по разработке луч-

ших практик, убежден Джон Робертс. Это, например, инициатива «Открытые двери в федеральные суды», которая позволяет студентам принять участие в постановочных судебных разбирательствах; это образовательные онлайн-ресурсы для широкой аудитории, в том числе с материалами об истории федеральной судебной системы. Федеральные судьи регулярно участвуют в церемониях натурализации, став первыми, кто приветствует новых граждан США, отмечает Робертс. Судья Сандра Дэй О'Коннор, например, участвовала в создании iCivics, некоммерческой организации, которая занимается гражданским обучением студентов и преподавателей. Национальный центр государственных судов разработал инновационные учебные материалы, в том числе серию иллюстрированных рассказов о работе судов.

Но все не так гладко, замечает Адам Липтак, судебный обозреватель *New York Times*³. Нынешние решения Верховного суда, например, зачастую намного длиннее, чем решение по делу Брауна, и сложны для восприятия. Так, вердикт по делу *Citizens United* в 2010 году занимал 176 страниц — объем, сопоставимый с романом «Великий Гэтсби», напоминает журналист. Это решение открыло корпорациям, наравне с физическими лицами, возможность тратить неограниченные суммы денег на поддержку кандидатов в ходе предвыборной кампании; судьи сочли, что это положение соответствует провозглашаемым принципам свободы слова; критики решения, однако, отмечали, что результатом решения стала полная коммерциализация выборов и агрессивная реклама кандидатов, слож-

ности в отслеживании финансирования и рост коррумпированности выборного процесса.

Кроме того, замечает Адам Липтак, судья Робертс упомянул, но не назвал имя коллеги — нынешнего главного судьи округа Колумбия, который последние два десятилетия «добровольно совмещает свои основные обязанности с работой тьютора в местной начальной школе». Этот судья, указывает Липтак, — Меррик Гарланд, который был назначен в Верховный суд президентом Бараком Обамой в 2016 году. Но Сенат — беспрецедентный случай — отказался голосовать по кандидатуре Гарланда, сославшись на то, что она была выдвинута в последний год президентства Обамы. Республиканское большинство тогда настояло на том, чтобы эту вакансию заполнил следующий избранный президент. Следующим главой Соединенных Штатов, заключает журналист, стал Дональд Трамп. А верховный судья Робертс, занимающий свой пост уже пятнадцать лет, скоро будет председательствовать на судебном процессе об импичменте действующему президенту Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 2019 Year-End Report on the Federal Judiciary // www.supremecourt.gov/publicinfo/year-end/2019year-endreport.pdf.

2 См.: Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / Пер. с англ. М.: Прогресс; Литера, 1994.

3 Liptak A. Impeachment Trial Looming, Chief Justice Reflects on Judicial Independence // *New York Times*. 2019. December 31.

*Александр Согомов,
ведущий научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН*

Гражданское образование в истории отечественной общественно-политической мысли

***Очерк второй. Просвещение и История:
контрасты николаевской России****

**Александр Герцен.
Путь от исторической логики к просвещению**

Свободный философский дух, европейская образованность, независимый социальный статус и доход, постоянные поездки за рубеж, широкий круг общения и, что особенно важно, критический настрой в отношении самодержавия и крепостнической отсталости страны рано или поздно мотивировали небольшую часть русской интеллигенции первого поколения на открытое участие в прозападнической «фракции прогрессистов». Она объединила небольшую группу людей с поэтико-романтическими, социал-утопическими, полуреволюционными и полудемократическими взглядами и устремлениями. Численно они действительно были в абсолютном меньшинстве на фоне довольно многочисленных кружков более или менее жизненно и профессионально благополучных патриотов, славянофилов и весьма умеренных либералов. Но малочисленность не мешала им находиться под постоянным наблюдением Третьего отделения; они жестко преследовались, изгонялись в ссылку и, несмотря на свою популярность как знаковых и влиятельных фигур, рано или поздно становились публичными маргиналами как в самой империи, так и за ее пределами. Тем не менее именно эта политическая группа олицетворяла собой нарождающийся в империи новый идеал «свободного гражданина» западного толка. Самым известным ее представителем был и по-прежнему остается в нашей памяти Александр Иванович Герцен (1812–1870), человек сложной судьбы и уди-

** Продолжение. Начало см.: Общ. тетрадь. 2018. № 3–4 (75); 2019. № 1–2 (76), № 3–4 (77).*

вительного масштаба. Незаконнорожденный отпрыск в семье богатого и очень именитого московского помещика И.А. Яковлева получил прекрасное образование и впоследствии выбрал для себя непростой, как он сам напишет, путь «служения свободе». Унаследовав немалое состояние после смерти отца, он большую часть своей жизни прожил в Европе, откуда оказывал массивное давление на русское общественное мнение и публичных политиков, издавая самый знаменитый в России прозападнический журнал «Колокол».

Герцен был человеком незаурядного художественного дарования и глубокого аналитического ума, вечно мятущийся между философскими и политическими школами, идеологическими направлениями и поэтическими стилями, многократно на протяжении своей жизни кардинально менял свои взгляды. Его письменное наследие громадно, а мемуарная хроника «Былое и думы», пожалуй, лучше, чем любая другая книга середины XIX столетия, выразила реалии и дух своего времени, свободно и искренне.

Биография и творчество Герцена в нашей стране широкому читателю известны достаточно хорошо и, конечно же, благодаря той высокой «партийной» оценке, которую дал Герцену Ленин, что, к сожалению, в конечном итоге сформировало в нашей стране сильно искаженную память о писателе. В его жизни и интеллектуальном наследии не все так однозначно и по-революционному прямолинейно, как навязывала нам советско-партийная пропаганда¹. Попытки реконструировать «подлинного» Герцена предпринимались неоднократно, а выдающийся британский драматург Том Стоппард даже написал о нем пьесу, которая с успехом с 2006 года ставится на мировых театральных подмостках. Не вдаваясь в детали биографии и мировоззрения Герцена, сосредоточимся прежде всего на его просветительской философии и понимании роли истории в ней.

На формирование личности и мировоззрения Герцена повлияли разные факторы. То, что он был фактически исключен из салонов в силу окутанного туманом своего рождения, подтолкнуло его к более тесному общению с городскими и крестьянскими низами. А громадное по тем временам наследство и недвижимость, доставшиеся ему после смерти отца, которыми он умело распорядился, сделали его экономически независимым человеком. Атмосфера постдекабризма в его молодые годы провоцировала к внутреннему протесту, и, конечно же, овеванная романтизмом дружба с юношеской поры и до конца жизни с Н.П. Огаревым (1813–1877) придавала Герцену особенную уверенность в своих тылах.

Ссылка выпускника Московского университета в Вятку (1834) и позднее во Владимир (1838) вынудила его переключиться с кружковой деятельности на кабинетные творческие занятия. После окончательного возвращения в Москву в 1842 году он много пишет и все же, разочаровавшись в перспективах общественных перемен в николаевской

России, в 1847 году вместе с семьей навсегда эмигрирует в Европу. Там он организовывает свое вольное типографское дело. И вскоре к нему примкнул и Огарев со своим семейством. На родину они уже не вернутся никогда, но их газета «Колокол» и альманах «Полярная звезда», равно как и издание множества подцензурных книг, весьма плодотворно сработают как в плане политического воспитания свободомыслящей молодежи в России, так и с точки зрения громадного просветительского эффекта общенационального масштаба².

Всю свою жизнь Герцен прекрасно осознавал свою ответственную просветительскую миссию и, возможно, поэтому довольно часто размышлял на сложные темы гражданского просвещения в России. Не обошел вниманием он школьное и университетское образование, развитие русской и европейской педагогики, хотя в отношении последней его взгляды менялись с годами весьма кардинально³. Рано оказавшись вдовцом, Герцен предпочел для своих детей домашнее воспитание, настолько он не принимал европейскую школу с ее дисциплинарно-образовательными ограничениями. Ему по духу была близка педагогика Оуэна и Песталоцци, но реальная школьная практика Европы отвращала. Наблюдая за ней, он уже в 1850-е годы позволяет себе серьезный антизападнический выпад, ставший позднее избитой риторической формулой: буржуазная Европа гниет! Он сам составляет программы домашнего образования для своих детей, где наряду с художественным воспитанием и естественными науками особое внимание уделяет истории и культуре. Герцен пренебрежительно отзывался об общих курсах и исходил из того, что молодым людям гораздо полезнее знакомиться с историей по книгам, посвященным отдельным эпизодам и личностям, особенно когда дело касалось отечественной истории. Время шло, и Герцен все больше отдалялся от своих изначальных универсалистских и прозападнических воззрений, стараясь в воспитании детей, несмотря на большие сложности жизни за границей, придерживаться откровенно патриотического курса.

Но вернемся к его философско-просветительским истокам. В своем раннем сочинении «Двадцать осмое января»⁴, озаглавленном так по дате смерти Петра I (1725), Герцен без колебаний относил Россию к Европе. Он считал, что она составляет ее «живую часть», хоть и устойчиво называет «отсталой Европой»⁵. В этой работе Герцен пытается заново переформулировать тему исторической необходимости Петра и его реформ, а также понять: насколько Россия *преуспела в европеизме*? Иными словами, отталкиваясь от мыслителей начала XIX века, заново возвращает читателя к центральному вопросу отечественной исторической доксы: как *должно* понимать петровскую эпоху и как *верно* трактовать ее последствия для России?

В «Двадцать осмом января» Герцен выступает еще бескомпромиссным западником, где он одним из первых русских интеллектуалов использует понятие «европеизм» и раскрывает его философский и просветитель-

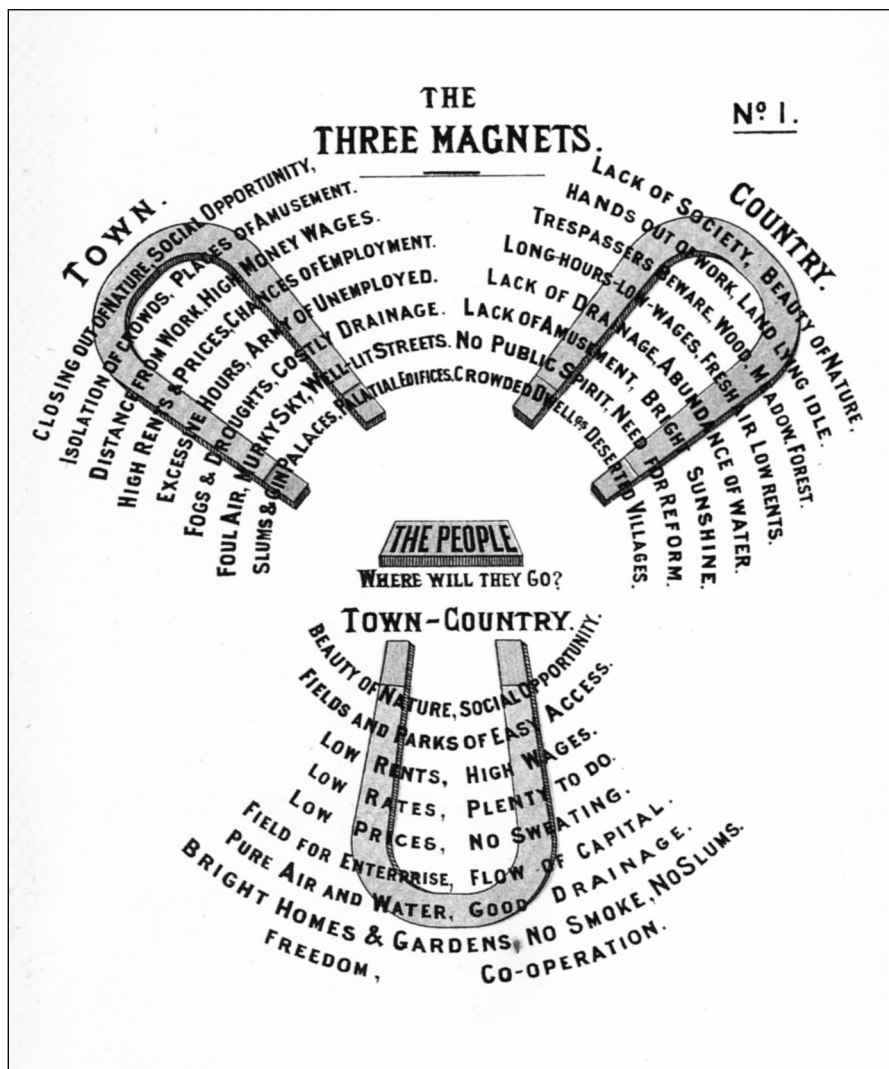
ский смысл. Самого Петра Герцен рассматривает как историческое явление, именуя его, как и других подобных фигур в мировой истории, «развивателем», то есть проводником в жизнь конкретных прогрессистских идей, которые, правда, помимо него все равно рано или поздно обрели бы качество исторической необходимости. Петра I Герцен связывает с *неизбежным* «привнесением европеизма» в Россию. А о «тенденции Европы сомнения нет: каждый знает и никто не спорит о том, что она развивает гражданствен-

*Если европеизм в России есть
ее историческая необходимость,
а не случайность, то, следовательно,
западный институциональный,
культурный и ценностный универсализм
суть лишь разные проявления единой
исторической судьбы страны*

ность и устремляет к дальнейшей цивилизации (в обширном смысле) человечества»⁶. Трудно понять, вкладывал ли Герцен в эти слова — «европеизм» и «просвещение» — разные смыслы или считал оттенками одного и того же значе-

ния, но, очевидно, что философски он их не разводил и зачастую использовал как взаимозаменяемые понятия. Герцен восклицает: «...Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собой Европу, задал себе задачу перенести европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь»⁷. Синонимом «Петра I», по Герцену, стала «революция», ибо то, что в самой Европе стало переворотом кровавым и ужасным, в России заменилось «гением одного человека». А задачи, которые были решены, не Россией были предложены, а «гением Великого, не вверена ему обстоятельствами, но влита им в обстоятельства, проведена его гением в идеи человечества и им же выполнена»⁸. Вслед за этой констатацией Герцен приводит множество исторических параллелей, чтобы проиллюстрировать свой главный тезис: все *великие развороты* в мировой и отечественной истории (а именно на их познании сосредоточена просветительская миссия) бывают необходимыми и вынужденными. Появление Лютера и следующая за ним Реформация были вынужденными событиями в истории Германии, явление же Петра было *великой необходимостью* для России, пусть даже и породившей большую жестокость и насилие. И в этом между этими двумя просветительскими доксами — громадная разница.

Если европеизм в России, по Герцену, есть ее историческая необходимость, а не случайность, то, следовательно, западный институциональный, культурный и ценностный универсализм суть лишь разные проявления единой исторической судьбы страны. Но «не поражало ли каждого из нас равнодушие России к Петру?» — удивляется юный западник⁹. Молодому мыслителю на момент написания рукописи исполнился лишь 21 год. Герцен пытается убедить своего читателя в том, что про-

Эбенизер Говард. Город-сад. Диаграмма 1.
Из книги «Завтра: мирный путь к реальной реформе». 1898

светительская миссия Истории именно в корректном — и адекватном великим личностям и грандиозным событиям — *познании исторической логики*. А посему он не встает на путь обвинения родины в неблагодарном отношении к Петру I, великодушно подметив: «Россия еще не имеет голоса; она еще поймет Петра и не останется к нему равнодушной»¹⁰. Но как и когда? — Лишь «вдохнув в себя Европу»!

В самом деле, а мог ли Герцен-западник думать иначе? Разумеется, не мог. Ведь свою просветительскую миссию он видел прежде всего в философском обосновании *исторически закономерного* продвижения России по пути расширения гражданских свобод и прав, масштабной демократизации, преодолении отсталости благодаря глубинной европеизации российского общества и культуры. Собственно говоря, уже в

этой ранней работе Герцена проявился главный вектор его интеллектуальной эволюции в сторону «русского социализма», усиления патриотической идеологии и укрепления русской идентичности. В решении этих просветительских задач он видел миссию Истории, и чтобы миссия эта оказалась выполнимой, надлежит саму историю понимать с точки зрения ее внутренней логики, то есть как вынужденный и необходимый процесс. Долгие годы он будет проводить этот тезис в российскую общественную среду.

Несколько позднее он сформулирует свое просветительское кредо следующим образом: *теория внушает убеждения, пример определяет образ действия*. И будет придерживаться его все свою жизнь.

В начале 1840-х годов Герцен всерьез задумывается над следующими двумя сюжетами: (1) над общественной принадлежностью и миссией научного знания, в том числе и гуманитарного, и (2) о разрушении корпоративной монополии узких специалистов в науке, столь свойственной тогдашнему академизму. Эти подчас разрозненные мысли он оформлял в виде популярного тогда жанра писем, читал их вслух друзьям, но нередко и публиковал. В цикле «Дилетантизм в науке» он довольно последовательно проводит именно этот тезис: «Современная наука начинает входить в ту пору зрелости, в которой обнаружение, отдавание себя всем становится потребностью»¹¹. Ибо она хочет обрести «действительный голос» в «действительных областях жизни». Но одного желания и осознания этой потребности мало, полагал Герцен, пока наука находится в руках «касты ученых», чаще всего отворачивающейся от «общечеловеческих интересов». Выход, очевидно, в широкомасштабном просвещении. Но для того, чтобы обосновать этот выход и не принижать роль науки в борьбе с профанностью и дилетантизмом, Герцен несколько искусственно разводит «ученых» и «образованных» людей. Миссия первых в приращении знания, вторых — в распространении его в массы. Ученый мыслит по обязанности; образованный — в силу осознания своей гражданской миссии¹². «Ученые трудятся, пишут только для ученых; для общества, для масс пишут образованные люди»¹³. Итак: субъект гражданского просвещения определен. К числу образованных, похоже, он причислял себя с Огаревым. В письмах Герцена мы считываем не столько сарказм в отношении «цеха» академических ученых, избалованных и оттого вознесшихся над простыми гражданами, сколько обвинение их в желании «выйти из человечества». Об этом, кстати, писали многие мыслители того времени, обличавшие членов всевозможных академий. Герцену особенно ненавистна склонность академиков к меритократизму и «специализму». Впрочем, и это было весьма распространенным обвинением в адрес тогдашней науки. Однако у Герцена главный акцент все же был сделан на асоциальности ученых, на утрате ими важнейшего, как он пишет, признака — ориентации на гражданское общество. Эту миссию

необходимо было подхватить образованным людям, ибо в просвещении есть логическая и историческая необходимость. Именно им он вменяет в заслугу создание, в зависимости от степени просвещенности страны, *живой и полной силы гражданской среды*. Таким образом, наряду с субъектами, результаты просветительской деятельности также были легко определены Герценом.

Герцен, разумеется, обвиняет не весь ученый люд. Его знакомство и дальнейшее тесное общение с молодым университетским историком и западником Т.Н. Грановским (1813–1855)¹⁴ настолько его поразило, что он посвятил анализу его публичных лекций по истории Средневековья несколько писем. Первое было опубликовано в «Московских ведомостях»¹⁵. Это не просто «отклик» на это яркое культурное событие Москвы, а скорее осмысление того, как создаются в публичном пространстве гражданские и просветительские смыслы, извлекаемые из академической истории. Он пытался для себя и читателей «Ведомостей» сформулировать, как ученость и образованность историка становятся достоянием гражданского общества. С такой просветительской рефлексией в отечественной мысли императорской России мы пока еще не сталкивались. И показательно, что во главу угла Герцен ставит все тот же извечный для своего времени вопрос об отношении западной цивилизации к российскому историческому развитию.

Грановский подкупает Герцена глубокими знаниями и поэтическим языком, но прежде всего самой постановкой фундаментальной просветительской задачи. Молодой историк выступает перед московским обществом и вправе требовать от него, «чтобы, желая осуждать и отталкивать целую фазу жизни человечества, выслушали по крайней мере симпатический рассказ о ней»¹⁶. В каких целях? И тут Герцен предлагает свой культурологический диагноз, актуальность которого в России не снижается и поныне: «...многие смотрят на европейское как на чужое, почти как на враждебное, многие боятся в общечеловеческом утратить русское... генезис такого воззрения понятен, но и неправда его очевидна»¹⁷. Следовательно: налицо просветительская метазадача преодоления этого нелогического и ошибочного состояния через познание западной истории. Сквозь эту призму он внемлет лекциям Грановского в университете и интерпретирует их для широкой читающей публики. Просветительская история в версии Грановского и в трактовке Герцена решает многие воспитательные задачи. Она помогает осознать права человека и укрепляет их культурно и институционально. Формирует глубокое видение «исторического пути» Европы, «которая так много дает нам теперь». Помогает постигнуть единство рода человеческого, «которое раскрывает в мнимом враге брата, в расторжении — мир». Учит ценить истину, гласность, объективность. Делает нетерпимыми к корыстному отношению в историческом познании, пусть даже и нередко обоснованном морально-воспитательными соображениями¹⁸. А в широ-

ком смысле ведет нас к гуманитарному мышлению и любви, ибо «человек создан, чтобы думать и любить». Тридцатилетний Герцен был абсолютно убежден, что *гражданский европеизм* рождается из внимательного отношения к истории, которое поглотило не только Россию, но и весь тогдашний мир. И поэтому он так горячо приветствовал идею западника Грановского о том, что *гражданский характер народа выражает его понимание истории*. А оно, в свою очередь, формируется через систематическое просвещение.

Казалось бы, Герцен — бескомпромиссный универсалист и европеист. По крайней мере, таковым он был в молодости накануне эмиграции, но жизнь на чужбине как будто бы подсказала ему, что социально-философские акценты все же надлежит изменить. В своей знаменитой книге «О развитии революционных идей в России» (опубликованной впервые на немецком языке в 1850 году) он вновь возвращается к вопросам отечественной истории, разумеется, рассматриваемым им сквозь призму отношения к петровским реформам, и дает наиболее полное обоснование своей концепции «русского социализма».

Поскольку его просветительская концепция строится на познании исторической логики, то вполне ожидаемо, что начинает он именно с нее. «Логика реакции так же стремительна, как логика революций», — утверждает Герцен в VI главе книги¹⁹. И иллюстрирует этот тезис анализом заблуждений славянофилов. Как только в публичном пространстве России был сформулирован вопрос, а не нужно ли нам возвратиться к общественному строю, который более соответствует славянскому характеру, и покинуть путь чужеземной насильственной цивилизации, тотчас же нашлась группа людей, разрешившая этот вопрос положительно и создавшая идейную систему, превратив ее позднее, как пишет Герцен, не только в доктрину, но даже в религию. Он метко подмечает, что их занимала не историческая истина, а поиск возражений против оппонентов. И естественно, что вместе с Петром I и его реформами анафеме было предано все европеизированное, а точнее, цивилизованное. И здесь Герцен делает очень важный комментарий, значимый и для нашего времени: вопреки своим стремлениям к свободе, славянофилы и не заметили, как очутились на стороне правительства²⁰. Можно ли считать это политическим провалом, основанным на заблуждениях? Безусловно, полагает Герцен, и предлагает свою версию просветительской деконструкции исторической доксы славянофилов.

Для него очевидно, что славянофильская докса не выдерживает научной критики и не двигает страну и культуру вперед, а лишь толкает ее назад²¹. Более того, славянофилы, равно как и западники, ненавидящие настоящее России, так и не поняли европеизма в его подлинных смыслах. Они смешали «идею свободной личности с идеей узкого эгоизма»²². А оттого и не принимали европейскую идею, как, впрочем, и тех кто ратовал за европейское просвещение в России, рисуя, как пишет

Герцен, «страшную картину европейского разложения... и близящегося мрачного рокового кризиса»²³. Поразительное *déjà vu*, не правда ли?

Каковым же в таком случае должен стать «сухой остаток» исторической доксы для просвещения? Герцен отвечает на этот вопрос парадоксально. Он утверждает, что Европа держится за свое прошлое, ибо знает цену революциям, а в настоящем у нее есть многое, чем она дорожит и чем не желает поступиться. Ее прошлое написано кровью во имя свободы мысли и прав человека. «Мы же более свободны от прошлого; это великое преимущество, но оно обязывает нас к большей скромности... это — добродетель слишком отрицательная, чтобы заслуживать похвалы... мы свободны от прошлого, ибо прошлое наше пусто... московский царизм или петербургское императорство любить невозможно»²⁴. Точка. Именно в этом обращении к гражданам России Герцен пытался определить когнитивные рамки необходимой для просвещения отечественной исторической доксы.

Герцен-аналитик с горечью констатирует: «Европа не разрешила противоречия между личностью и государством, но она все же поставила этот вопрос. Россия подходит к проблеме с противоположной стороны, но и она ее не решила. С появлением перед нами этого вопроса и начинается наше равенство. У нас больше надежд, ибо мы только еще начинаем, но надежда — лишь потому надежда, что она может не осуществиться»²⁵. Впрочем, наблюдение за Россией издали оптимизма Герцену не прибавило. Но поразительно другое: мы отчетливо видим, как постепенно трансформируется и его собственный европеизм.

То ли жизненный опыт длительного пребывания за рубежом, то ли бытовые неурядицы, то ли критический взгляд на действительность, а может, и ностальгические настроения, но так или иначе Герцен в последнее десятилетие своей жизни все жестче интеллектуально дистанцируется от западной цивилизации, чем вызывает негодование и гнев со стороны своих друзей, русских западников. Так, уже на исходе 1850-х годов, ознакомившись с книгой Джона Стюарта Милля «О свободе», Герцен пишет в 1859 году немалое по объему эссе, в котором выражает свои сомнения и несогласие со многими мыслями классика европейского либерализма²⁶.

Начинает полными отчаяния словами: «Много я принял горя за то, что печально смотрю на Европу и просто, без страха и сожаления, высказываю это»²⁷. Стал ли Герцен антизападником? Нет. Просто Европа нужна была ему как некий идеал, как абстрактная цивилизационная модель или, как он сам писал, «как упрек и благой пример» для России. Но живое столкновение с европейской реальностью разочаровывает его. И поскольку он не намерен был отказываться от своей политической и тем более просветительской деятельности, Герцен прибегает к философскому «ходу» в духе Вольтера: «если она [Европа] не такая, ее надобно выдумать»²⁸. Значит ли это, что в просветительских целях

приемлема апелляция не к Европе реальной, а к Европе иллюзорной. В известном смысле так поступали многие русские западники. Но Герцена это скорее печалит, чем устраивает.

В лице Милля, казалось бы, он находит себе сторонника, а не оппонента. Герцену кажется, что Милль пишет свою книгу о свободе мысли, речи и лица — темы, много раз к тому времени пережеванные и вполне устоявшиеся в общественном мнении Европы, причем не только в ее философской традиции.

Но все это не для образованной части европейского общества, а чтобы оградить Свободу от «посредственности», той бездарной части равнодушного общества, нравы которого оставляют желать лучшего. «Постоянное понижение личностей, вкуса, тона, пустота

*«Европа не разрешила противоречия
между личностью и государством,
но она все же поставила этот вопрос.
Россия подходит к проблеме
с противоположной стороны, но и она
ее не решила. С появлением перед нами
этого вопроса и начинается наше
равенство...»*

интересов, отсутствие энергии ужаснули его...»²⁹. Однако, поставить правильный диагноз недостаточно, надобно искать выход из сложившейся ситуации. И Милль не находит его, полагает Герцен, поскольку не ищет ободряющую души идею. А разве лавочник бросит свой привычный быт, дабы стать героем? Нет, конечно же: «гнет обычая останавливает развитие». И прав Милль, который утверждал, что в развитии каждого народа «есть предел, после которого он останавливается и *делается Китаем*» (курсив — Герцена)³⁰.

Но если европейского мещанина все больше утягивает в омут, то, вопрошает Герцен, «на каком основании будить спящего?»³¹. В имя чего вообще современный гражданин может сделаться недовольным своей жизнью? И тут Герцен вновь вспоминает о конструируемой просветителями исторической доксе. Он пишет: «Точка, линия, после которой борьба между желанием лучшего и сохранением существующего оканчивается в пользу сохранения, наступает... тогда, когда господствующая, деятельная, историческая часть народа близко подходит к такой форме жизни, которая соответствует ему... все приходит в равновесие... до катаклизма, обновления или разрушения»³².

Разочаровавшись в том, что Милль, корректно обозначивший проблему, не задумывается о ее разрешении, Герцен прямым текстом подводит читателей к мысли о невозможности ее решения теоретически, а значит, остается одно — социальный переворот, который, однако, невыгоден господствующему классу и не очевиден для народа. Следовательно, заключает Герцен, дело не столько в свободе и правах человека, сколько в *способности ими пользоваться*³³. Но откуда этой

способности взяться? Опять-таки через просвещение! Впрочем, Герцен не раз признавал, что *плетью гонят у нас к просвещению*, имея в виду, что всякое государственное начинание, даже благое, рано или поздно в России оборачивается насилием.

Просветительский стержень, как мы уже видели у молодого Герцена, выражен европейским универсализмом и познанием исторической логики. Но в эмиграции, уже после революций 1848—1849 годов в Европе Герцен действительно все больше проникался патриотическими настроениями, не скатываясь при этом ни в славянофильство, ни в панславистский национализм. И в конечном итоге уверовал в естественный «русский социализм». Именно уверовал, поскольку то, что он выводил из крестьянской общины, то есть крестьянскую демократию, даже тогда было вне всякой исторической критики³⁴.

Складывается впечатление, что эту идею он все же заимствовал у славянофилов и из народных проповедей Белинского. Однако самым важным при этом было то, что Герцен верил в общину как некий идеал равноправного сообщества (крестьянский социализм), более того, он полагал, что и Европа тянется к этому идеалу, но, увы, совершенно безрезультатно и безнадежно³⁵. И это еще больше усиливало его антизападнические настроения, провоцируя прямые — устные и печатные — выпады в адрес Европы. Но по-прежнему — не европеизма! Совершенно неслучайно в работах позднего периода и в «Былом и думах» Герцен многократно противопоставлял «девственную» Россию «прожженной» Европе. Похоже, критикуя Запад, Герцен зачастую просто хотел поразмышлять о *своей* России таким особым способом.

Историческая докса, сконструированная зрелым Герценом, представляла собой нагромождение разнородных суждений об аутентичности российского общества и его культуры. С точки зрения современной науки все эти тезисы внеисторичны и, очевидно, искусственно подогнаны Герценом под концепцию «русского социализма». Главное в этой доксе, пожалуй, следующее:

Славянские народы не любят ни государство, ни централизацию.

Истинная жизнь в сильной и выносливой крестьянской общине, она не терпит никакого вмешательства в свою жизнь, в том числе и со стороны правительства.

Демократическая община отрицает принуждение и «колхозные» принципы внутреннего обустройства, она ценит не только равенство, но и личностную самодостаточность ее членов.

Община не подавляет своих членов, а, напротив, приветствует внутри себя свободу западно-либерального образца (но это, скорее, не наличествующая в России община, а ее желаемая будущая модель).

Самодержавие — чужеродная сила в России.

Государственные институты начали выстраиваться лишь под влиянием Запада и в результате просвещения.

Поскольку деспотическое государство никогда не опиралось на жизненные силы общины и ее культуру, то, следовательно, подлинная история российского народа еще не началась.

Единство народа — главная цель и достичь его можно разными путями, но лучший из них — предоставить народу самоуправление, а империю заменить федерацией.

Община сама по себе не может стать «социалистической», и поэтому вопрос о ее процветании не является предрешенным; в этом нет ничего «нужно-необходимого», но это — возможно.

Герцен действительно считал, что и «нам есть что предложить» миру, но не настаивал на этом.

По-разному можно относиться к этим, с высоты нашего времени, отчасти провидческим и отчасти наивным утверждениям, но именно они, несмотря на двусмысленность и мешанину патриотических и либеральных принципов, составили впоследствии социоисторический каркас всего социалистического вектора гражданского просвещения в стране. А в определенном смысле привели к торжеству большевизма. Герцен не имел четкой концепции и программы переустройства страны, хотя много думал об этом. Его «русский социализм», скорее был личной мечтой, радикальным дворянским отчаянием³⁶. Однако же свою просветительскую, а в Европе и откровенно пропагандистскую активность он вполне успешно выводил именно из этой мечты, чем и сохранил о себе долгую историческую память.

Герцен-просветитель не отказался от своих западных взглядов, хотя к концу жизни все чаще утверждал, что «Европа умирает», однако почти что всегда уточнял свой тезис важным комментарием: из этого пессимистического наблюдения не следует, что хорошо, что славяне еще в ребячестве, поскольку это столь же пагубно для гражданской среды, как и всякая дряхлость.

И все же историческая докса, выстроенная Герценом, при всей ее запутанности, утопизме и несамостоятельности была в отечественном просветительском движении ярким словом и убедительной мыслью, правда логически ведущей к идее аутентичности «русского социализма», то есть в конечном итоге к отрицанию западных версий либерализма и демократии в целом.

Петр Чаадаев.

Просветительские мысли «умалишенного»

Возвратимся теперь вновь во времена постдекабризма, то есть в 1820–1830-е годы. Целая плеяда ярких русских интеллектуалов, по разным причинам не участвовавших в восстании 14 декабря 1825 года и разделявших взгляды декабристов, не подверглись преследованиям, но

Эбенизер Говард. Город-сад. Диаграмма 5.

Из книги «Завтра: мирный путь к реальной реформе». 1898

вынуждены были принять новые жесткие реалии николаевской России. И тем не менее они продолжили мыслить и высказываться свободно и независимо, правда с разной степенью оппозиционности к самодержавию и нетерпимости к российской отсталости.

Самым необычным среди них был Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856). Бескомпромиссный, по собственной самооценке, «христианский философ» бросил имперским властям, как и всему высшему свету России, радикальный интеллектуальный вызов, определив про-

шлое, настоящее и будущее России в мрачных красках и нелицеприятных оценках, хотя никогда при этом не скрывал свою веру и любовь к отчизне. Доподлинно известно, что Чаадаев был знаком с маркизом де Кюстином, встречался с ним, но, похоже, оба интеллектуала не произвели друг на друга никакого впечатления. Впрочем, самые знаменитые письма были написаны Чаадаевым до этой встречи. А жанр писем он выбрал, скорее всего, под влиянием тогдашней литературной моды. Сохранилась при этом одна его Записка, да и та была адресована графу Бенкендорфу (1832).

Чаадаев — таинственная, а потому и чрезвычайно привлекательная для исследователей фигура во всей культурной истории России. Он оказал на отечественную идейную и культурную эволюцию громадное влияние, как, может быть, никто другой из мыслителей XIX века. Пушкин писал с него своего Онегина, Грибоедов — Чацкого. Он всегда стоял особняком в салонах высшего света. Вопросы, которые он поставил в своих немногочисленных сочинениях, заставили в буквальном смысле мучиться всю следовавшую за ним отечественную общественную мысль. К нему был непременно повышенный интерес среди ученых. О Чаадаеве и его творчестве, к счастью, существует обширная литература, в том числе и недавно изданные работы, которые освобождают нас от необходимости расширенного биографического и источниковедческого введения к его философскому наследию, и это позволит сразу перейти к интересующему нас предмету — его видению просветительского потенциала истории³⁷.

Впрочем, все же несколько слов о личности и жизни Чаадаева, мне кажется, будут уместными в связи с дальнейшим разбором его творчества. Каждая деталь его биографии глубоко символична. В три года он лишился родителей, воспитывался в Москве у тетки княжны Щербатовой, дочери выдающегося историка М.М. Щербатова, автора многотомной истории России. С 13 лет посещал лекции в Московском университете. С того же времени был очень дружен с И.Д. Якушкиным и А.С. Грибоедовым. Сызмальства записан в Семеновский полк, а в чине лейб-прапорщика участвовал в Бородинском сражении. В 1816-м переведен в Гусарский полк Его Величества и был расквартирован в Царском Селе, где познакомился с Карамзиным и Пушкиным. В 1821-м подал в отставку, отказавшись от дальнейшей государственной карьеры. Участвовал в декабристских кружках и посиделках, но, похоже, не разделял их «нетерпения». В связи с резким ухудшением здоровья в 1823 году уезжает на лечение за границу, что и спасает его от неизбежного присутствия на Сенатской площади 14 декабря. В 1826-м возвратился на родину и тотчас же был арестован по подозрению в причастности к декабристскому движению (а он действительно входил в Северное тайное общество с 1821 года), но вскоре был отпущен. После этого Чаадаев переезжает из Санкт-Петербурга обратно в Москву и поселяется за городом в имении тетки.

В 1829–1831 годах в подмосковной тиши Чаадаев создает свои «Философические письма». Публикация первого письма в журнале «Телескоп» (1836), написанного по-французски и адресованного Е.Д. Панковой (1829), вызвала бешеный гнев императора. Чаадаева по требованию самодержца объявляют сумасшедшим и помещают под домашний арест с обязательным и регулярным освидетельствованием военврача. С того момента сочинения Чаадаева было запрещено печатать, и они постепенно открывались российскому читателю только после его смерти, хотя уже с самого конца 1820-х письма ходили в рукописных списках. Удивительно, но советская власть тоже не особенно благоволила идеям и настроениям Чаадаева, даже несмотря на его критическое отношение к деспотизму и русскому «рабству». Пожалуй, ее так же, как и царизм, отпугивали критические мысли Чаадаева в отношении всего русского прошлого, а также полное отсутствие революционного пафоса в его сочинениях. Подлинный ренессанс Чаадаева начался лишь с приходом горбачевской перестройки, когда, собственно, и было издано самое полное собрание его сочинений и большая часть эпистолярного наследия³⁸. Что же так напугало самодержавие в письмах Чаадаева, причем настолько, что пришлось объявить его умалишенным? Интерпретаций по этому поводу было немало. Современный читатель, ознакомившись с его письмами, будет сильно удивлен столь резкой негативной реакцией властей и вряд ли обнаружит в письмах какую-то крамолу, подлежащую цензурному запрету, хотя кто-то и упрекнет Чаадаева в распространении так называемой русофобии, чем он, конечно же, никогда не страдал. Но подобный укор может быть вызван лишь разницей в свободе слова тогда и сейчас.

Однако дело, как мне кажется, не столько в его политической критике, сколько в общей оценке им России в мировой истории — ее прошлого, настоящего и будущего. Вспомним, что все мыслители дворянского постдекабризма критически воспринимали российскую действительность, но все они в душе были истинными патриотами и, что особенно важно, все были оптимистами и позитивно настроенными на «светлое» будущее отчизны. Чаадаев действительно выпадает из этого общего ряда. Он глубоко познал мировую и русскую историю. Создал свое и не заимствованное у зарубежных авторов историософское учение. Видел настоящее тонким взглядом социолога. Творчески переработал внутри себя западную философскую традицию, а не просто заимствовал готовые западные идеи, подобно многим. И поэтому на будущее страны не оставлял своим современникам никаких иллюзий, а равным образом и пустых, не заполненных реальным содержанием надежд. Он мыслил системно и последовательно, возможно, оттого и не верил ни в какие благодные перемены в стране.

Кому-то казалось, что он просто по характеру своему скрытый интроверт и пессимист, что отчасти и правда. Кто-то полагал, что его благо-

воление католицизму сделало его столь «враждебным» к русской реальности. Кто-то делал акцент на его мистицизме, не позволившем ему видеть мир глазами романтика-идеалиста или тем паче социал-утописта. Но, как бы то ни было, те философские вопросы, которые он поставил в своих письмах, стали на долгие десятилетия поводом для отечественной мысли к размышлению о русской идентичности и историческом пути России.

Не было в России ни одного именитого мыслителя, кто не отозвался бы о Чаадаеве с пиететом или даже с восторгом. Но также не было и тех, кто принял бы его жизненные позиции, идеи и оценки целиком и полностью, настолько его философские суждения были радикальными и бескомпромиссными, мрачными и не оставляющими потомкам какой-либо слепой мечты о счастье народа и благоустройстве страны. А его смысложизненный выбор не перестает удивлять даже нас, далеких потомков, не то чтобы его современников.

Чаадаев-просветитель сотворил, как мне кажется, *три фундаментальных просветительских «открытия»*. Вероятно, это не входило в его непосредственный замысел, но тем не менее в итоге так получилось. Чаадаев, *во-первых*, как социальный философ, в отличие от всех своих предшественников и современников, переносит фокус философского внимания с личности на общество, не на народ, а именно на «всеобщее» гражданское общество. Ведь, за исключением Петра I, он крайне редко вспоминает об отдельных исторических личностях. *Во-вторых*, он создает авторскую историософскую платформу, как некое рамочное теоретическое знание, только внутри которого возможна рефлексия и публичная дискуссия о прошлом и будущем. *В-третьих*, как религиозно-светский мыслитель он предложил уникальный для России просветительский концепт — *«христианское западничество»*. Все отнеслись к этому концепту с уважительным вниманием, но никто его не принял (пожалуй, кроме В.С. Печерина³⁹). Напомню еще раз, что Чаадаев принял католицизм только после того, как искренне проникся универсализмом и поразившей его воображение социальной миссией католицизма и его участия в общественной жизни Европы долгие столетия. Более того, мысль о том, что западное просвещение, которому мы подражаем, является итогом влияния религиозных идей, звучит у него в текстах постоянным рефреном.

Чаадаев, безусловно, был новатором. Он не просто вещал перед публикой, навязывая ей свою историческую доксу, а предложил передовому и образованному обществу *инструменты самостоятельного и просвещенного мышления*. Но именно этого общественность николаевской России, изумленная «откровениями» Чаадаева, не ждала и оценить не смогла, а посему методологически отвергла его дискурсивные метарамки, сохранив при этом память о нем как о будоражающим публику мыслителе-провокаторе. По большому счету Чаадаев и не нуждался в

широкой аудитории слушателей, он следовал внутреннему голосу разума, полемизировал с ним и вполне был удовлетворен этим весьма непростым, но всегда содержательным диалогом.

Даже открытые западники не приняли Чаадаева всецело. Многими годами позже публикации первого чаадаевского философического письма Герцен в своей книге «О развитии революционных идей в России» вспоминает, как на смену «Телеграфу» пришел журнал «Телескоп», который был очень недолговечен, зато «смерть его была поистине славной». «Именно в нем было помещено знаменитое письмо Чаадаева. Журнал немедленно запретили, цензора уволили в отставку, главного редактора сослали... То был вызов, признак пробуждения; письмо разбило лед после 14 декабря. Наконец пришел человек с душой, переполненной скорбью; он нашел страшные слова, чтобы с похоронным красноречием, с гнетущим спокойствием сказать все, что накопилось в сердце образованного русского»⁴⁰. И далее: «Да, этот мрачный голос зазвучал лишь затем, чтобы сказать России, что она никогда не жила по-человечески, что она представляет собой „лишь пробел в человеческом сознании, лишь поучительный пример для Европы“. Он сказал России, что прошлое ее было бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого у нее нет»⁴¹.

Разумеется, Герцен категорически не мог согласиться с таким безнадежно-печальным диагнозом. И все же вынужден был признать, что «и до сих пор факты говорят за него, а не против него». Ибо Герцен *верил*, а Чаадаев *мыслил*. И в этом способе познания истории и актуальной реальности между ними — громадная пропасть. В утопическом западничестве вера в будущее, как правило, всегда брала верх над честным знанием прошлого и настоящего. И все же, надо отдать должное Герцену, он чрезвычайно высоко оценил суровое негодование и жесткость Чаадаева. Его первое письмо, пишет он, было встречено «воплем скорби и изумления», ибо оно выразило то, «что смутно волновало душу каждого из нас»⁴².

Кто из нас в минуты отчаяния не ненавидел эту страну? Кто из нас не хотел навсегда вырваться из этой тюрьмы, занимающей четверть земного шара? Кто из нас не предавался страстям, чтобы забыть этот ледяной ад? Длинным рядом риторических вопросов Герцен как бы подчеркивал свою эмоциональную близость к сентенциям Чаадаева. Но не забывал при этом открыто дистанцироваться от него: «Сейчас мы видим все по-другому, мы рассматриваем русскую историю с иной точкой зрения, но у нас нет оснований ни отречься от этих минут отчаяния, ни раскаиваться в них; мы заплатили за них слишком дорогой ценой, чтобы забыть о них; они были нашим правом, нашим протестом, они спасли нас»⁴³.

Следует ли из этого, что *просветительский водораздел* между двумя западниками образовался в результате несогласия между ними в спосо-

бах производства и наполнения смыслами исторической доксы? И действительно ли письма Чаадаева следует воспринимать как красноречивую похоронную речь у надгробья русской исторической судьбы, как оценил их Герцен? Не думаю, что столь однозначно⁴⁴. И все же, чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к текстам Чаадаева.

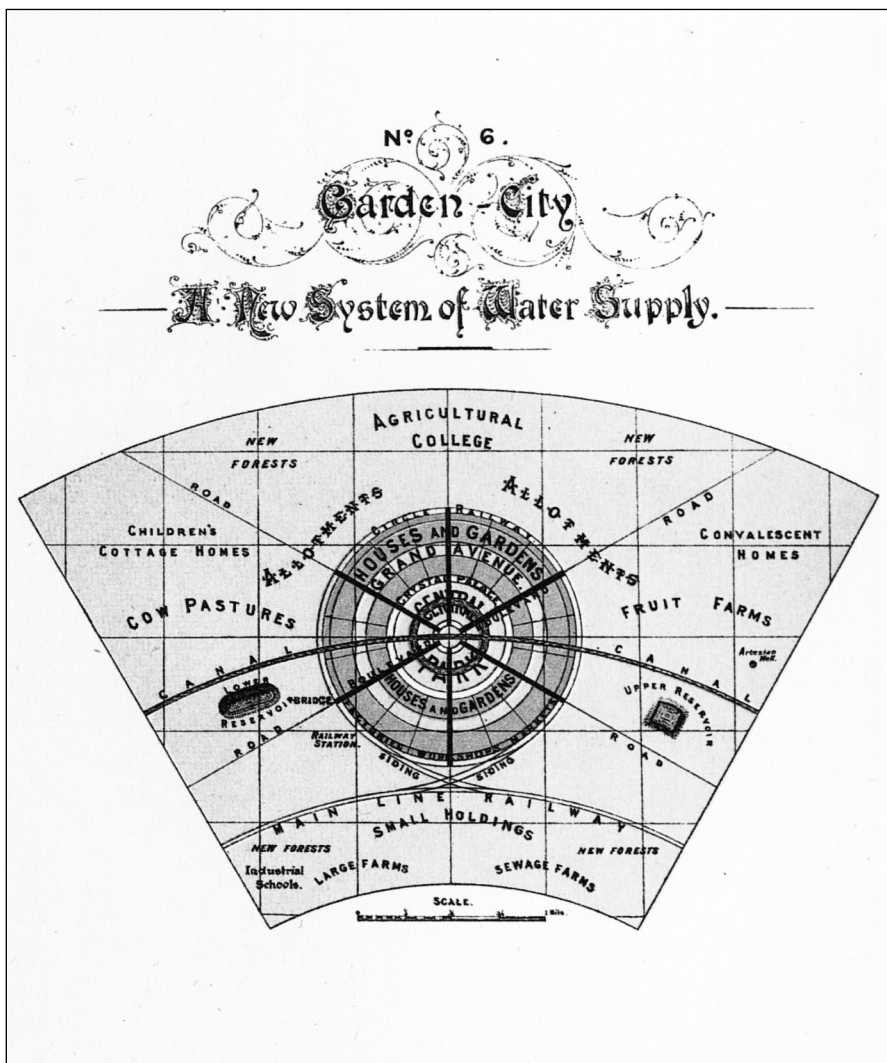
Когда мы рассматривали славянофилов и западников, достаточно было систематизировать и адекватно выразить их взгляды, благо не было у них никакой особенной метафизики и философии в целом. В случае же с Чаадаевым такой простой аналитической процедуры будет явно недостаточно. Его необходимо вначале понять и объяснить самому себе, а уже

*Кто из нас в минуты отчаяния
не ненавидел эту страну? Кто из нас
не хотел навсегда вырваться из этой
тюрьмы, занимающей четверть
земного шара?*

после пытаться корректно — семантически и вербально — выразить его идеи для других. И его богатейший литературный язык в данной ситуации скорее мешает, чем помогает, поскольку создает ложное впечатление простой, ясной и однозначной для понимания мысли. На самом же деле у Чаадаева в каждом тексте мы сталкиваемся с «тайной», как производной его многозначительного мышления и неоднозначно прямой логики. Более того, отнюдь не всегда понятно его просветительское целеполагание. Для чего он высказывает ту или иную мысль публично и тем более облакает ее в замысловатую языковую форму.

В 1837 году он пишет сочинение «Апология сумасшедшего», сразу же после скандала с публикацией своего первого философического письма и объявления себя, со слов императора, «умалишенным». Этот текст был опубликован Чернышевским в «Современнике» лишь после смерти его автора. В нем Чаадаев как будто пытается объяснить перед образованным обществом, что, собственно, он хотел выразить своим письмом и какие ставил перед собой историко-просветительские цели. Текст, как всегда, получился большим, с долгими уходами в общепрофессорские размышления, и, к сожалению, так и остался недописанным автором. Однако это сочинение примечательно тем, что в нем в наиболее развернутой форме мы знакомимся с его философией истории.

Вначале о том, как Чаадаев использует само слово «история». Для него это не столько академическая наука, сколько нечто автономное, одушевленное, живое, воплощенное в судьбе и миссии народов. Он предложил понятие «обиходная история», которым обозначал эмпирическое отношение к истории, как описанию событий, фактов и бесконечных повторений без нравственно-смыслового исхода. Напротив, «подлинная» история предполагает совершенно другой уровень: философское осмысление, распознавание в прошлом плана, разума,

Эбенизер Говард. Город-сад. Диаграмма 6.
Из книги «Завтра: мирный путь к реальной реформе». 1898

мысли и намерений, связывающих исторического человека с верховными идеями и Богом. И, как будто извлекая новую философию истории из сущности самого себя и по аналогии с самим собой, Чаадаев утверждает, что «подлинная» история — это всегда озарение светом *тайны прошлого*.

Отсюда выводит Чаадаев: историческая докса (он, конечно, не использует этого понятия) есть не что иное, как *нефинализируемый процесс познания идей и мыслей, уроков истории и понимания предначертаний Творца*. Он крайне редко употреблял слово «историк», а если и вспоминал об этом ремесле, то тотчас же делал оговорку, что его интересуют не материализованные факты (как у историков), а метафизическая «сила вещей». В «Апологии» он точно выразил свое понимание про-

светительской миссии истории: «Каждый факт должен выражаться идеей; через события должна нитью проходить мысль или принцип, стремясь осуществиться: тогда факт не потерян, он провел борозду в умах, запечатлелся в сердцах, и никакая сила в мире не может изгнать его оттуда»⁴⁵. Опишут ли эти факты историки или нет, значения особого не имеет. Историю, как животворящую идею, народ носит «в глубине своего существования»⁴⁶. И далее с удивительным спокойствием он констатирует, явно намекая на себя: «Именно этой истории мы и не имеем. Мы должны привыкнуть обходиться без нее, а не побивать камнями тех, кто первый это подметил»⁴⁷. Собственно говоря, этой одной фразой объясняется весь замысел «Апологии», ибо побили камнями Чаадаева, который попытался открыть глаза россиянам на историческую истину и путь России в мировой истории.

Для Чаадаева эта мысль стала, пожалуй, базовым элементом его просветительской философии: в России нет и не было истории в западном смысле. Истории идей, истории независимой мысли, истории автономных институтов. И даже истории событий, которая представляет собой имманентную часть западного мышления. Как же тогда возможно здесь историческое просвещение? Ответ нам предложил сам Чаадаев: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо. Правда, мы, русские, всегда мало интересовались тем, что истинно и что ложно, поэтому совсем не стоит сердиться на общество, если несколько язвительный упрек в его немощах задел его за живое»⁴⁸. История «сама по себе», а не в услужении властным или каким-то иным интересам, даже и не на «благо» родины, — таково философское видение Чаадаева.

Чаадаев действительно грезил о Царствии Божьем на земле, и поэтому совершенно не случайно многие исследователи причисляют его к ряду религиозных мыслителей (Н.А. Бердяев). Это совсем не так. Ошибочно также считать такую просветительскую мысль проявлением его мистического сознания (М.О. Гершензон в начале прошлого века определил его учение как «социальный мистицизм»⁴⁹).

Вождем объектом для Чаадаева была *мысль Божья*. Ибо только она для всех, только она всеобща. Только она, а это, пожалуй, для нас самое главное, пополняет «сокровищницу» гражданственности. Подобно тому как протестант во внешних проявлениях своей деятельности, деловой успешности и благосостояния распознавал свое божественное призвание, схожим образом и Чаадаев стремился увидеть в

истории божественное предначертание, материализованное преобразование божественной мысли. Отчасти ему это удалось, но в русской истории, увы, он не увидел ничего особенного, кроме, может быть, того, чтобы служить «уроком для Европы».

Конечно же, Чаадаев любил родину, но не слепой любовью, ибо истину ставил выше. «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою родину, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами»⁵⁰. Безусловно, прав был Н.А. Бердяев, утверждавший в своей книге «Русская идея» (она вышла в свет в 1946 году), что все странные поступки, эмоции, резкие оценки, непривычные и совсем даже нелояльные мысли, приписываемые Чаадаеву и проявленные в его эпистолярном наследии, вряд ли мог содеять нерусский человек или не искренний патриот⁵¹.

Бунт против русской истории, предпринятый Чаадаевым, он сам же и попытался погасить. В заключительной части «Апологии», превознося заслуги цивилизованных стран, по признанию самого Чаадаева, он вовсе не приветствует все, что там происходило и происходит — торжество эгоизма, узких интересов, тщеславие, упрямая партийность и т.д. В «девственной» же России все наоборот, считал он: нет страстных интересов, устоявшихся предрассудков, зрелых институтов, словом, «ничто не противится немедленному осуществлению всех благ, какие Провидение предназначает человечеству»⁵². Идея о том, что неразвитость России является скорее ее преимуществом, чем глубинным недостатком, просматривается у многих западников. Однако Чаадаев аргументирует этот тезис парадоксально: «...история больше не в нашей власти, но наука нам принадлежит»⁵³. А имел в виду он следующее: прошлое нам уже не неподвластно, но будущее все еще зависит от нас. Так в чем же заключается это пресловутое преимущество? Большая часть мира подавлена своими традициями и воспоминаниями, в них глубокое чувство завершенной жизни, господствующее над жизнью текущей, их прошлое — неумолимо. Русские же никогда не жили под роковым давлением логики времен, и в этом их великий шанс на будущее. Посему и благоденствие наше не зависит от «непреложной необходимости», думал Чаадаев. Повинуясь голосу просвещенного разума и сознательной воли, обдумывая каждую идею и полагаясь на верховную волю, мы открываем для себя новые пути и горизонты, вносим в разум власти «новое просвещение», пишет он в «Апологии»⁵⁴.

Как видим, строгий мыслитель Чаадаев не видел себя ни в одном из идеологических лагерей николаевской России. Он не обличает Россию, не винит ее народ, а только горестно констатирует, что отчизна долгими веками располагалась вдалеке от цивилизованного мира, где естественным образом накапливалось просвещение, и все предшествующие поколения не оставили нам никаких задатков нового мира. Вся

русская история состоит из деяний государей, а надобно нам встретиться с проявлением общей гражданской воли.

Впрочем, это в известном смысле опережающее свое время убеждение не помешало Чаадаеву выступить с панегириком Петру Великому. И, как было принято в историко-просветительской литературе всей первой половины XIX века, он тоже «должен» был высказаться по вопросу о роли Петра и его реформ, расколовшему всю российскую историю на две условные половинки.

Чаадаев неоднократно вспоминает в «Апологии» Петра, чаще всего именуя его «Величайшим» или, привычнее, просто «Великим». Он видит в нем разрушителя и созидателя одновременно. Но что он числит в реестре его заслуг? Первым долгом, а порой складывается впечатление, что для Чаадаева это важнее всего, он рукоплещет решительности реформатора в отношении «старой России». Да, он начал новую эру в истории отечества, да, именно ему мы обязаны величием и славой, западным речением, наукам, одеждам, этикету. Но все же самая главная заслуга в том, что «своим могучим дуновением он смел все наши учреждения; он создал пропасть между нашим прошлым и нашим настоящим и бросил туда без разбора все наши традиции»⁵⁵.

В этой фразе чрезвычайно важен акцент: *без разбора* и *все наши традиции*. Чаадаев-просветитель пытался на протяжении всей своей жизни обосновать тезис о принципиальной разнице в исторической доксе Запада и России. Западная история — континуальная. Она плотью и кровью вошла в новейшую историю стран Европы. Сила ее в преемственности институтов, мысли, духа. Российская же история — дисконтинуальная. Ее две условные «половинки» различаются по тому, как в них реализован принцип просветительского универсализма. Уникальность ее пути в судьбоносном «разрыве» — *без разбору во всем*. А вот привел ли этот разрыв к торжеству универсализма в современной Чаадаеву России — вопрос, который мучил его постоянно, а приверженность истине не позволяла ответить на него однозначно утвердительно. И если многие западники позволяли себе лишь сомнения или скепсис по этому поводу, то Чаадаев решительно высказывал свое категорическое «нет», чем не переставал изумлять российскую публику. Но что ждать от «сумасшедшего», который в силу психической «неадекватности» видит мир контрастно, без нюансов и необходимой для того времени политической корректности?

После Петра I Запад «снисходительно согласился причислить нас к своим». Чаадаев приветствует это и подчеркивает вновь важность *универсалистского мышления* императора-реформатора. Ведь он смог свершить все это благодаря своей могучей мысли, которая завладела страной и толкнула ее на этот путь. Петр открыл все западные возможности для России — в сфере наук, технологий, искусств и т.д. Однако поставил перед российским народом три фундаментальных условия:

(а) отказ от предрассудков, (б) отказ от охранительного отношения к варварскому прошлому, (в) отказ от невежества. Страна воистину достигла величайших успехов на поприще прогресса. И по-прежнему идет вслед за той программой, которую сформулировал Петр. Чаадаев, как мне кажется, приписывает Петру свои собственные просветительские мысли и пишет: «Он видел, что за полным почти отсутствием у нас исторических данных мы не можем утвердить наше будущее на этой бессильной основе... мы должны спонтанным порывом наших внутренних сил, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой»⁵⁶.

Историческая докса, по Чаадаеву, не есть набор идеологически окрашенных тезисов или нарративов о прошлом, как полагали его именитые предшественники начала XIX века. Это скорее *инструмент познания*, приближающий нас к истинному пониманию прошлого. Она помогает человеку и народам в целом «открыть ум» великим и прекрасным идеям и пренебречь «туземной тропинкой». И Чаадаев был убежден, что его герой обладал именно таким историческим мышлением. Петр I не обнаружил в стране ни работающих институтов, ни очерченной и яркой народности, а «только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа и Запад*» (курсив — П.Я. Чаадаева)⁵⁷. Очевидно, что мы имеем дело не с реальным, а с сконструированным Чаадаевым великим реформатором, но такие иллюзии как раз и входят в задачи исторической доксы, с чем мы столкнулись в случае с Герценом.

При этом, не пользуясь нашим современным философским языком, Чаадаев, по сути, вел разговор об одном из фундаментальных прав человека — *праве на будущее*. И если для этого мысль и воля требуют «отказа» от национального прошлого, то, значит, история не дает нам иного выбора. А разве был бы столь послушен народ, если бы в его прошлом было нечто, «что могло бы оправдать сопротивление»? Иными словами, лишая русский народ права на историю и внимательно прислушиваясь к Провидению, Чаадаев тем самым лишь укреплял право на будущее, которое, по его мнению, не имело возможности идти иным путем. Эта мысль Чаадаева, пожалуй, была самой раздражительной для общественного мнения, причем даже для его друзей-западников. Но для самого Чаадаева истина последовательной мысли всегда была превыше даже искренне патриотических эмоций.

Чаадаев настаивает на том, что в отечественной истории все идеи были заимствованными. Но это наблюдение отнюдь не должно стать обидным для национального чувства. Ибо «если оно верно, его следует принять — вот и все»⁵⁸. Все просто: истина для Чаадаева всегда была превыше «национальной чести». И, пожалуй, именно с такой мыслительно строгой и жесткой исторической доксой не могло ужиться самодержавие и высшее сословие, а передовые умы России оказались

неготовыми принять ее целиком и полностью: их чувства брали верх над разумом.

В первом философическом письме он пишет об этом куда прямее. Рассуждая об отсталости страны, Чаадаев как бы невзначай бросает фразу, которая позднее была включена буквально во все публикации, посвященные его творчеству. «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось»⁵⁹.

Чаадаев вел разговор об одном из фундаментальных прав человека – праве на будущее. И если для этого мысль и воля требуют «отказа» от национального прошлого, то, значит, история не дает нам иного выбора

Иными словами, историческая докса Чаадаева отстраивается не от онтологических особенностей нашего цивилизационного пути, а от антропологического вакуума, то есть от *отсутствия связей с человеческими идеями и историей человеческого духа*. Отсюда его главный вывод: «...то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение»⁶⁰. А миссия исторического просвещения — в последовательном распространении в обществе этого видения самого себя, этой неприглядной самоидентичности. Абсолютно непозволительно ко всем отечественным «бедам» добавлять еще и «ложное представление о самих себе», полагал Чаадаев.

Но если непонятно, к кому мы принадлежим, то в таком случае кто мы? — вопрос, логическим образом вытекающий из первого письма, волнует отечественную интеллектуальную мысль до сих пор. Чаадаев категоричен в отношении созидания чего-то *значительного для общего блага* за все прожитые века и занятые пространства. Страна живет только ограниченным настоящим, «без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя». Собственно, это наблюдение и подтолкнуло его к утверждению, что в России жизнь «в обществе» и развитие в нем человека для народа еще не началась. Хоть Чаадаев не прибегал к современной терминологии, мы понимаем, что он имел в виду отсутствие в России двух важнейших компонентов полноценной цивилизованной жизни, присутствующих на Западе: гражданина и гражданского общества. Только сквозь призму этой интерпретации становятся понятными мимолетно брошенные им комментарии, в изобилии присутствующие в первом письме. Жизнь в российском обществе полна неопределенностей, не упорядочена, люди колеблются в нем без убеждений и без правил в повседневных делах, в нем нет и зачатков добра,

пока это все еще «хаотическое брожение предметов нравственного мира»⁶¹.

Следовательно, в нашем сознании нет ничего, на что могла бы опереться отечественная мысль. Но есть ли в таком случае позитивный выход из сложившегося положения? Разумеется, уверен Чаадаев: «Если мы хотим подобно другим цивилизованным народам иметь свое лицо, необходимо как-то вновь повторить у себя воспитание человеческого рода»⁶². Иными словами, по Чаадаеву получается, что обретение цивилизованной идентичности возможно *не через мешающую самолюбие национальную гордость и возврат к варварству и предрассудкам, а только через универалистское просвещение.*

Что же философски значимое сокрыто за странной для нашего современника формулировкой «воспитание человеческого рода»? Прежде всего это впечатления и идеи, сохранившиеся в умах от прошедших времен, но и не в последнюю очередь — общение с народами. Таким путем человек ощущает свою связь со всем человечеством. И российская поступь вперед, утверждает Чаадаев, свершается так, что «пережитое пропадает для нас безвозвратно... это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной». Гражданское и нравственное воспитание народов осуществляется веками, а каждый гражданин обретает в нем свою долю общего идейного наследства через традиции и историческое просвещение. Однако мы, пишет Чаадаев, составляем исключение и, не входя в род человеческий, как будто бы существуем лишь для того, чтобы «преподать великий урок миру»⁶³.

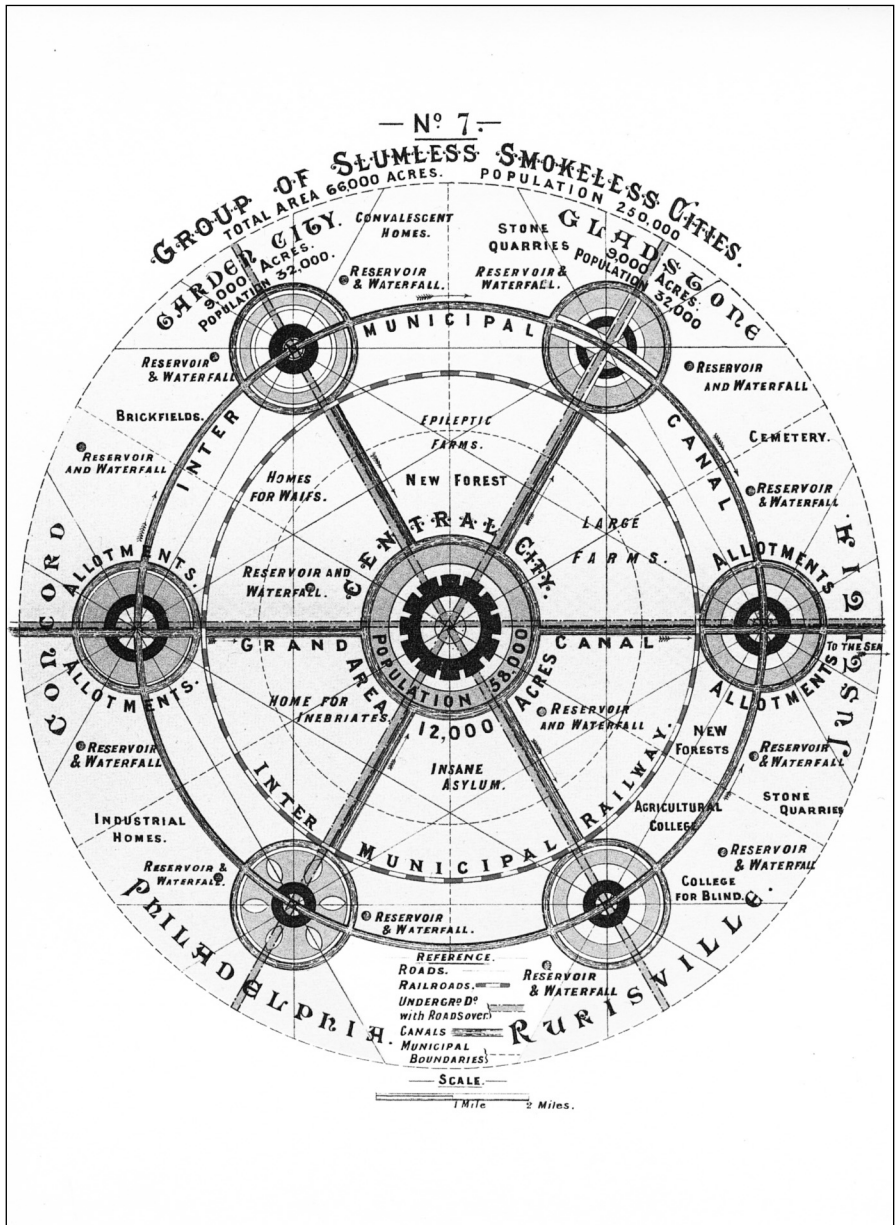
Поскольку философский интерес Чаадаева был направлен на общество, а не на отдельную личность, то он и здесь не находил для себя успокоения. Общественная и частная жизнь основаны на *памяти о прошлом и на тревоге за будущее*, в наших же «головах решительно нет ничего общего, все там обособлено и все там шатко и неполно»⁶⁴. Следовательно, историческая докса и просвещение должны быть выстроены прежде всего в векторе «общего» («гражданственность» — редкое слово в его текстах), а не партикулярного, при всем уважении к человеку, постулирует Чаадаев. Исследовать надлежит «общий дух», отражающий сущность народа, а не частные пороки или добродетели, хотя, признает Чаадаев, массы подчиняются верховным силам и непосредственно сами они не размышляют. Но где они, те мыслители, которые думают за нас? Не обнаруживая их, Чаадаев вновь обращает свой взор к цивилизованному западному миру, который тысячелетиями был объединен идеей «животворного единства». Нелепым считает Чаадаев допущение многих современных ему просветителей, будто медленный, но поступательный прогресс народов Европы мы можем быстро усвоить. Это возможно только лишь через историческое просвещение, поскольку российскому обществу необходимо узнать, *как этот прогресс совершился*, а потом уж думать, как включиться в него.

Чаадаева можно читать, перечитывать и цитировать до бесконечности. Каждое его предложение содержит мысль, пусть даже и совершенно нелестную для нас. Однако, как мне кажется, ни его современники, ни последователи не уловили в его сочинениях главного: он предложил нам инструмент гражданского мышления, не навязывая его содержания. Он не вещает о готовых истинах, а приглашает к совместному их поиску. Не распознав этого, большинство поздних авторов, вырывая из общего контекста его логики и бескомпромиссной мысли отдельные цитаты, на их основании пытались Чаадаева политико-культурологически идентифицировать. Точнее, втиснуть в жесткие интеллектуально-философские или тем более идеолого-партийные рамки.

Чаадаев не демократ и не монархист, не правый, не умеренный западник и не патриот (в характерно русском смысле этого слова), не прямолинейный мистик и, уж очевидно, не чисто светский философ. Он — все это, в зависимости от того, насколько та или иная позиция приближается к его пониманию истинности. Более того, Чаадаев, как мне представляется, был «экуменистом» в мышлении. Его всегда прельщали две перспективы: (1) синтеза рациональной философии и христианства, равно как и (2) синкретизма сущностей западной цивилизации и православной России. Такая интеллектуальная «амбиция» делала его сочинения и громадный архив писем многозначительными и амбивалентными. Она не укладывается в привычную логику людей XIX—XX веков и, возможно, поэтому не давала покоя его поздним интерпретаторам. Поэт Осип Мандельштам лучше всех оценил его вклад в русскую культуру: «След, оставленный Чаадаевым в сознании русского общества, такой глубокий и неизгладимый, что невольно возникает вопрос: уж не алмазом ли он проведен по стеклу?», ибо «мысль Чаадаева — строгий перпендикуляр, восстановленный к традиционному русскому мышлению»⁶⁵.

Какие только ярлыки не навешивали на Чаадаева, одни притягивали его на свою сторону, другие отталкивали в противоположную⁶⁶. Каждый из отечественных мыслителей находил в нем для себя что-то притягивающее и отталкивающее одновременно. Он был открыт для всех здравомыслящих людей, но его мысли нельзя было заимствовать, повторить, а тем более — подражать ему⁶⁷. Но как только вы погружаетесь в чтение его текстов, вы тотчас же начинаете понимать, насколько тщетны все эти попытки дать строгую дефиницию мыслям этого духовно-светского гиганта николаевской России. Единожды ознакомившись с ними, вернуться в привычное лоно историософского рассуждения вам уже никогда не удастся. В вашем сознании станет тесно и неуютно от постоянного присутствия просветительских мыслей великого «умалишенного».

Практически никто из поздних и именитых интерпретаторов не оценил Чаадаева как выдающегося *гражданского гносеолога*, все хотели

Эбенизер Говард. Город-сад. Диаграмма 7.

Из книги «Завтра: мирный путь к реальной реформе». 1898

видеть в нем либо историсофа, либо метафизика, либо религиозного мистика, либо, уж совсем на крайний случай, культурного антрополога. А он, выражаясь современным языком, прививал нам *навыки гражданского мышления* через познание универалистского Запада и демонстрировал эти новые возможности на собственном примере, как *мыслью отталкиваться от общего блага, общей памяти и права народа для будущего*.

А то, что всякое философское рассуждение неизбежно приводило его к религиозной идее и необходимости гражданско-христианского просвещения, подтверждает идейную приверженность Чаадаева не политической Европе, а западной ценностной платформе. Сформулированное Чаадаевым философско-гражданское кредо — *истина дороже родины!* — глубоко запало в душу отечественных мыслителей, будоража русское самосознание, формируя гражданскую культуру и нестерпимой интеллектуальной «болью» сопровождая все дальнейшее 200-летнее очень непростое «взросление» России.

Больше такого глубокого и бескомпромиссного просветителя в отечественной истории не случилось.

Чего все же не заметил маркиз де Кюстин в николаевской России? (вместо заключения)

Покидая Россию, де Кюстин высказался крайне уничижительно в отношении наличия в России символически значимых и влиятельных публичных фигур. Мысль его предельно проста: в империи нет «больших» людей, ибо нет «независимых» характеров. Ну а те единицы из числа избранных, кто в 1839 году все же составлял исключение, представляли собой настолько малочисленную группу, что не оказывали никакого влияния на окружающих, на общество, на государство и его внутреннюю политику. Пожалуй, это вполне корректная с точки зрения социологической репрезентативности констатация фактического состояния только-только зарождающегося гражданского общества. Однако с точки зрения общественного развития страны именно эти «редкие» люди совершили в России *глубинную просветительскую революцию*.

Ими были заложены, аргументированно обоснованы и преданы гласности через всевозможные публикации, которые порой стоили им карьеры, репутации, а нередко заканчивались и репрессиями, основные *модели гражданского просвещения*. Вся последующая идейная история страны исходила из этих базовых «открытий», в частности в сфере исторического просвещения. Чего-то принципиально нового русская мысль впоследствии уже не изобрела, она эксплуатировала просветительские подходы и идеи своих великих предшественников из николаевской эпохи. В то время как само народное образование, как правило, следовало нормам, принципам и ценностям уваровского просвещения.

Просветительская мысль того времени была абсолютно самобытной, предельно контрастной, искренней, системной и последовательной. Эти «редкие» люди своими постоянными очными и заочными (в

периодике и в письмах) идейными перепалками друг с другом создали в стране традицию *гражданской и просветительской дискуссии*. Свершилось же это в условиях жесточайшего полицейского контроля, государственной цензуры, беззакония и властного насилия, которые царили в николаевской России. При последних Романовых свобода слова стала возможной благодаря реформам и смягчению царского режима. Но тогда, во второй четверти XIX века, каждое выступление, каждая публикация, каждое письмо становились актом *гражданского героизма*, настолько внешняя среда была враждебна ко всему новому и критическому в сфере просвещения.

Две фундаментальные *парадигмы просветительской философии* заложили Герцен и Чаадаев. Оба были универсалистами, но один отталкивался исключительно от рациональной философии, другой искал возможности ее глубинного синтеза с христианской верой. Оба предложили российскому обществу две формы проявления *базового гражданского чувства*: Чаадаев разочаровался в России, Герцен к концу своей жизни окончательно разочаровался в Западе.

Оба нетерпимо-критически относились к настоящему, а потому постоянно апеллировали к прошлому России и надеялись на ее лучшее будущее. Чаадаев не обнаруживал в прошлом никакой «истории» в универсалистском смысле понятия. Герцен искал и пытался найти хоть что-нибудь, на что можно было бы опереться в будущем. Друзья разошлись во мнениях и тем самым заложили печальную российскую традицию: либеральная мысль не сплачивает людей мыслящих, а скорее разъединяет их. Отчего же? Объяснение этому парадоксу, мне кажется, очень простое. Либеральная идея на протяжении всей нашей интеллектуальной истории заимствовалась и относилась к культурному импорту. Причем заимствовались исключительно готовые и конечные формулы, сама же либеральная философия не проживалась национальной мыслью (за редкими исключениями, подобно П.Б. Струве), то есть не возвращалась как аутентичная гражданская философия. А поэтому чаще всего отторгалась властью и оказывала самое незначительное воздействие на мировоззрение и поведение людей, в ту далекую пору еще не граждан, а подданных империи. В этом маркиз де Кюстин был, пожалуй, прав.

Однако гражданские дискуссии николаевского времени подтолкнули впоследствии буквально всех отечественных мыслителей к решению извечного вопроса о русской идентичности. Нарративные рамки этого дискурса были заложены просветителями второй четверти XIX века. Их историософские дебаты⁶⁸ и разработки в области методологии исторического просвещения в конечном итоге очертили тот круг вопросов и устойчивый набор культурно-идеологических позиций, к которым апеллировала вся последующая русская мысль и которые остаются без изменений и по настоящий день. Россия входила в Европу этно-

графической и отчасти исторической «загадкой», как, впрочем, оставалась такой же загадкой и для самой себя. «Историческое сознание и историческое познание — наше самосознание и самопознание», писал Г.Г. Шпет почти что сто лет назад⁶⁹. И рождение свободного «гражданского духа» в стране сделалось возможным не из философии и рационализма в целом, а благодаря *историческому просвещению* первого свободного поколения русских мыслителей.

Славянофильская историческая докса была куда более четко выраженной и ясно сформулированной, чем все историко-просветительские конструкты умеренных и последовательных западников. Патриархальный утопизм славянофилов, вопреки расхожему мнению, мне кажется, вовсе не был антизападническим по умонастроению, они оглядывались на европейский опыт и готовы были перенимать интересные экономические и даже некоторые общественно-культурные модели. Христианскую логику и «идею» они познали из писем Чаадаева. Хотя европейскую цивилизацию они действительно воспринимали больше как угрозу. Причем не столько как военную или геополитическую, сколько как культурологический фактор, как заразительный для России пример, подражание которому может привести к краху исконных русско-православных традиций и общественных устроений. Считали ее в противовес Герцену опасной «иллюзией».

Очевидно, что опасались они отнюдь не реального Запада, а ими же искусственно созданного европейского «жупела». А поэтому и отвернулись от ценностей и принципов универсализма, неумело сконструировав «свою Россию», прошлое страны и ее историческое наследие. То, что их просветительская докса не выдерживала научной критики, как мне кажется, не сильно их удручало, скорее, напротив, подталкивало к выдвиганию все новых и еще более искусных построений, и они не опасались их демонстрации и обсуждения в пространстве национальной гордости. Главным итогом деятельности славянофилов стало исключительно русское когнитивное различие «правды» и «истины» в историческом просвещении. Перепроверяемая истина не трогала их. Устойчивая же и патриотически «правдивая картина» русского прошлого, напротив, занимала все их внимание, ее продвижению они и посвящали свои жизни.

Невозможно огульно отрицать позитивный эффект от просветительского и историософского дискурса славянофилов для дальнейшего развития отечественной мысли. У них было много интересных находок и догадок. Кроме того, они держали западников в постоянном интеллектуальном напряжении, требуя от них все новых и новых эпистемологических аргументов в пользу принципов, ценностей и норм универсализма.

Но нельзя и не обратить внимания, насколько «изобретательность» славянофилов на долгие годы сформировала парадоксальное русское самосознание с его установкой на все аутентично отечественное.

Институты и политическая культура испытывали громадный пресинг со стороны этой «животворящей» мысли. В результате они практически всегда не реформировались изнутри, а их родство с западными аналогами имело лишь фасадное сходство. К прискорбию, следует заметить, что и современная Россия никак не может избавиться от этого сковывающего ее развитие интеллектуального бремени.

Первая четверть XIX века была эпохой Записок, то есть интеллектуальной надеждой «достучаться» до верховной власти и убедить ее в правоте и обоснованности неких прогрессистских идей. Во второй четверти этот жанр сменился на эпистолярный. Письма давали возможность выражения публичной мысли не в вертикальном, а горизонтальном векторе. Это, собственно, стало начальным этапом формирования в стране пространства гражданской дискуссии *между равными* — если и не по статусу, то по способности излагать свои идеи, открыто выражать свои взгляды и аргументы. В этом смысле спор между универсалистами и антиуниверсалистами был самым продуктивным стимулом для генезиса *гражданского диалога*. Мыслители дискутировали между собой гораздо больше и активнее, чем с властью. А Николай I и его окружение отвечали всем оппонентам «внизу» тем, что преследовали их, подвергали цензуре и запрещали всех подряд. Поразительно, настолько самодержавие не могло смириться с рождением нового, уже не чисто поэтического, а именно гражданского чувства и, соответственно, с новой публичной реальностью империи.

Не вдаваясь в поиск первоначального авторства идеи о том, *кто кого разбудил*, замечу, что разнообразная по философии и методологии отечественная мысль второй четверти XIX века подспудно способствовала открытию в России несколько чрезвычайно важных для ее будущего правил: (1) нормальность плюрализма мнений, (2) нормативность аргументированной дискуссии, (3) мышление «от себя» в противовес мышлению «от авторитета», (4) уважение к оппоненту и, наконец, (5) зарождение самой парадигмы гражданского призвания и служения.

Вклад мыслителей второй четверти XIX века в гражданское просвещение молодого поколения огромен. Вспомним, как Герцен, будучи, в общем, несогласным с выводами и большинством идей Чаадаева, оценивал его долгосрочный просветительский эффект: «Письмо Чаадаева прозвучало подобно призывной трубе; сигнал был дан, и со всех сторон послышались новые голоса; на арену вышли молодые бойцы, свидетельствуя о безмолвной работе, производившейся в течение этих десяти лет»⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Герцену посвящена громадная историография. Его труды многократно издавались до и после 1917 года по опубликованным при жизни сочинениям, рукописям и письмам, в изобилии сохранившимся в архивах. При этом можно четко различить работы, в которых фигура самого Герцена и его интеллектуальное наследие мифологизированы и соответственно сильно искажены партийным контролем и вмешательством в историческую науку. Исследований относительно объективных и независимых от коммунистической пропаганды было совсем немного. Всех интересующихся читателей отсылаю к наиболее заметным и научно обоснованным трудам, в которых, кроме всего прочего, отчетливо заметно, как историческое время и политические обстоятельства развития страны влияли на деконструкцию и отчасти демифологизацию Герцена как объекта научного исследования: Эльсберг Я.Е. Герцен: Жизнь и творчество. М.: Изд-во художественной литературы, 1963; Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М.: Мысль, 1973; Прокофьев В. Герцен. М.: Молодая гвардия, 1979; Пирумова Н.М. Александр Герцен. Революционер. Мыслитель. Человек. М.: Мысль, 1989. После распада Советского Союза интерес к Герцену не только не угас, но, напротив, обрел новое дыхание. См., в частности: Хестанов Р. Александр Герцен. Импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001; отдельные статьи в выпусках «Нового литературного обозрения» (2001. № 49; 2002. № 53; 2002. № 58). Блестящий опус об исторической роли Герцена в связи с генезисом «русского социализма» принадлежит перу американского историка: Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма, 1812–1855. М.: Территория будущего, 2010.
- 2 Прекрасное 11-томное факсимильное издание всех выпусков газеты «Колокол» в период с 1857 по 1867 г. было осуществлено в 1962-м. См.: «Колокол»: Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М.: Изд-во Академии наук, 1962. Издание доступно в интернете и дает хорошее визуально-текстовое представление об эволюции политической и просветительской деятельности Герцена.
- 3 Фрагменты педагогических размышлений из сочинений Герцена многократно издавались в виде хрестоматий. См., в частности: Белинский В.Г., Герцен А.И., Чернышевский Н.Г. Добролюбов Н.А. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1987; Герцен А.И., Огарев Н.П. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1990.
- 4 Сохранился лишь рукописный автограф первой части предполагаемой большой статьи; он составлен зимой 1834 г. и был конфискован полицией весной того же года накануне ссылки Герцена в Вятку.
- 5 Герцен А.И. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–79.
- 6 Там же. С. 79.
- 7 Там же. С. 81.
- 8 Там же.
- 9 Там же. С. 83.
- 10 Там же. С. 83.
- 11 Там же. С. 115.

- 12 Там же. С. 122–123.
- 13 Там же. С. 123.
- 14 К сожалению, ограниченные объемы моего эссе не позволяют представить западнические идеи Грановского. Всех интересующихся отсылаю к книге: Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во Московского университета, 1989.
- 15 Все три письма опубликованы: Герцен А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 201–213.
- 16 Там же. С. 201.
- 17 Там же. С. 202.
- 18 Там же. С. 206.
- 19 Герцен А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 138.
- 20 Там же. С. 138–139.
- 21 Там же. С. 140.
- 22 Там же. С. 147.
- 23 Там же. С. 147.
- 24 Там же. С. 147–148.
- 25 Там же. С. 148.
- 26 Джон Стюарт Милль и его книга “On Liberty” // Герцен А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 271–280.
- 27 Там же. С. 271.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 273.
- 30 Там же. С. 275.
- 31 Там же. С. 276. Как видим, очень знакомый всем нам со школьной скамьи историсофский вопрос — кто кого разбудил? — принадлежит самому Герцену.
- 32 Там же. С. 277.
- 33 Там же. С. 290.
- 34 В книге «С того берега», предназначенной первым долгом для чтения его друзьями-западниками, Герцен пишет: «В самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое уважение к личности... У нас нет ничего подобного. У нас лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу; человек пропадал в государстве, но распускался в общине» (курсив мой). См.: Там же. Т. 2. С. 9.
- 35 Подробнее об этом сюжете см.: Малиа М. Указ. соч. Гл. 16.
- 36 Там же. С. 551.
- 37 Из наиболее доступных современных трудов о Чаадаеве рекомендую: Лазарев В.В. Чаадаев. М.: Юридическая литература, 1986; Тарасов Б.Н. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1990; Он же. «Тайна человека» и тайна истории: Непрочитанный Чаадаев, неопознанный Тютчев, не услышанный Достоевский. СПб.: Алетейя, 2012. Более 20 лет назад вышла в свет замечательная антология, в которой собраны фрагменты текстов наших именитых авторов XIX–XX вв., посвященных Чаадаеву, как человеку, и его гуманитарному наследию: П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998.

38 Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991. Т. 1–2.

39 Подробнее о жизни и идеях похожего, но не схожего с Чаадаевым другого «русского католика», Печерина см.: Гершензон М.О. Жизнь В.С. Печерина. М.: Путь, 1910.

40 Герцен А.И. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 129.

41 Там же С. 129.

42 Там же. С. 130.

43 Там же.

44 В 1832 г. Чаадаев пишет Записку Бенкендорфу, дабы доказать насколько его «действительные взгляды... отличны от того смысла, который император придал словам, коими я пользовался для выражения их» (Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 516–522). В ней он признается в том, что ранее разделял взгляды молодежи, мечтавшей о реформах и конституции, но никогда «не помышлял реализовать эти мечтания преступным путем и не запятнал себя ужасным бунтом». Трудно сказать, насколько искренней была эта Записка. Может, был замысел как-то смягчить свой репутационный провал в глазах высшей власти. Мне кажется, что все же он писал искренне. Однако в этой Записке Чаадаев прямым текстом говорит о том, что западные институты и законодательства никак не подходят России в целях прямого заимствования (импорта) или даже подражания, поскольку отечественная история совершенно иная и наша «великая нация» создана как неевропейская. Следовательно, полагаться предстоит только на блага из «собственного запаса». А вот во вторую очередь следует задуматься об образовании, но не заимствовать его из современного западного мира, а положиться на ту модель, которая ей предшествовала в Европе, и которая «произвела все, что есть истинно хорошего в теперешней цивилизации». Разъяснив графу, как ему казалось, свою позицию, Чаадаев отказывается и от политических симпатий своей молодости: «...возможно ли, чтобы, говоря о цивилизации и разуме, я подразумевал свободу и конституцию? Возможно ли, чтобы я, твердо убежденный в том, что мы можем восполнить наши недостатки лишь при спокойном сосредоточении наших мыслей... и под сенью попечительной о нас власти... мы можем рассчитывать нагнать время, потерянное для наших моральных успехов, чтобы я возымел намерение скрыть под покровом спокойной философской мысли буйную мысль демагогов?» (Там же. С. 519). Чаадаеву, действительно, был чужд шум площадей и политическая мишура оппонентов. Своим уделом он признавал только философское мышление и христианскую веру. Он не думал о реформах, манифестах, программах и прочих публичных выражениях своих политических предпочтений. А Бенкендорфу пытался донести, что его главное просветительское намерение — привить русскому человеку вкус к философской литературе и мышлению в целом. И добавляет, как вполне лояльный самодержавию подданный: всем нам следует довериться государям, высокое призвание которых заботиться о нашем будущем. Гражданам же он рекомендует «в ожидании молча работать над собою» и общественной нравственностью, «которая у нас еще не имеется» (Там же. С. 520).

45 Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 527.

46 В первом философическом письме он развивает приблизительно ту же мысль, но применительно к универсалистским основам современного общества: «Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание (курсив мой — А.С.). Утвержденное с самого начала на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали... Все политические революции были там по сути революциями нравственными. Искали истину, и нашли свободу и благоденствие». См.: Там же. С. 334.

47 Там же. С. 528.

48 Там же. С. 523–524.

49 Самого же Чаадаева он упорно именовал «декабристом, ставшим мистиком». См.: Гершензон М.О. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908.

50 Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 533.

51 Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 63–66.

52 Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. С. 534–535.

53 Там же. С. 535.

54 Там же. С. 536.

55 Там же. С. 525.

56 Там же. С. 526.

57 Там же. С. 527.

58 Там же. С. 527

59 Там же. С. 323.

60 Там же. С. 323.

61 Там же. С. 325.

62 Там же.

63 Там же. С. 326.

64 Там же. С. 328.

65 Мандельштам О. Петр Чаадаев // П.Я. Чаадаев: Pro et Contra. С. 401.

66 Конъюнктурным толкованиям наследия Чаадаева посвятил раздел в своей книге Тарасов. См.: Тарасов Б.Н. «Тайна человека» и тайна истории. С. 68–86.

67 П.Н. Милюков, вдумчивый историк и видный политический деятель дореволюционной России, в книге «Главные течения русской исторической мысли» (первое издание 1896 г.) весьма убедительно показал, как много идей черпали западники и даже славянофилы у Чаадаева. При одном «но»: предвосхищая их взгляды, он надеялся на «великое будущее» страны, но в отличие от них всех он «выводит это великое будущее из ничтожного прошлого». См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 2-е изд. М.: Типография И.Н. Кушнерова, 1898. С. 391.

68 На эту связь указывал еще Н.А. Бердяев. И вообще он полагал, что именно историософская тема пробудила русскую мысль. См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 63.

69 Шпет Г. Указ. соч. С. 266.

70 Герцен А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

Вопрошание – путь демократизации*

*Но гениальный всплеск похож на бред,
В рожденьи смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.*

Владимир Высоцкий «Мой Гамлет» (1972)

*Вадим Карастелев,
кандидат политических наук,
сокоординатор
Международной лаборатории
интерактивного вопрошания*

Кризис это не только разрушение стабильности, это еще и шанс воспользоваться возможностями, которые кризис обнаружил. Кризис либеральной демократии, как в России, так и в мире, может открыть путь к поискам новых форматов обретения человеком политической свободы. Автором предлагается гипотеза о конструктивном выходе из кризиса за счет особого способа задавания вопросов, который может вдохнуть свежий воздух в базовые либеральные ценности.

Что объединяет выборы в Украине, протесты в Ингушетии, общероссийскую кампанию по контролю над полицией, спрос с должностных лиц в парламенте Великобритании, профилактику массового ухода из школ в США? Этим магическим объединяющим кристаллом является тот или иной способ задавания вопросов, то есть реализация сути демократизации, и далее будет показано, как это делается. Но вначале давайте задумаемся над вопросом: почему в последней трети XX века происходит взрыв интереса к новой области, которая называется вопрошанием (Questioning или Questionology)¹.

Конечно, в истории можно найти целую плеяду мыслителей, писателей, религиозных, общественных и политических деятелей, которые обращали внима-

* Первоначальная версия этой статьи была опубликована на сайте «Либеральная миссия» 17.05.2019: www.liberal.ru/articles/7367.

ние на связи между вопросами и ответами, вопросительностью и любознательностью, познанием, мышлением и т.д.² Однако мощнейшим катализатором для стремительного интереса к вопрошанию является осознание, что человечество теперь живет в VUCA-мире³. Новая реальность означает, что всем нам предстоит жить, работать и постоянно пересамеоопределяться в условиях неопределенности, новизны, стремительных изменений, преодоления стереотипов, необходимости выстраивать совместные действия с людьми других взглядов и убеждений. Безусловно, эта ситуация будет перестроивать все процессы, включая демократизацию.

Как связаны демократизация и вопрошание?

Переосмысление процессов демократизации, под которыми понимается декларирование или стремление к демократии, в связи с VUCA-миром происходит с самых разных сторон. Так, например, Катрин Лалюмьер⁴ как-то сказала, что во французском языке есть слово, которое на русский можно перевести как «демократура». Оно подразумевает карикатуру на демократию, которая сводится к ритуальным вещам, например выборам, пусть и свободным и даже справедливым. Как правило, «демократурные» выборы не приносят странам желаемого развития, поскольку граждане, особенно в новых демократиях, оказывают лишь поверхностную поддержку демократическим институтам⁵. В связи с этим обратим внимание на достаточно распространенную точку зрения, что после выбо-

ров якобы все решения представителей власти будут легитимными по определению. Однако у французского академика и теоретика демократии Пьера Розанваллона вызывает сомнение этот тезис, и он настаивает, что власть даже после свободных и справедливых выборов должна постоянно подтверждать свою легитимность⁶. Согласно теории Розанваллона, в нынешней ситуации роста индивидуализации сознания и углубления процессов глобализации происходит конфликт с «тиранией электорального большинства», которая уже не может отвечать за целое, за производство общественного блага. В связи с такой констатацией в процессе демократической легитимности начинает возрастать роль институтов независимого контроля власти (к таким структурам относятся, например, конституционные суды), которые в ходе коммуникации должны удостоверяться в легитимности избранной власти. Эти примеры показывают общую тенденцию, сформулированную Эдвардом Лукасом в главе «Нестройный марш свободы» книги «Мир в 2050 году», написавшим, что «мировой политике необходимо больше чувства гражданской ответственности — „демократии“ как таковой недостаточно. Забудьте о демократии. Вместо нее стоит побеспокоиться о свободе и справедливости. Если вам повезет, то к 2050 году вы будете жить при электронном правительстве, а государство — заботиться о ваших желаниях так же внимательно, как компания Amazon сейчас заботится о ваших литературных предпочтениях. Если же не повезет, то... вашей страной будут руководить циничные специалисты в области манипулирования обще-

ственным мнением и подкупа своих критиков»⁷.

Ряд исследователей проблем демократического мироустройства обоснованно считают, что «лейтмотивом демократизации является расширение политических и экономических возможностей граждан (human empowerment)»⁸. Также для них важным является идея о том, что «чем более способными и мотивированными на борьбу за демократические свободы становятся люди, тем более устойчивыми оказываются завоевания в правовой области, то есть демократия в ее институциональном выражении. Путь к ней через расширение возможностей граждан не единственный, однако есть основания полагать, что только он приводит к укорененной в обществе и устойчивой демократии»⁹. Исходя из вышеизложенного понимания сути демократизации, основные тезисы автора данной статьи звучат следующим образом: *одним из базовых институтов современной либеральной демократии¹⁰ является гражданская ответственность, а одной из форм ее реализации является интерактивное вопрошание, которое: расширяет возможности граждан для участия в публичной сфере; задает формат подотчетности должностных лиц; осуществляет субъективацию; противодействует манипулированию и самоуспокоенности; позволяет заглядывать за горизонт обыденности и, в конце концов, делает человека свободным¹¹. Следовательно, способность самостоятельно ставить вопросы (перед собой и другими) и готовность удерживать вопрос, не убегая от него в первый попавшийся ответ, является ключевой компетентностью акторов демократиза-*

ции или теми, кто претендует ими быть.

Примеры на микроуровне

Мишель Фуко писал, что «Работа интеллектуала не в том, чтобы формировать политическую волю других, а в том, чтобы с помощью анализа, который он производит в своих областях, заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способности действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления исходя из этой репроблематизации (где он отправляет свое специфическое ремесло интеллектуала) участвовать в формировании некоторой политической воли (где он выполняет свою роль гражданина)»¹². Рассмотрим несколько примеров подобной репроблематизации по Фуко.

Один из самых знаменитых латиноамериканцев в США, ведущий испаноязычной вещательной сети Univision Хорхе Рамос считает, что мы должны более активно требовать ответственности от представителей власти на всех уровнях. «Все мы имеем право — и мы обязаны бросать вызов тем, кто стоит у руля, и задавать им вопросы». Рамос, имеющий более 1 млн подписчиков в Twitter, мастерски задавал вопросы и Дональду Трампу, и Фиделю Кастро. Рамос — «сторонник конфронтации как способа призвать человека к ответу. Для него это — основа демократии, прозрачности и легитимности»¹³.

Идея об использовании вопросов в политической жизни все больше становится практическим инструментом. Так в 2018 году начались массовые протесты

сты жителей Республики Ингушетия против решения властей о произвольном сокращении границ республики. Гражданские активисты, входившие в протестную группу, сформулировали вопросы, которые нужно было задавать пропагандистам от власти, записывать на видео их ответы и публиковать. То есть никаких споров, четкие вопросы, ответы на которые показывали бы, кто есть кто. Другой пример — во время предвыборной кампании по избранию президента Украины в 2019 году появился флешмоб, в котором граждане не давали наказания, а задавали кандидатам вопросы. В Великобритании давно является обыденной следующая практика: после проведенного мониторинга, например, системы образования готовится список вопросов, которые члены оппозиции должны задать на парламентских слушаниях министру образования. По-видимому, подобные примеры использования вопрошания в политическом процессе будут набирать все большую популярность.

Основатели Института правильных вопросов (The Right Question Institute) Дэн Ротстейн и Луз Сантана в США запустили проект «Микродемократия»¹⁴, который основан на использовании стратегии задавания вопросов на встречах граждан и представителей органов власти. Термин «микродемократия» отражает простое видение: эффективное участие в демократии может начаться, когда люди начинают участвовать в принятии решений, которые влияют на них, в ходе их обычных встреч с представителями государственных или финансируемыми государством учреждений. Эти встречи происходят во многих местах, включая офис социального обеспечения, школы,

программы профессионального обучения, офисы здравоохранения и многие другие места. Когда люди на этих встречах начинают задавать вопросы и эффективно участвовать в принятии решений, они используют фундаментальные демократические навыки, которые актуальны на любом уровне демократии. Представление Института правильных вопросов о микродемократии требует превращения этих встреч в новые возможности для участия и новые отправные точки для демократических действий.

Автор статьи впервые использовал технику вопрошания на интуитивном уровне в 2002—2006 годах, когда необходимо было разработать программу защиты дискриминируемых этнических меньшинств в Краснодарском крае. К сожалению, именно сотрудники милиции были тогда источником массового произвола, а вышестоящие органы власти не только не пресекали, но и поддерживали подобную ситуацию. В этих условиях было принято решение провести подготовку самих людей, которые подвергались постоянным проверкам документов. Были разработаны памятки и проведены тренинги, где первым шагом после требования сотрудника милиции: «Ваши документы!» — человек должен был спросить: «А ваши?» Тем самым человек превращался из объекта проверки в субъекта правовых отношений, требуя от представителя Министерства внутренних дел соблюдать законность: представиться и тем самым избежать анонимности¹⁵. Проведение идентификации сотрудника милиции, с последующей записью его данных, сразу охлаждало пыл и, как правило, дальше все происходило в

рамках закона, ситуация в целом изменилась к лучшему за достаточно короткий срок. В каком-то смысле продолжением данной инициативы стала общероссийская кампания по общественному контролю над полицией «Гражданин и полиция», инициированная председателем Московской Хельсинкской группы Людмилой Алексеевой¹⁶. В ходе этой кампании, которую координировал автор статьи в 2014–2018 годах, гражданские активисты спрашивали у полицейских, по согласованному с МВД России анкетам, о наличии условий, необходимой документации для реализации прав граждан и обеспеченности работы самих сотрудников¹⁷. В этом примере важно, что граждане, на волонтерских началах, задавали профессиональные вопросы, основанные на нормативных документах, и не только выявляли недостатки, но и содействовали их устранению, выстраивали долгосрочные горизонтальные отношения. Любопытно, что причиной многомесячных уличных протестов молодежи против решения администрации Гонконга в 2019 году власти Пекина назвали курсы по критическому мышлению, составной частью которого является постановка честных вопросов к прошлому и настоящему Китая¹⁸.

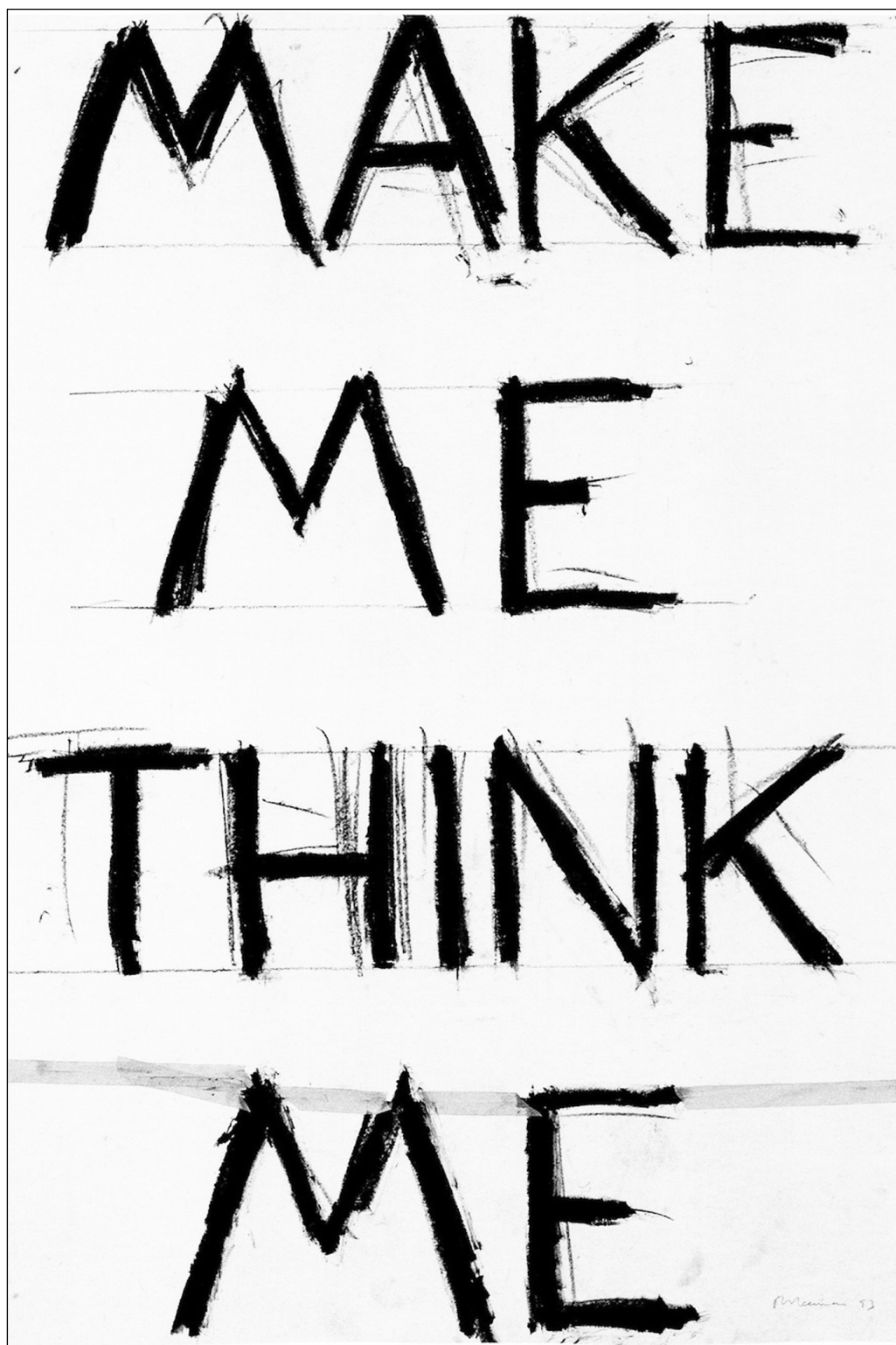
Ситуация с вопрошанием в России

В России трудно отыскать исследования в области практик вопрошания, поэтому редким исключением является работа

социальных практиков, обращающих внимание на эту область. В главе «Вопросы в мониторинге. Роль, технология и искусство» учебно-методического пособия «Методика и практика обучения мониторингу социальных проектов» приводится любопытная соци-

Когда люди начинают задавать вопросы и эффективно участвовать в принятии решений, они используют фундаментальные демократические навыки, которые актуальны на любом уровне демократии

логия вопросов, как задаваемых аудиторией, так и содержащихся в различных анкетах для мониторинга выполнения социальных проектов, выполняемых на государственные средства. Авторы утверждают, что «дефициты гуманитарной культуры в российской действительности многообразны. Помимо перечисленных ранее областей, можно сформулировать и такую часть коммуникативной культуры, как задавание вопросов»¹⁹, и что «пробел в способности задавать нужные вопросы необходимо восполнять, поскольку неумение и, как следствие, нежелание задавать вопросы, при получении ответов на которые возникает понимание и знание, представляются разновидностью невежества»²⁰. Авторы составили некоторую типологию дефектных вопросов: вопросы «прокурорские» — звучит обвинительный уклон, либо репрессивные следствия органично вытекают из ответов на сформулированные вопросы; вопросы риторические — имеют очевидный и банальный ответ, они же плоские и «одномерные»; вопросы необъятные, ответы на которые требуют не

Брюс Науман. Заставь меня думать. 1993

нескольких слов или анкетных строк, а нескольких страниц²¹.

В общем, исходя из собственного опыта, описанная ситуация кажется вполне правдоподобной в целом по России. Заметим при этом, что общей характеристикой вышеприведенных вопросов, как направленных со стороны граждан, так и направленных со стороны проводящих опрос, является доминирование спрашивающей стороны над опрашиваемой.

Какое вопрошание нужно современной либеральной демократизации?

Профессиональный интервьюер и журналист Фрэнк Сесно в своей книге в главе «Честный кандидат» задается следующим вопросом: «Если в недемократических странах вопросы можно задавать, имея полномочия и место в соответствующей социальной иерархии, то как к задаванию вопросов относятся в развитых демократиях?» Он дал такой ответ: «Кандидаты стремятся придерживаться сути своего послания. Они игнорируют вопросы, которые им не нравятся». По словам Ф. Сесно «способность задавать вопросы — это уникальная черта человека. Вопросы — ваш вклад в себя и в будущее. Когда мы спрашиваем, мы открываем наш разум и предлагаем окружающим открыть свой»²². Индира Ганди также утверждала, что «на способности задавать вопросы зиждется весь прогресс человечества»²³. «Вопросы подрывают авторитет и разрушают устоявшиеся структуры, процессы и системы, заставляя людей по меньшей мере задуматься о том, чтобы сделать что-то

иначе»²⁴, — считает автор бестселлера «Красивый вопрос» Уоррен Бергер.

Очень поучительна история основателей The Right Question Institute в США Дэна Ротстейна и Луз Сантаны, которым нужно было разработать программу сокращения отсева учеников в средних школах. Главное препятствие, которое надо было преодолеть, — это привить родителям интерес к образованию детей и привлечь к посещению родительских собраний. Выясняя, почему родители не ходят на собрания, они получили ответ в том духе, что они не знают, какие вопросы там надо задавать. Тогда Ротстейн и Сантана составили вопросы родителям для разных ситуаций (обсуждения решений о финансировании школы, выяснения причин исключения ребенка и т.д.) и раздали их родителям, собирающимся прийти на собрание. Каково же было удивление составителей вопросов, когда они увидели, что родители, задав вопрос, не знали, что делать с полученным ответом и какие вопросы надо задавать дальше. Ротстейн и Сантана поняли, что надо было не давать родителям готовые списки вопросов, а учить их ставить вопросы самостоятельно с учетом своих проблем и интересов. Впоследствии они разработали технику постановки вопросов, которую сейчас успешно используют в обучении. Пример их методики будет приведен дальше.

Какие же выводы можно сделать из этого опыта?

В описанном выше примере можно выделить два типа вопрошания: личностное (когда вопросы формулируются кем-то другим и человек не признает за собой права и возможности искать ответ на свой вопрос, отдает свое право ставить вопросы) и личностное (когда

вопросы формулируются самостоятельно и принимается ответственность за поиск ответов). Как утверждает один из разработчиков методологии вопрошания Вадим Розин доличностное вопрошание основывается на иерархических структурах, где нижестоящий по умолчанию считается менее сведущим и дееспособным, чем вышестоящий²⁵. Зависимость вопрошания от социальных иерархий делает его асимметричным — одни участники взаимодействия имеют социально больше прав (или исключительные права) на задавание вопросов, чем другие. Однако возникает все больше и больше ситуаций, когда деятельности надо учиться по ходу дела, когда нет известного алгоритма работы и ситуации непредсказуемы. Тогда асимметричное вопрошание оказывается громадным тормозом для организации коммуникации и кооперации и на смену ему должно прийти симметричное вопрошание, где участники экзистенциально равноправны по отношению к неизвестному и непонятному. Кроме того, из такой коммуникации с помощью вопрошания нужно устранить страх подтверждения негативных стереотипов в отношении той или иной идентичности²⁶, и это должно быть предварительным условием для организации конструктивного совместного действия. Также индивиду важно осознавать свою позицию и понимать демократические отношения как позиционные²⁷. Таким образом, способ вопрошания, соответствующий современному этапу либеральной демократизации, должен быть личностным (человек должен быть субъектом своих вопросов), симметричным (в коммуникации должны преодолеваются социальные ограниче-

ния на право задать вопрос или самостоятельно искать на него ответ) и позиционным (автор вопроса должен понимать свою область ответственности, возможности и связи с другими участниками).

Одним из индикаторов доличностного вопрошания является уверенность в том, что лидеры, руководители должны знать ответы на все вопросы²⁸. По результатам исследования, сделанного в 2007 году, в Индонезии, Китае, России и Индии больше 70% опрошенных считают, что лидеры должны знать ответы на все вопросы. В США, Финляндии и Дании таковых от 21 до 27%, а в Швеции таких всего 7%²⁹. Можно предположить, что процент людей, склонных к доличностному вопрошанию, примерно обратно пропорционален уровню жизни в стране. Тогда вполне обоснованно утверждать, что уровень граждан, практикующих личностное вопрошание, вполне конвертируется в степень экономического благосостояния. Если это так, то как тогда должно выглядеть современное образование?

Умение работать с вопросами как элемент гражданской образованности

Характеризуя современную ситуацию в сфере обучения, академик РАО Александр Асмолов считает, что «обучение в школе — это снабжение ответами без поставленных учеником вопросов»³⁰. Между тем мир требует совершенно иного поворота. Так, в 2018 году в Высшей школе экономики были представлены результаты итогов масштабного международного проекта, объединяющего исследователей из

ведущих университетов восьми стран в работе над анализом глобальных трансформаций содержания школьного образования с точки зрения универсальных компетентностей и новой грамотности. В частности, в этом исследовании зафиксировано следующее: «Практически все страны во главу угла помещают ученика, подчеркивают его непосредственный образовательный опыт и активную исследовательскую позицию в ходе обучения. Задачей образования становится не только правильное “предложение” содержания образования, но и формирование „активного ученика“, умеющего и любящего узнавать новое, разбираться в неизвестном»³¹. Но, чтобы это стало возможным, необходимо уметь удерживать ориентацию на открытость и иметь способность задавать вопросы³².

Сопоставляя прогрессивное и формальное образование по критерию «Чему нужно учиться», преподаватель педагогического факультета Бирмингемского университета Гэри Томас в описании прогрессивного образования указывает: «Независимое мышление; умение критически мыслить; умение ставить вопросы»³³.

Уоррен Бергер приводит в пример легендарного директора школы в США — 80-летнюю Дебору Мейер, которая в 1970-х годах стала практиковать два конкретных способа мышления: скептицизм и эмпатию. «Я считаю, что необходимо спокойно относиться к возможности того, что вы сами или кто-то другой можете оказаться неправы, — сказала она. — Меня всегда очень волновало соблюдение принципа демократии. Если вы не в состоянии представить, что можете ошибаться, тогда какой смысл в

демократии? И если вы не можете понять, как или почему другие думают иначе, то, как вы сможете терпеть демократию?»³⁴. Вполне логичным выглядят следующие ее вопросы, остающиеся актуальными и сегодня: «Что, если бы наши школы могли развивать у учащихся способность продолжать образование в течение всей жизни и лучше приспособливаться к изменениям, обучая их искусству спрашивания?»; «Каким мог бы стать человеческий потенциал, если бы мы действительно поощряли в детях стремление спрашивать, а не подавляли его?»³⁵.

Покойная ныне судья Верховного суда США Сандра Дэй О’Коннор выступила с инициативой по образованию молодежи в важных вопросах управления страной и гражданства. По ее мнению, американская нация строилась на определяющих вопросах: «Собираемся ли мы быть единой нацией?; «Если да, то какую форму правительства мы должны избрать?» и «Как люди могут принять в этом участие?». Вот что пишет об этом Ф. Сесно: «Наши школы нас предают. Много лет назад, когда ее (С. О’Коннор. — *Прим. авт.*) дети еще не выросли, ее потрясло, насколько мало времени в школах уделяется изучению работы правительства. И с тех пор все стало только хуже. Она чувствовала, что молодежи необходимо учиться тому, что „граждане должны делать и решать“, если она хочет принимать участие в делах окружающего ее мира. На меня ее слова произвели огромное впечатление, особенно когда я задумался о том, как нынешний политический процесс раскалывает общество и парализует активность в нем. Бенджамину Франклину часто приписывают слова: „Первая обязанность любого

гражданина — критиковать власть“. Но если граждане хотят делать это эффективно, они должны знать, что и с кого спрашивать. О’Коннор хочет, чтобы будущие поколения разбирались в определяющих для Америки вопросах:

- Какова роль правительства?;
- Как уравновесить личную свободу с ответственностью перед обществом?;
- Что означает быть ответственным гражданином?»³⁶

В вышеприведенной цитате, с одной стороны, были восстановлены исходные вопросы, а с другой стороны, поставлены новые вопросы исходя из современной ситуации. Этот метод, в общем, и должен быть путеводной звездой либеральной демократизации — в нашей Лаборатории интерактивного образования мы технологизировали его и назвали вопросом восхождением.

В 2016 году Совет Европы принял декларацию об использовании рамочной модели компетенций для демократической культуры³⁷ В данной модели выделяется четыре типа компетенций: ценности, поведенческие установки, практические навыки, а также знания и их критическое осмысление³⁸.

Одной из восьми компетенций «практических навыков» является «Коммуникативность, лингвистические способности, навыки общения на разных языках». С целью определения достижения той или иной компетенции были разработаны дескрипторы (описания) на трех уровнях: начальный, средний и продвинутый. В качестве дескриптора на начальном уровне указано: «Просит выступающего повторить сказанное, если он/она не вполне поняли обращенные к нему/к ней слова», а на среднем уровне — «Задаёт вопросы, высказы-

вающие его/ее понимание позиции другого». Несмотря на то что данная модель компетенций носит рекомендательный характер, с 2018 года Советом Европы дан старт для создания учебных программ и пособий, подготовки учителей и тренеров, которые должны реализовывать эту модель на локальном уровне³⁹.

В этом контексте могут быть востребованы различные методики, и вопрошание должно стать массовой грамотностью европейцев⁴⁰. Одним из ориентиров для реализации этой стратегии является методика Института правильных вопросов, которая используется в рамках Международной недели вопросов:

Учителя создают «точку фокусировки вопросов».

Ученики придумывают вопросы (никакой помощи от учителя; никаких ответов или обсуждений вопросов; каждый вопрос записывается; все утвердительные высказывания преобразуются в вопросы).

Ученики совершенствуют свои вопросы (переводят из открытой формы в закрытую и наоборот).

Ученики отбирают приоритетные вопросы. Обычно им предлагается коллективно выбрать три самых предпочтительных.

Ученики и учителя совместно планируют следующие шаги, чтобы действовать в соответствии с приоритетными вопросами.

Ученики обсуждают, чему они научились.

Процесс специально создан достаточно простым, чтобы учителя могли освоить его за один час, а ученики сразу поняли его суть⁴¹. В 2019 году в Гарварде Ротстейном и Сантаной был открыт

первый онлайн-набор на курс по обучению вопрошанию⁴².

Таким образом, в образовании все и больше и больше расширяется практика использования вопрошания. Кроме того, с использованием форматов интерактивного вопрошания была проведена первая международная конференция и в этом же формате запланирована следующая⁴³, а в 2019–2020 годах интерактивное вопрошание станет составной частью магистерских программ по тьюторству в России⁴⁴.

Заключение

Представляются абсолютно справедливыми и актуальными слова руководителя Сбербанка Германа Грефа о современной ситуации в России: «Требуются совершенно другие принципы людей — принципы коллаборативности, другая культура работает — горизонтальная культура. А в нашей стране горизонтальная культура не работает, ее не воспитывают нигде, у нас очень сильно развита культура доминирования, подчинения. И в новый век с такой культурой не войти»⁴⁵. Но для того, чтобы культивировать и выращивать эту горизонтальную культуру, нужно практиковать интерактивное вопрошание, преодолевающее доминирование и подчинение.

Однако кроме вопрошания как способа коммуникации необходимо еще и особое самоопределение. Основатель Московского методологического кружка Георгий Петрович Щедровицкий⁴⁶ еще в советскую эпоху ввел требование трех самоопределений: в ситуации, в позиции и в системе деятельности⁴⁷. Человеку надо уметь постоянно само-

определяться и пересамопределяться, и вопрошание является для этого ключевым средством. Именно такой разворот в понимании вопрошания может являться ориентиром для современной либеральной демократизации. Перефразируя слова Андрея Платонова, можно спросить: «А что, если люди вдруг увидят, что либеральная демократия состоит из одних вопросов, которые нужно ответственно ставить и решать?»⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В конце XX века было выделено 5 общих стратегий постановки вопросов, 15 стратегий — в профессиональных сферах и 25 техник ведения опросов (см.: Human R. Strategic questioning, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1979). В 80-х годах прошлого века начинается обсуждение вопрошания как отдельной практики. В конце XX века американский ученый Джим Диллон выделил 16 практических сфер, от образования до техники продаж, и 8 теоретических сфер, от социолингвистики до психологии, в которых локализуется вопрошание (см.: Dillon J.T. The practice of questioning. London: Routledge, 1990).

2 Наиболее отчетливо в Новое время мысль о том, что мышление начинается с вопроса, а логика вопросов и ответов должна заменить пропозициональную логику, высказал в 1939 г. Р. Дж. Коллингвуд: «Всегда находились люди, которые понимали, что подлинными „единицами мысли“ являются не предложения, а нечто более сложное, в котором предложение служит ответом на вопрос. Здесь можно было бы сослаться не только на Бэкона и Декарта, но и на Платона и Канта. Когда Платон описывает мышление как „диалог души с самой собой“, он подразумевает (как

- можно судить по его диалогам), что мышление — процесс постановки вопросов и получения на них ответов, причем второму предшествует первое — некий Сократ, заложенный в нашей душе. Когда Кант говорил, что только мудрый человек знает, какие вопросы он может задать, он фактически отвергал пропозициональную логику и требовал ее замены логикой вопроса и ответа» (Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 341–342).
- 3 VUCA — акроним английских слов volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность).
- 4 Катрин Лалюмьер, бывший Генеральный секретарь Совета Европы и бывший вице-президент Европейского парламента, с 2008 по 2019 год возглавляла Ассоциацию школ политических исследований при Совете Европы.
- 5 Inglehart R. How Solid is Mass Support for Democracy — And How Do We Measure It? // PS Political Science and Politics. 2003. Vol. 36. P. 51–57.
- 6 Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015.
- 7 Мир в 2050 году / Под ред. Д. Франлина и Д. Эндрюса. М.: МИФ, ЭКСМО, 2013. С. 168.
- 8 Демократизация / К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 628.
- 9 Там же. С. 170.
- 10 Под либеральной демократией подразумевается правовой строй, в котором воля большинства и способность избранных представителей осуществлять власть ограничены с целью защиты прав меньшинств и свобод каждого гражданина. Либеральная демократия осуществляет равное обеспечение каждому гражданину прав на соблюдение надлежащих правовых процедур и прав человека, а также на частную собственность.
- 11 Ср.: «Человек разумный — это, прежде всего, человек вопрошающий и отвечающий, а потому свободный и ответственный, поскольку прагматическая сущность вопроса и ответа предполагает свободу выбора» (Прытков В.П. Вопрос и ответ // Современный философский словарь (encyclopedia_philosophy.academic.ru/69/ВОПРОС_и_ОТВЕТ)).
- 12 Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 323.
- 13 Сесно Ф. Как узнать все, что нужно, задавая правильные вопросы. М.: Альпина Паблишер, 2018. С. 124.
- 14 Официальный сайт Института правильных вопросов: rightquestion.org/microdemocracy/?fbclid=IwAR3nSm2Xa5cfA2Sky1N_SdScItc69qMII7ykGgp-l8lYwoJzIpV4WXw0-4.
- 15 Основная проблема при взаимодействии с представителями правоохранительных органов состоит в том, что после взаимодействия с ними нет возможности их идентифицировать, а значит, запустить правовые процедуры по привлечению к ответственности за произвол.
- 16 Официальный сайт кампании «Гражданин и полиция»: police.mhg.ru.
- 17 Кампанией было охвачено около 3000 подразделений (отделы полиции, участковые, стационарные посты, МРЭО и т.д.), приняло участие около 500 человек из более 50 субъектов России. Кампания получила позитивную оценку как со стороны МВД, так и со стороны гражданских активистов.
- 18 Пивоваров С. Студенты Гонконга протестуют четвертый месяц. Пекин винит курсы критического мышления // thebabel.net/texts/35119-studenty-gonkongaprotestuyut-chetverty-mesyac-pekiny-vinit-kursy-kriticheskogo-myshleniya-v-shkolah-i-hochet-ih-zapretit-pereskazyvaem-material-nyt.
- 19 Автономов А.С., Маловичко И.С., Хананашвили Н.Л. Методика и практика обучения мониторингу социальных проектов: Учебно-методическое пособие. М.: Нацио-

нальная ассоциация благотворительных организаций, 2018. С. 187.

20 Там же. С. 189.

21 Там же. С. 190–195.

22 Сесно Ф. Указ. соч. С. 276.

23 Трансерфинг реальности // www.transurfing-real.ru/2018/05/5_17.html.

24 Бергер У. Красивый вопрос. Минск: Попурри, 2014. С. 14.

25 «Доличностное (внеличностное) вопрошание имеет следующую простую структуру: «проблемная ситуация» (например, непонимание того, что происходит) — вопрос как обращение за помощью к взрослому — ответ, содержащий разрешение проблемы, выраженной в вопросе... Теперь личностное вопрошание. Главное отличие от доличностного вопрошания здесь в том, что личность, вопрошая, во-первых, сама разрешает свое затруднение (проблемную ситуацию) — на то она и личность, чтобы действовать самостоятельно, — во-вторых, не столько хочет получить ответ в смысле разрешения своей проблемы, сколько использует отвечающего как в плане помощи, так и отклика на свои переживания» (Розин В.М. К построению теории вопрошания // Педагогика и просвещение. 2018. № 2. С. 78–89).

26 Стил К. Как стереотипы заставляют мозг тупеть. М.: АСТ, 2019; Шапиро Д. На эмоциях. М: Альпина Паблицер, 2018.

27 Ср.: «Вопросы могут не только указывать на новые ракурсы и горизонты в рассмотрении темы, но и помогают людям соотнести свои планы и скоординировать действия в рамках совместной деятельности. Постановка таких вопросов требует осознанного занятия позиции. И это должно быть не просто «точка зрения» (позиция в познании), а позиция относительно совместной деятельности, т.е. понимание своей зоны ответственности, своих возможностей и необходимых связей с другими участниками» (Данилова В., Карастелев В. Искусство работы с вопросами — грамотность XXI века // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 2. С. 120).

28 Ср.: «Феодальные отношения, казалось бы, исчезли, но феодальный менталитет оказался живуч и могуч, он оказался сильнее и пара, и электричества, сильнее всеобщей грамотности и всеобщей компьютеризации. Живучесть его, безусловно, имеет причиной то обстоятельство, что корнями своими феодализм уходит в дофеодальные, еще пещерные времена, в ментальность блохастого стада бесхвостых обезьян: все чужаки, живущие в соседнем лесу, — отвратительны и опасны, а вожак наш великолепно жесток, мудр и побеждает врагов. Эта первобытная ментальность, видимо, не скоро покинет род человеческий. И поэтому фашизм — это феодализм сегодня. И завтра» (Стругацкий Б. Фашизм — это очень просто // Дилетант. 2016. 8.04 diletant.media/articles/28584833).

29 Архив автора.

30 Асмолов А. Оптика просвещения: Социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. С. 215.

31 Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования / И.Д. Фрумин, М.С. Добрякова, К.А. Баранников, И.М. Реморенко. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018.

32 Ср.: В герменевтике, согласно Х.-Г. Гадамеру вопрос обладает первенством: «И подобно тому, как диалектическая негативность опыта обретает свою собственную конечность и ограниченность, — точно так же логическая форма вопроса и заложенная в ней негативность обретают завершенность в некоей радикальной негативности: в знании незнания. Именно знаменитая Сократова *docta ignorantia* (ученое неведение) и раскрывает в высочайшей негативности своих апорий высокое достоинство вопрошания» (Гадамер Х.-

- Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. С. 425–426).
- 33 Томас Г. Образование: Очень краткое введение. М.: Высшая школа экономики, 2016. С. 50–51.
- 34 Бергер У. Указ. соч. С. 72.
- 35 Там же. С. 69.
- 36 Сесно Ф. Указ. соч. С. 265–266.
- 37 Securing democracy through education. The development of a Reference Framework of Competences for Democratic Culture. Final declaration of Council of Europe Standing Conference of Ministers of Education // rm.coe.int/declaration-finale-de-la-conference-permanente-du-conseil-de-l-europe-/16806b9405.
- 38 Компетенции для демократической культуры. Жить вместе на равных в демократических обществах в условиях культурного многообразия. Совет Европы, 2017. С. 11 // rm.coe.int/prems-147517-rus-2652-competences-for-democratic-culture-8522-web-16x2/1680782139?fbclid=IwAR3v9s1QLy_e_mOZ1Voots03w2zaxFr64uM8-HtUH5kLi2HE4yBdAIsaSw.
- 39 Одними из акторов данного процесса являются Норвежский центр имени Вергеланда и Ассоциация школ политических исследований Совета Европы, Московская школа гражданского просвещения и др.
- 40 Данилова В.Л., Карастелев В.Е. Искусство работы с вопросами — грамотность XXI века // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 2. С. 113–127; Danilova V., Karastelev V. Ability to Raise Questions as a Modern Skill // Program and Abstract Book. Proceeding of the 61st Meeting of the International Society for the Systems Sciences, 2017. P. 66 (journals.issis.org/index.php/proceedings61st/issue/view/17).
- 41 Официальный сайт Института правильных вопросов: questionweek.com.
- 42 Официальный сайт Гарвардского университета: www.gse.harvard.edu/ppe/program/teaching-students-ask-their-own-questions-best-practices-question-formulation-technique?fbclid=IwAR1vCz_HVo2SabdDS_0JkbtXRqX1Wm-4A14sv6RzNrzuhpvvinCvokb-c.
- 43 См. официальный сайт Международной лаборатории интерактивного вопрошания: www.questioning.pro/2019/04/29/ispolzovanie-tehnik-voproschaniya-v-rabote-nauchno-prakticheskoi-konferencii.
- 44 Официальный сайт Международной лаборатории интерактивного вопрошания // www.questioning.pro/2019/05/14/interaktivnoe-voproskanie-stanet-sostavnoichastyu-magistersskih-programm-po-tyutorstvu/.
- 45 Герман Греф построит новый Сбербанк на принципах Agile // habr.com/ru/post/389179.
- 46 Г.П. Щедровицкий (1929—1994 гг.) — создатель системо-мыследеятельностной методологии.
- 47 «Я исхожу из того, что человек должен знать не только внешний объект или предмет, но и отвечать на вопросы: „Что есть он сам? Каковы его цели? Его ценности? Что он хочет делать и как он будет это делать?“ На мой взгляд, человек складывается прежде всего в меру наличия знания своей собственной человеческой функции и назначения, а уже все остальное, чем он занимается сегодня, завтра и послезавтра — это дела текущие, меняющиеся» (Щедровицкий Г.П. Знание должно быть свободным // www.fondgp.ru/gp/archive/texts/2).
- 48 Ср.: «А что, если... наука увидит в конце концов, что мир состоит из одних вопросов» (Платонов А. Технический роман. М.: Огонек, 1991. С. 9).

Александр Радевич (1964–2019)

Дорогие друзья, с нами нет Саши Радевича. Выпускника Школы, члена Общественной палаты Удмуртии. Это не укладывается в голове. К нему неприменимо слово «был»... Такой живой. Такой чудесный. Такой добрый. Умный. Сочувствующий. Сильный. Смешной. Таким он был всегда — в болезни тоже. Это трудно и почти невозможно осознать. Хотя понимание, что не придется с ним уже воочию обсуждать текущие события и дела, жизненно важные вопросы или такие, знаете, пустяки, ни спорить — ни думать вместе... — оно постепенно приходит и остается. Во время прощания с Сашей все время было ощущение, что он вот-вот подойдет и скажет что-то такое свое — «радевичевское» — о происходящем. Развевает напряженную обстановку и то страшное событие так, как умел только он. Сказать про его уход «не верится» — ничего не сказать... Осознание же этого вот — «когда НИКОГДА» — неотвратимо занимает свое холодное и огромное место. Но и уверенность, что ОН должен быть продолжен... Должен БЫТЬ вместе с нами и дальше в мыслях и в его «радевичевских» шутках-при-

баутках, иронии, серьезности, требовательности и лояльности одновременно — как-то не получается уловить это состояние его совершенно особенного и одновременно разного реагирования на происходящее. Болел Саша долго и тяжело, но мужественно — можно ли вообще так говорить про проживание в болезни!? Очень хотел жить, а потому руководил близкими, ни на минуту не выпуская из-под своего контроля то, что с ним происходило. Наверно, еще предстоит написать более важный текст о Саше Радевиче, который мог бы продолжиться вашими воспоминаниями — каждого из нас о нем. Но сейчас я хочу поблагодарить вас всех от имени и по просьбе жены Саши — примите слова искренней благодарности от Ольги Васильевны Радевич за вашу память и поддержку! Соболезнования, тексты-воспоминания, записанные видео со словами поддержки и сочувствия, цитаты и фотографии, слова восхищения в его адрес и это вот: «Саша?.. — это не может быть...» — необыкновенно важны для его семьи... И для меня. Можно ли благодарить судьбу, что за время его болезни мы стали одной семьей — срослись в горе и поддержке? Жена Ольга, дочери Саши Ксения и Анна, их мужья Егор и Иван, внуки Саши и Оли Радевич Даниил и Вова, спасибо вам! СПАСИБО и вам всем, друзья, — большое-большое! Ольга Радевич благодарит также вас всех за материальную поддержку — и во время болезни, и когда Саши не стало... Спасибо за предложение увековечить память об Александре Радевиче общим делом — каким-то ежегодным событием общественной значимости, нужным его памяти, нужным всем, кто его знал и любил. Наверно, друзья, об этом стоит подумать. Строки воспоминаний, соболезнований, тексты памяти, которые появлялись и появляются в эти дни на страницах Facebook и звучали в момент прощания с ним, в мыслях наших могут объединить нас для свершения добрых дел. Ведь он так хотел этого! Благодарю Судьбу за Встречу и работу с ним! Двадцать семь лет мы осуществляли наши совместные «фантазии» на тему утверждения справедливости и ценности прав человека и прав ребенка. Делали это на совесть — потому что он только так умел!

*Ольга Пишкова,
член общественного совета
при уполномоченном по правам человека Удмуртии.*

Контрапункт

«НЕДОСТОЙНОЕ ПРАВЛЕНИЕ» И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Владимир Гельман. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.

Описанию современной России посвящены тысячи книг и статей, их число растет каждый день. В огромном своем большинстве это публицистика. Часто — яркая и талантливая. Из нее мы черпаем расхожие представления о популярных и острых темах. О путинском «Политбюро 2.0», о «сценариях транзита власти», о «случайном и спонтанном» складывании нового авторитаризма, о соотношении сил между «кремлевскими башнями», о многолетней борьбе «системных либералов» с «силовиками» и проч. Однако роль публицистики, даже самой блестящей, довольно двусмысленна.

С одной стороны, она «схватывает» существенные стороны реальности и дает им захватывающие и запоминающиеся описания и объяснения. С другой — публицистика обычно питается скорее авторской интуицией либо изначально предвзятым или искаженным «инсайдом», журналистскими темпераментом и фантазией, нежели строгим анализом и научным отбором фактов. В результате чем ярче и талантливее бывает публицистика, тем порой дальше она может увести читателя от истины.

Рядом с *публицистикой* (чья общественная роль очень важна) должна твердо стоять *наука*. С ее строгими терминологией и определениями, стройными и глубокими теориями, универсализмом и требовательным отношением к источникам и фактам. Только современная *социальная наука* в состоянии прибли-

*Владимир Рыжков,
политик, профессор
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»*

зить нас к реалистическому и доказуемому пониманию современной России, в отличие от публицистики, в отношении которой мы применяем критерий интуитивного доверия или недоверия. Будет еще лучше, если публицистика начнет опираться на язык и достижения социальных наук.

Хороших научных книг о современной России на порядки меньше, чем хорошей публицистики, — в лучшем случае таких книг сотни (российских и зарубежных авторов, вместе взятых). Важно отметить, что эти книги востребованы, выход в свет каждой из них становится заметным общественным событием, порождает горячие дискуссии. Встречи их авторов с читателями неизменно проходят при полных залах. Общественный запрос на качественную научную литературу о современной России очень высок.

Одним из ведущих российских ученых-политологов является Владимир Гельман, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки. Гельман много пишет, он автор двадцати книг и более 150 научных статей, вышедших в России и за рубежом, его часто и охотно цитируют авторы в России и за рубежом. Новая книга Владимира Гельмана «„Недостойное правление“: политика в современной России» является рубежной для автора, во многом суммируя и подытоживая результаты его многолетних исследований постсоветской России.

Сложившийся в России к концу второго десятилетия XXI века политико-экономический режим определен в книге весьма некомплементарно — как «недостойное правление». Так Владимир Гельман перевел с английского языка понятие *bad governance*, «плохое правление» (в противоположность *good governance*, «хорошему правлению»). Русский вариант термина оказался в итоге много богаче смыслами английского оригинала. Если в оригинале «плохое правление» говорит больше о неэффективности, равнодушии к общественным проблемам, произволе властей и несистемности политики, то российский вариант рассказывает совсем о другом.

В нашем случае произвол, неэффективность и несистемность далеко не главные характеристики режима «недостойного правления». Более того, неэффективность и несистемность — суть лишь побочные эффекты основной природы российского «недостойного правления». Эта природа, в самом общем виде, сводится к а) «кумовскому» капитализму, б) персоналистскому электоральному авторитаризму и в) низкому качеству государства. Кумовской капитализм служит цели беспримерного и бесконтрольного обогащения узких правящих групп. Электоральный авторитаризм создан и поддерживается для того, чтобы сделать это обогащение бессрочным. В идеале — передаваемым по наследству детям и внукам ныне правящих лиц. Низкое качество государства является прямым следствием кумовского капитализма и

электорального авторитаризма, так как оба этих института несовместимы с эффективностью государства и задачами успешного развития. Однако низкое качество государства должно быть при этом не настолько плохим, чтобы не справляться с минимумом государственных обязательств (зарплаты, пенсии, отопление зимой, школьное образование и проч.). Если госуправление окажется чересчур плохим, это подорвет политическую стабильность и тем самым помешает бесконтрольному и бессрочному обогащению правящих групп в рамках кумовского капитализма.

Так возникает парадоксальный политический «тяги-толкай» — заведомо неэффективный по своей природе режим, вынужденный каждый день предпринимать усилия по повышению своей эффективности и общественной полезности. Чтобы не лишиться самой возможности бессрочного и бесконтрольного обогащения, он раз за разом инициирует технократические реформы в стиле корпоративной оптимизации. Эти реформы редко приводят к хорошим результатам, ведь они не могут затрагивать основу «недостойного правления»: интересы правящих групп, кумовской капитализм и электоральный авторитаризм. Но, как мифический Сизиф, этот режим вынужден раз за разом катить в гору камни реформ в целях повышения своей эффективности.

Отличительными чертами российского «недостойного правления» являются извлечение ренты и коррупция, низкое качество государственного регулирования и фундаментальные нарушения принципа верховенства права. Все это вовсе не досадные «дефекты управления». Россия по уровню своего развития должна была бы управляться лучше и более достойно, в общественных интересах. «Недостойное правление» не дефект, а суть, основа управления страной. Только таким способом правящие группы могут удерживать свое господство и обогащаться. Недостойное правление — это и есть функциональный механизм управления страной.

Как так вышло, что спустя тридцать лет после падения тиранической коммунистической власти Россия пришла к режиму «недостойного правления»? Гельман отвергает объяснения в духе «исторической колеи», культурной предопределенности и проч. Он убежден, что формирование режима «недостойного правления» стало результатом *рациональной стратегии правящих групп*, начиная с 1990-х годов, по максимизации власти и господства в политике, богатства и ренты в экономике и сохранению такого господства как можно дольше.

Правовая и демократическая модель развития была отброшена правящими группами почти сразу, уже в первой половине 1990-х годов. Предпочтение было отдано рыночным реформам «сверху», при ограничении демократических институтов и свобод, то есть «авторитарной модернизации». Среди наших реформаторов-экономистов был

популярен в ту пору авторитарно-рыночный опыт Чили времен А. Пиночета. Однако в скором времени выяснилось, что рыночные реформы в корне противоречат корыстным интересам правящих групп. Кумовскому капитализму не нужна свободная рыночная конкуренция, а электоральному авторитаризму — режим правового государства. В результате реформы были свернуты, а авторитаризм в форме «недостойного правления» остался и продолжает укрепляться.

Режим «недостойного правления» оскорбителен для России с ее высокой культурой и неплохим уровнем развития. Он ужасен, аморален и неэффективен. Масса народа прозябает в застойной бедности, средний класс не растет, нет экономического развития. При этом режим «недостойного правления» оказался на удивление прочным и может держаться еще неопределенно долго. Как и почему такое возможно?

Гельман объясняет этот парадокс тем, что со временем в России установилось устойчивое «негативное равновесие» в управлении государством и в самом обществе. «Недостойное правление» укоренилось как на уровне политического руководства, так и в повседневной жизни миллионов россиян. Все как-то привыкли и как-то приспособились. Жизнь, конечно, «ужас, но не ужас-ужас». Стабильность россиянам кажется важнее, чем непонятные и рискованные перемены. «Поскольку любой порядок лучше любого хаоса, любой порядок и устанавливается» (А. Пшеворский).

Многих наблюдателей ставит в тупик и вопрос, как может сочетаться режим «недостойного правления» с одновременным сохранением всех основных институтов классической либеральной демократии (Конституция, парламент, формально независимые суды, многопартийность, конкурентные выборы, федерализм, местное самоуправление, членство в Совете Европы и т.п.)? В. Гельман дает убедительное объяснение этого очевидного парадокса.

Для этого он вводит и развивает понятие *неформального институционального «ядра»* режима недостойного правления, то есть «фактически действующей конституции» (при одновременном существовании формальной, но недействующей Конституции). Правящее «ядро» правит в соответствии со своими «понятиями». При этом вокруг него сохраняется оболочка формальных демократических и правовых институтов. Таких как конституция, суды или выборы. Это не только «дымовая завеса» для общества или заграницы, но и удобный инструмент авторитарного разделения властей», дополнительный элемент укрепления стабильности и легитимности режима. Формальные либерально-демократические институты не только не вредны, но даже полезны «ядру» «недостойного правления» при их умелом использовании. «Формальные институты, задающие рамки осуществления власти и управления, представляют собой побочный продукт распределения ресурсов внутри „вертикали власти“: они имеют значение как „правила игры“ лишь

в той мере, в какой способствуют (или как минимум не препятствуют) извлечению ренты».

Неформальное «ядро» «недостойного правления» прячется за красивым фасадом конституционных институтов либеральной демократии, втайне подрывая их изнутри. Вся политическая история России последних двадцати лет (может, и больше) — суть история подрыва смысла и полномочий конституционных институтов либеральной демократии Конституции 1993 года. Поправки в Конституцию, внезапно предложенные В. Путиным в начале 2020 года, из этого же «подрывного» ряда.

Если цель «недостойного правления» заключается в бессрочном и бесконтрольном извлечении ренты правящими группами, то коррупция — не дефект, не девиация системы управления, которые могут быть исправлены «борьбой с коррупцией». Наоборот — коррупция является основным механизмом достижения цели присвоения ренты, то есть основной нормой «недостойного правления».

Для того чтобы многие годы извлекать и присваивать ренту, правящие группы нуждаются если не в общественной поддержке, то хотя бы в общественном спокойствии. Для этого им необходимо как-то развивать экономику и социальную сферу, не подрывая при этом, разумеется, свои «кормовые угодья» (резервуары, откуда откачивается рента — нефть, газ, бюджет и др.). Это означает запрет на системные политические и экономические реформы и одновременно императив «узкой» программы социально-экономической модернизации. Необходимость проведения «узких реформ» объясняет нынешнюю любовь Кремля к чиновникам-технократам на всех уровнях управления (к тому же их достоинством является отсутствие политических амбиций), к проведению селекционных конкурсов «Лидеры России» и проч.

Важно подчеркнуть, что в условиях «недостойного правления» любые реформы по определению исходят из неприкосновенности неформального «ядра» режима, воздействуя лишь на оболочку формальных институтов. Поэтому многие проекты реформ гибнут уже на этапе их предварительного обсуждения. В качестве примеров таких невозможных в принципе реформ можно назвать демонополизацию экономики, прозрачность и подотчетность госкорпораций, сокращение перечня недоступных для иностранных инвесторов «стратегических отраслей экономики», сокращение госсектора экономики и многие другие.

«Недостойное правление» стало результатом реализации рациональной стратегии правящих групп при отсутствии сопротивления со стороны слабого постсоветского общества и пассивного Запада. Режим «недостойного правления» в полной мере завладел Россией, как и многими другими посткоммунистическими странами. Установилось «негативное равновесие», когда никто в элитах и обществе не готов

всерьез бороться за изменение правил игры. Откуда же могут прийти в таком случае позитивные изменения?

Они точно не воспоследуют узким технократическим реформам, цель которых — лечение симптомов, а не болезни, лишь поддержание статус-кво. Возможно, системные изменения станут результатом растущего давления со стороны международной конкуренции, которую все больше проигрывает Россия. Не исключено также, что монополизация извлечения ренты и несменяемость групп-бенефициаров породят растущее сопротивление как со стороны части обиженных элит, так и общества, которому надоест нищее и бесправное статус-кво, отсутствие перспектив развития и роста. Наконец, решающую роль может сыграть политическая и гражданская активизация общества, которое вступит (или не вступит) на трудную и долгую дорогу борьбы за свои права, за сменяемость и подотчетность власти, за верховенство права. Ответы на эти вопросы нам не известны, финал любой реальной истории всегда открыт. Однако прекрасная книга Владимира Гельмана, вобравшая в себя достижения современных социальных наук, значительно облегчает нам как поиск ответов на эти вопросы, так и задачу проектирования лучшего будущего для России. Больного куда проще вылечить и поставить на ноги, если кому-то удастся поставить точный и доказанный диагноз. «Недостойное правление» — диагноз современной России. Эту тяжелую болезнь и предстоит лечить формирующемуся российскому гражданскому обществу.

ОБОСНОВАНИЕ СВОБОДЫ ОТ ФРИДРИХА ФОН ХАЙЕКА

Фридрих Август фон Хайек. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. 528 с.

Классические книги становятся таковыми, лишь пройдя проверку временем. Если книгу продолжают читать, цитировать и обсуждать спустя десятилетия, столетия или даже тысячелетия после ее выхода в свет (примеры — книги Гомера, Платона и Аристотеля) — она является классической. Основные характеристики классических книг — высочайшее качество текста, глубина анализа, новаторство, значимость сделанных авторами открытий и прозрений.

Советская практика партийно-государственной монополии на истину (марксизм-ленинизм) почти на весь XX век закрыла для граждан СССР доступ к значительному массиву классической научной (и не только научной) литературы. Особенно — в области социальных наук. Основная часть достижений зарубежных общественных наук XX века (социологии, истории, экономики, лингвистики и т.д.) была недоступна

для советских людей (как «буржуазная» и «антинаучная»). Определенные зарубежные авторы были особенно ненавистны советской власти, в первую очередь те из них, кто открыто и жестко обличал коммунистическую идеологию, систему и практику. В первых рядах запрещенных в СССР авторов состоял и австрийско-британо-американский либеральный экономист и философ, нобелевский лауреат по экономике Фридрих Август фон Хайек. Его книги стали переводиться на русский язык и издаваться лишь на самом излете истории СССР и после — в новой России.

Теперь в России переведены и изданы почти все основные книги Хайека, а его главный литературный «хит» — книга «Дорога к рабству» 1944 года — выдержал уже четыре издания и продолжает хорошо продаваться. Тем удивительнее, что главная и итоговая книга Хайека «Конституция свободы» впервые опубликована на русском языке только в конце 2018 года, спустя шестьдесят лет после выхода в свет. Возможно, причина такой задержки заключалась в огромном объеме и сложности текста книги. Большой фолиант, более чем в пять сотен страниц, свыше 2000 использованных Хайеком наименований источников и литературы, сложный философский язык резко отличают «Конституцию свободы» от куда более краткой, простой и популярной «Дороги к рабству». Тем важнее факт долгожданной публикации «Конституции свободы» в России. Книга эта *классическая*, очень важная для понимания современного общества, человека, экономики и мира. Она должна занять важное место в российских дискуссиях о будущем страны, об основаниях новой российской государственности.

«Конституция свободы» впервые вышла в Чикаго в 1960 году и с той поры входит в число самых влиятельных в мире книг в области социальных наук. В отличие от «Дороги к рабству», предметом которой была острая и пронизательная критика оснований плановой, в том числе советской (но не только), системы, целью Хайека в «Конституции свободы» стало *открытие общественного идеала свободного общества*, путей его создания и описание последствий реализации этого идеала. Речь шла о новом переоткрытии основ западной либеральной цивилизации. Для Хайека важны не столько учреждения или направления политики флагманов либеральной системы — Великобритании и США, сколько *основные принципы либерального общества*, «которые были разработаны этими странами из основ, заложенных древними греками, итальянцами периода раннего Возрождения, голландцами, и важный вклад в развитие которых внесли французы и немцы». Цель Хайека — определить и обосновать критерии, по которым можно решить — соответствует та или иная политика или мера режиму свободы или нет.

Три части огромного трактата последовательно раскрывают исследовательскую программу Хайека. В первой части Хайек показывает, что именно свободное общество и индивидуальная свобода являются

исходными предпосылками для прогресса, развития, процветания, инноваций, могущества народов, а не наоборот. Вторая часть книги посвящена анализу институтов, «которые западный человек выработал для того, чтобы обеспечить себе личную свободу». В том числе анализу того, что такое есть закон. В третьей части общие философские принципы и открытия первых двух частей применяются к ряду современных экономических и социальных проблем.

Хайковское определение свободы следует за определением Аристотеля: «свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого» («Метафизика»). Свободен тот человек, кто сам принимает решения по поводу своей жизни, а не выполняет указания или приказы другого человека (тот, кто сам служит целью своей жизни, а не средством для другого или других). Тот, кто свободен от принуждения. Вся западная система права и институтов была создана для защиты этой и такой свободы. Общество, состоящее из свободных людей, есть свободное общество.

Свободное общество лучше обеспечивает не только безопасность каждого, но и благополучие каждого. Оно богаче, лучше развивается и шире открыто для инноваций (технологических, социальных и политических), чем общество несвободное. Свобода сделала процветающие страны богатыми и сильными, а не богатство и сила — свободными. В наше время на огромном фактическом материале это же доказал другой нобелевский лауреат по экономике Амартия Сен (в книге «Развитие как свобода» и других работах). Каков же главный аргумент в пользу свободного общества?

Если свое понимание свободы Хайек выводит из аристотелевского (свободен тот, кто сам распоряжается своей судьбой, кто свободен от принуждения со стороны другого человека), то *решающее преимущество свободного общества и порядка основано на аксиоме Сократа о человеческом невежестве*. Современная цивилизация не стала реализованным проектом человеческого разума. Она есть результат многовековых спонтанных действий миллионов неизвестных нам людей, создававших лучшие практики, ставшие со временем традицией и институтами. Вера в способность правителей все знать, все понимать и все учитывать, самонадеянна и пагубна для общества. Отказ от свободы, передача всей власти одному человеку или узкой группе лиц означает передачу власти в руки невежества, «институционализацию неведения». Несвободное общество блокирует или затрудняет спонтанные инновации, поиск лучших практик и потому неизбежно проигрывает в развитии (любом — технологическом, экономическом, культурном, социальном) обществу свободному. Именно поэтому защита свободы есть не только морально безупречная защита человеческого достоинства и независимости, но одновременно защита возможности поиска каждым лучших практик и распространения их среди других, то есть

защита самой возможности развития. «Следует признать, что прогресс и даже простое сохранение цивилизации зависит от максимума возможностей для случайных событий». Свободное общество обеспечивает эти условия, несвободное уничтожает их, тем самым предопределяя итоговый выигрыш свободного общества в соревновании двух общественных систем.

Чтобы каждый имел возможность свободно жить и действовать по своему усмотрению, необходимо, чтобы у каждого была своя неприкосновенная и гарантированная частная сфера жизни, в которую не может вторгаться государство или другие люди. Свободное либеральное государство — такое государство, в котором возможности государственного произвола и принуждения существенно ограничены. Институтом, защищающим частную сферу свободы и ограничивающим власть государства, является *право*. Право — центральный институт защиты свободы и главный предмет книги Хайека. Так наука о праве становится «наукой о свободе».

Хайек ясно различает понятия закона и «закона». Подлинный закон является равным и общим для всех, следует универсальным принципам ограничения власти государства и защиты частной свободы. «Закон» же, называемый так только потому, что принят законодательным органом, но попирающий при этом основные принципы свободного общества, — суть «главный инструмент притеснения». Защита человека и общества от произвола и принуждения со стороны государства — «существенное условие индивидуальной свободы, и ее обеспечение есть главная функция закона».

Но как обеспечить *на практике* свободу от принуждения, неприкосновенную частную сферу и равный для всех закон? Как надежно ограничить власть государства и защитить свободу? Для исполнения этого в XVII веке в Англии был открыт принцип разделения властей, а позже — идея Конституции как высшего правового документа, гарантирующего ограничение власти государства и тем самым защиту свободы. В результате развития этого принципа уже в 1701 году Актом о престолонаследии была окончательно подтверждена независимость английских судей — одна из важнейших гарантий универсальности закона и защиты свободы. В XVIII веке Дэвид Юм писал, что подлинное значение истории Англии состоит в развитии «от правления произвола к правлению закона».

Главный инструмент защиты свободы — надежное разделение законодательной и судебной власти. Принимать законы должны одни люди (законодатели), а принимать решения об их применении другие (судьи). Те, кто принимает законы, не должны знать, кого они могут затронуть, и потому будут стремиться к изданию возможно более справедливых и равных для всех законов. Если же законодатели и судьи

Фридрих
Август
фон Хайек
Конституция
свободы

будут действовать заодно, защитить человека от произвола и принуждения будет невозможно. История показала: без независимого суда конституционализм и гарантированная свобода неосуществимы. Только независимые суды могут быть барьером на пути узурпации власти как исполнительной, так и законодательной властью.

Начиная с XVIII века эстафета развития институтов защиты свободы перешла к бывшим британским колонистам в Америке. Их вклад заключается в глубокой и всесторонней разработке принципов конституционализма. Включая принцип ограничения самого законодателя соблюдением высших принципов права, защищающего свободу. Американцы определили, что сущность любого свободного правления состоит в «фиксированной конституции» и что такая конституция означает ограниченное правление. Конституция воспринималась американцами как защита народа от всякого произвола со стороны и законодателей, и всех других ветвей власти.

Конституция является сводом самых общих и незыблемых принципов и правил, определяющих рамки власти государства и защищающих свободу. Конституция ставит в ограничивающие рамки все ветви власти, включая законодательную. Главный институт по защите конституционных принципов — независимые суды. Это означает также, что конституция не может меняться по желанию или инициативе исполнительной или законодательной власти — они не имеют на это права. Конституция определяет высшие принципы права, и никакой текущий политик и законодатель не вправе покушаться на них. Конституции имеют долгосрочный или бессрочный характер, в отличие от полномочий партий и правительств, находящихся у власти. Свобода требует защиты и неприкосновенности высших конституционных принципов. Произвольные изменения конституции действующими властями в корне противоречат принципам свободного общества.

Так правовой конституционный режим свободного общества принципиально противостоит описанному Владимиром Гельманом режиму «недостойного правления». В последнем законы являются инструментом произвола и принуждения, законодатели и суды составляют одну властную корпорацию, высшие конституционные принципы права попираются неконституционными законами и решениями властей, а государство подчинено служению частным и групповым интересам, а не общественному благу. Развитие при этом идет из рук вон плохо, что подтверждает открытие Хайека о врожденных преимуществах свободного и спонтанного общественного порядка. Если россияне хотят более безопасной и благополучной жизни, им будет крайне полезно усвоить и постараться воплотить в жизнь основные принципы «конституции свободы», столь глубоко и доказательно осмысленные Фридрихом Хайеком.

Вместо репортажа

Хотела сделать репортаж о прошедшем в конце ноября 2019 года берлинском форуме «В поисках утраченного универсализма». Однако в итоге описание свелось к потоку мыслей, цитат и высказываний. При этом возникло непреодолимое желание исключить из этого описания и свое авторство. Не только потому, что смыслы никому не принадлежат, но и потому, что мнения самоценны и не хочется прибавлять им лишнего веса или отнимать его. И добавлю: в этом году на форуме, благодаря интернету, побывали граждане из 34 стран мира, и, как хотела одна из авторов программы форума, Инна Березкина, — удалось посмотреть на человека через призму политики, медиа, экономики, общества, глобального и международного мира, с точки зрения правительства и неправительственных организаций, жителей Запада и Севера, Юга и Востока.

Итак. Поток:

Человек — это усилие быть человеком, труд души и свобода.

Сказать, что победили или победят авторитарные режимы так же неверно, как верить в абсолютную победу демократии, по Фукуяме.

После избыточного оптимизма мы склонны к избыточному пессимизму.

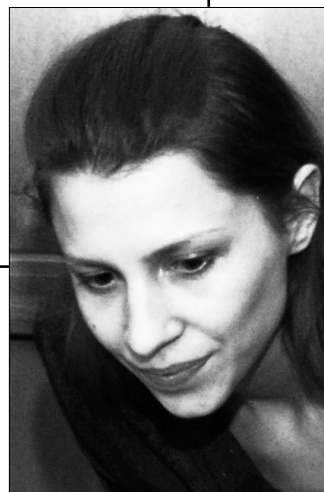
Хорошо, если мир будет многосторонен, а не многополярен.

Вы имеете право на собственное мнение, но не на собственные факты.

Мы думали, что наше будущее — Европа, но оказалось, будущее Европы — это мы.

Восточная, Западная Европа, Америка, Африка, Азия — географически верно, но, может быть, эти границы в языке лишние?

Россия — это трагедия дерзости. Но Россия — сосед. Поэтому отношение Европы всегда будет отличаться от отношения США: взаимодействовать, а не отгораживаться.

*Светлана Шмелева,
ведущая программы
Школы гражданского
просвещения*

Запастись терпением, но не цинизмом и пессимизмом.

Нет оптимизма и пессимизма, есть скептицизм ума и оптимизм воли.

Мы радовались, что можно создать организации сильнее государства, но оказалось, можно создать и Russia Today.

Прогресс рождает оружие.

Сегодня вне зависимости от статуса слышно всех одинаково громко. Это вызов, но и возможность.

Контрпропаганда означает победу пропаганды.

Наибольшая выгода и вера в международные организации — у малых стран. Значит, они и есть двигатели, как Ватикан.

Сегодняшние лидеры не представляют своих граждан.

Климат стал хуже, и не только для журналистов.

Протесты по всему миру говорят: гражданам вовлекаются.

Безопасность может быть только общим проектом.

Не забывать об автономности личности.

Говорят: нужен новый порядок, но само по себе то, что порядок был нарушен, не говорит о том, что нужны новые правила.

Самое плохое, что может с нами произойти, — это фатализм.

Бояться надо прежде всего самого страха.

Я бы за десять минут доказала, что все авторитаризмы и популизмы созданы лишь для коррупции и обогащения — чтобы тебе за это ничего не было, но у нас другая тема...

Для международных организаций статус-кво выгоден.

Мы говорим о кризисе международных организаций, значит, надо спросить:

зачем туда приходят на работу? Прежде, в послевоенное время, шли ради ценностей, а теперь идут ради хорошей дипломатической пенсии. Волонтер хочет спасти мир, но вместо этого ему говорят: пиши отчет донору. Отчет важнее, а ценности вынесены за скобки.

Нам, в Церкви, говорят: миссионер, не ходи по деревням, занимайся сайтом, там — «охват» и отчитываться проще. Да — горизонтальным связям без президента и офиса. А как только появилась визитка — дело плохо.

Надо ли со всеми находить общий язык?

Нужно переступать через разности ради ценностной общности.

Мы строим? Ремонтируем? Или ломаем? Кто устанавливает правила? И кто их соблюдает?

Почему эти вопросы не выносятся, к примеру, в ООН? Потому что странам не выгодно? Или ООН настолько бюрократизирована?

Без личности — ничто невозможно, без институтов — ничего не сохраняется.

Почему никто не обращает внимания на то, что Россия в 2020 году завершит военную реформу и будет на пике своей мощи.

Сегодняшний фокус на Гонконге. Китайская стабильность, как и стабильность СССР, — это миф.

Доверие восстанавливается только в «полевой работе».

Конфликт России и Украины — это конфликт Запада и Востока?

Представления о том, что такое хорошо и плохо — универсальны, поскольку они есть в каждой культуре, как музыка. Но они разные и меняются.

Нам надо переизобрести универсализм. Сохранить фундамент, но вынести хлам. Я приехала, чтобы написать про празд-

нования, посвященные Тильзитскому миру, но они были запрещены, поскольку сегодня Тильзит — это город Советск. Места, географически близкие, разделены стенами. И эти стены уже есть даже в интернете.

Правда — одна, но у нее есть несколько сторон, и ты, возможно, видишь одну из них или, если повезет, хотя бы направление.

Говорят, что и чиновник — гражданский активист. Пример тому — президент Эстонии, пришедшая на присягу новых министров с надписью «Слово свободно». А что, если все будут так ходить?

Нельзя считать, что доверие есть априори. Надо его восстанавливать — и именно журналистам.

Надо быть ближе к людям, ведь ни одно предсказание журналистов/политологов/социологов/экономистов не сбывалось.

Что делать, если качественная журналистика «не продается»? Журналисты вынуждены «кормить» популярность.

Мы говорим: западные СМИ, но во всех странах они разные.

Любые изменения будут подрывать существующее положение дел.

Я не беспокоюсь за традиционные СМИ.

Если ты съел восемь порций мороженого, вернешься и к здоровой еде.

Несвободное общество не означает, что не может быть свободных людей.

Слишком пристрастно — значит, слишком поверхностно.

Граждане сегодня в лучшей форме, чем когда-либо. Появилось гражданское образование, есть опыт и практики, о которых мы знаем.

Интервенция.

Культивировать достоинство, уважать каждого: и читателя, и интервьюера, и интервьюируемого.

СМИ пытаются избрать президента, но беспокоит не это, а то, что это основано на фейках.

После Крыма мы поехали в русскоязычные регионы спросить, но и нас спрашивали люди: «Что вы хотите сказать? Да, я живу в русскоязычном мире. Но я им не верю. Как и, между прочим, вам». Читать газеты — не значит верить. Люди сами проверяют факты, звонят родственникам, спрашивают — так что нужно им доверять.

В Украине внесен законопроект о манипуляции общественным мнением. Незрелое общество = незрелое государство.

Новостные потоки ангажированы трубопроводами: Facebook, Google и т.д. И ближайшее требование: это прозрачность алгоритмов.

Человек становится более нарциссичным.

Меньше обращать внимания на вывески.

Представим по типу названий российских партий — Справедливую, Единую Германию. Звучит странновато.

Почему слово «патриот» стало «своим», а «либерал» остается «чужим», хотя то и другое из латыни.

Для универсализма нужно чувство глобальной ответственности.

Христианин — не столько служба или подаяние нищему, сколько отстаивание христианских ценностей ежесекундно в бытовой жизни.

Культура нацизма — это культура презрения, ненависти и недопущения любого компромисса.

В поиске идентичности надо быть осторожным, потому что можно найти Гитлера и кривое зеркало.

Убеждение: моя страна превыше всего — распространяется.

Распространение страха — тоже опасно.

82% доходов мира пошли на благо 1% населения. Пять лет назад 86 человек владели большим, чем половина населения мира. Сегодня это 26 человек.

От хищнической к социальной рыночной экономике.

Третья мировая фрагментированная война. Война по кусочкам.

Демократия означает преодоление неравенства, маргинальности и исключения, вычеркивания.

Сотрудничество разных религий для мира.

Экстрактивные и инклюзивные институты.

Можно ли считать, что свободные общества богаче — при темпах роста Китая и Европы?

Дурная экономика ведет к дурной политике.

Уроки истории в том, что прекращение торговли между странами имеет тяжелейшие последствия.

Мир ведет себя так же, как перед погружением в Великую депрессию: торговые войны, стены, конфликты.

Когда мы говорим о неравенстве, мы должны помнить, что это не только про собственность, деньги, но и возможности образования, передвижения, длины и качества жизни.

Харари поставил вопрос: почему мы, люди, вытеснили все остальное? И ответил: потому что имеем предрасположенность к мифам и воображению.

Что если Восток и Запад поменялись местами?

Треугольник: Коррупция — Неверие — Неравенство.

Лиссабонский договор.

Ожидания имеют важное значение.

ЕС — по-прежнему самая активная торговая единица со всеми странами. Мы должны отказываться от материковых воззрений.

Разные люди — повод для коммуникации, а не ссор.

Воевали не за победу, а за мир.

Казалось, я генерирую идеи, но оказалось: полмира — умнее.

* * *

Возвращение домой после форума тоже запомнилось: самолет в Москву задержали, поскольку в аэропорту Берлина нашли неразорвавшийся снаряд Второй мировой войны.

Но закончить хочу не этим, а сюжетом о падении Берлинской стены, поскольку оказавшись внутри постпразднования тридцатилетия — форум прошел под этим знаком, была участницей разговоров о разных стенах. Интересно, как эволюционировали разговоры об этом событии. Прежде говорили, что падение стены разрушило ГДР, а чуть позже и СССР. Но сегодня люди думают, что, возможно, это разрушило и Запад.

Не поверите, встретила на форуме очевидца падения Берлинской стены. До сих пор кажется невероятной история, когда в ноябре 1989 года на международной конференции чиновника, вернее, члена СЕПГ Гюнтера Шабовски спросили, когда решение о свободе передвижения вступит в силу, он сказал: «Насколько мне известно — немедленно». И люди стали «рушить» стену, и никто не решился их останавливать. Хотя официального решения, как оказалось, не было. Возможно, Шабовски потом жалел о сказанном. И тем не менее. Роль любого человека в истории неоспорима.

Мамонотеизм. От гуманизма к трансгуманизму

Приимерно двадцать лет назад, будучи аспирантом кафедры социальной философии СПбГУ, я задумал большую работу про эволюцию европейского мифа, сублимирующего страх смерти.

Идея была — проследить, как из средневекового христианства, рушимого Ренессансом, вырастает новый миф, уже оснащенный новейшими инструментами познания эпохи Просвещения, одновременно убеждающими человека в его смертности и открывающими новые стратегии ее преодоления.

Итак, уже в начале Ренессанса общеевропейский христианский миф начинает сдавать свои позиции. Если в позднее Средневековье такие очаги больше напоминали язвы на теле христианства, проступающие на южных рубежах Франции катарскими ересями, выжигаемые огнем папских легатов, — «убивайте всех, Господь узнает своих»; то с XV века догматический аристотелевско-христианский инструмент начинает уже системно сбоить, разваливаясь у самых своих истоков в Италии, на родине автора схоластической модели Фомы Аквинского. Новые знания европейская цивилизация еще не начала производить, но она обнаруживает знания старые, с первыми гуманистами хлынувшие на интеллектуальный рынок с Востока. Сначала, конечно, речь идет о совершенствовании самого христианства. Переведенный Марсилио Фичино Герметический кодекс помещается рядом с Ветхим Заветом, не претендуя на место Евангелий. Но при этом Гермес Трисмегист занимает почетное место на полу кафедрального собора Сиены. Тут надо заметить, что сам Фичино был уверен, что Гермес Трисмегист — ровесник Моисея, тогда как его образ был создан в гностический период христианства, примерно в III веке — тогда же, когда шла конкурентная

*Константин Рубахин,
поэт, фотограф*

борьба между потенциальными римскими универсальными мифами для новой империи. Тут были и Митра, и Христос, и египетский пантеон, и коптские варианты соединения двух последних систем. Вспомним, что одна из потенциально достоверных легенд о происхождении названия Парижа связана с Исидой, храм которой был на месте сегодняшнего Сен-Жермен-де-Пре (Par Isis — парисии — Париж). В итоге победил обрезанный Никейским собором (325 год н.э.) свод апокрифов, сильно сужающий христианский миф, прежде всего, разумеется, из-за идеи управляемости народом империи. Последовали зачистка от остальных мифов и вычищение христианства, иногда с его ранними сторонниками. Пожар Александрийской библиотеки в IV веке — лучшая иллюстрация этому процессу. Позднее, уже в XIX—XX веках, переписанные палимпсесты и археологические находки откроют ряд неизвестных прежде евангелий, вколачивающих последние гвозди в гроб христианского религиозного мифа.

Но начнем с первых симптомов его недомогания.

С XIV века в Европу начинают привозиться с Востока тексты, вот уже тысячу лет как забытые. Античные греческие и римские авторы быстро отвоевывают интеллектуальное пространство, занятое христианской схоластикой, базирующейся на Аристотеле. Иудейские, арабские источники также напоминают о развитой философии и науке в античном мире, воссоздаются математические и астрономические теории, вспоминаются знания по химии и физике, которые до начала XVIII века еще не являются ни химией, ни физикой.

Есть представление, что математика получает новый импульс от воссоздания идей Пифагора, философия обновляется возвращением Платона, ставшего важным инструментом гуманистов против софистов с их Аристотелем. Гелиоцентрическая модель также путешествует из Античности через Восток и снова появляется в Италии, где ее уже начинают доказывать при помощи наблюдений и вычислений. Напомним, Коперник учился в Болонском и Падуанском университетах.

Таким образом, Ренессанс подрывает саму основу христианства, начав войну с папской церковью за власть над телами и умами: отбирает Константинов дар, право читать, заново переводить с языков оригинала, а затем и трактовать Библию. Это пламя вскоре охватит и Северную Европу, зажжет огонь Реформации и сохранится стойким очагом в англиканской Британии, откуда в XVII веке и начнется институционализация новой науки. Именно в XVII веке Европа обращается от старого знания к новому опыту, получаемому с помощью развивающегося экспериментального инструментария. И с этого момента ответственность за бессмертие души перекладывается с «древних», «тайных» знаний на вполне явную и явленную научную деятельность. Не боги теперь не только обжигают горшки, но и спасают души.

Это краткая предыстория глобальной смены мифологической системы в Европе, проявившейся уже в начале XVIII века.

Итак, чем же заменяется христианство, сдающее свои позиции науке? Наука постоянно ищет эту замену, и новый миф развивается вместе с ней. На начальном этапе все еще происходит на уровне теологических концепций. Вспомним дневник Ньютона, процентов на 90 состоящий из алхимии, мистики и теологии. Затем внимание обращается от уже изрядно невротизированного экзистенциальным страхом личного к общественному. Христианская соборность перерастает в конкретную деятельность — построение социального тела.

Работа, которую я задумал в 1999 году, называлась «Медиа­социогене­зис», и большая ее часть посвящалась анализу развития систем информации в этом растущем социальном организме. Центральным образом работы был вольвокс — первый шаг отдельных клеток к построению многоклеточного организма. Пока это колония клеток с разделением труда, внутри которой — здесь речь уже о человеческой цивилизации — сначала прокладывается однонаправленная система информирования, командного типа. Так Мануэль Кастельс определяет телевидение — СМИ с индустриальным, иерархическим типом организации и «вещания». Затем сигнал начинает проходить в обе стороны, рождая сетевую структуру нервной системы нового единого социального организма.

Но сначала это социальное тело складывается физически. Революции и религиозные войны, начавшиеся в Европе с XVII века, — это и есть процесс отмирания старых институтов власти, базирующихся на единоначалии, поддерживаемом религией. Образуется новый социальный организм, состоящий из начинающих осознавать себя его частью разумных клеток.

Миф бессмертия в такой системе базируется на бесконечном социальном развитии: своей семьи — в качестве биологического бессмертия, своей нации и культуры — в качестве бессмертия духовного. Отсюда вырастают утопические доктрины, реализуемые со временем в тоталитарные государственные системы.

Как сама идея социального бессмертия, так и ее реализация, конечно, не лишат навсегда конкретного человека страха смерти. «Страх смерти явно глубже идеологии», — говорит Эрнест Беккер в «Отрицании смерти». В моменты социальной самореализации (на миру и смерть красна) мы можем бесстрашно броситься на амбразуру. Об этом Беккер тоже хорошо пишет, описывая стремление к героизму в контексте естественного полагания собственного космического масштаба и бессмертия. Но в обыденной жизни экзистенциальный страх только обостряется. Вся литература, сопутствующая этим процессам, — совершенно явный симптом нарастающего страха — от романтизма, еще пытающегося спастись мистифицированным христианством и прочими рецепта-

ми прошлых веков, до литературы XX века, которая уже кричит о неврозе в диапазоне от Сартра до Кафки в начале столетия, а в его конце понуро погружается в мрачные глубины психоза — как в советский период, когда в чувственном авангарде московской богемы возникает писатель Мамлеев. Его персонажи, не найдя жизни в продолжении тела социального и биологического, погружаются в пучину смерти, избегая фактического мира, полного экзистенциального ужаса.

Примерно этот же механизм раскручивает пружину психоделической революции, рациональность которой намного выше, чем рациональность обычной жизни в условиях второй половины XX века. Обращение к индивидуальной психике определяет новый период в науке, учитывающей, осознающей все больше потребностей человека, которые необходимо удовлетворить для создания гармоничного общества. Но и тут тоже речь идет о сообществе. Тут тоже как сами психоделические революционеры, так и противостоящие им мыслят ситуацию в контексте социального. Вспомним коммуны хиппи и т.д. Индивидуальный психоделический опыт, конечно, требует социального подкрепления, соединения с подобными опытами других для формирования новой реальности.

Так откуда берется мамонотеизм?

Человек столкнулся с обнажившимся страхом смерти и направил свое внимание на осознанное формирование сообщества себе подобных, которое, наверное, от этой смерти, в идеале, должно его спасти. Он пробирается через перегибы: социодарвинизм, тоталитарный модернизм и прочие теории превосходства одних наций над другими, человека над природой, социального над личным. В процессе становления он распространяет свое тело за его пределы. Так называемые Human extensions — как говорит Бодрийяр о водителе автомобиля, мыслящего «я поворачиваю», «я торможу» и т.д. Наряду с социальным телом строится единое физическое: автомобили собираются в улицы, продолженные механизмами человеческие руки выстраиваются в единый конвейер. Медиа, нервная система этого тела, также развиваются от однонаправленных к сетевым.

И если мы строим единое социальное тело, то его гормоном социальной адекватности, в современной его реализации будут деньги (Мамона — бог богатства, денег). Это продолжение протестантской модели «построения мира божьего на земле», в отличие от принципа ортодоксов, что работа в миру только отвлекает от молитвы. Исходя из первой модели: деньги — благо, показывающее, насколько ты много сделал. С точки зрения модели православной, где асенизатор — это золотарь, чем больше у тебя денег, тем меньше времени ты проводишь в контакте с богом. Тут же приходится к слову фрейдовская конструкция про деньги-говно, и даже ведическая про Говинду, но не будем сильно ветвить текст. То есть, базируясь на своей религиозной модели,

Фото К. Рубахина

Восточная и постсоветская Европа сопротивляется идее единого гормона социальной адекватности, которым становятся деньги. Поэтому советский опыт социального подвижничества абсолютно исключал деньги из позитивной повестки. Но также там были исключены все возможности индивидуальных решений. Эти решения, несомненно, связаны с деньгами. До сих пор в России самостоятельный бизнес воспринимается, и не зря, как угроза власти.

В отличие от довлеющего на Востоке «человек предполагает, а Бог располагает», западный бизнес думает и планирует на десятилетия вперед.

Но все равно невозможно уйти от негативной коннотации понятия «мамонтеизм». Она прорывает любую сознательную сеть, заброшенную, чтобы скрыть эмоции.

Желание наживы и накопления обусловлено эволюционно, но, будучи узаконено, входит в конфликт с ближневосточной философией, так или иначе сформировавшей современный европейский этический канон. Религиозная критика бизнеса — ровесница современной цивилизации. Во многом этот конфликт лежит в основе противостояния реформаторов, принявших «дела земные», и остальной христианской церкви.

Но эта дихотомия не умещается в матрицу борьбы добра со злом, мира прошлого с миром будущего. Рациональность и психическая обоснованность большинства восточных философий очевидна. По сути, жад-

ность, алчность и страх смерти — родственные чувства, переходящие одно в другое.

Страх смерти — это интеллектуальное стяжательство, боязнь потерять построенное и накопленное, желание присвоить это навсегда. Без этого желания не случилось бы европейского прогресса, сохраняющего и использующего все достижения растущей цивилизации. Увлечение первых гуманистов античным искусством памяти — один из интересных симптомов такого стяжательства, желания овладеть миром, запомнив его и систематизировав.

Конечно, это также выходит из гуманистической и наследующей ей просвещенческой позитивистской модели сохранения истории и знаний. Отношение к смерти и объектам исторического наследия в Индии равно пренебрежительное. Европа же тщательно сберегает любое материальное свидетельство времени, видя в этом свою борьбу с короткой жизнью одного человека. В этой ситуации этому одному человеку остается шизофренический путь — быть скаредным, но уметь легко расстаться с основой, удерживающей мир, — собственной жизнью.

Итак, гормон социальной адекватности — деньги. Соответственно этот гормон призван как-то продолжить жизнь его носителя. И тут рождается идея протезирования. Она достаточно разнонаправленна — от протезирования отдельных органов до целого тела, от биологических протезов до электронных.

Когда Павел Воля в телевизоре поет «хорошо быть богатым» — это песня про бессмертие. Когда умирает Стив Джобс или другой селебрити, массовый шок обусловлен именно бессознательным убеждением, что его возможности давно должны обеспечить ему вечную жизнь. Американская мечта доходит до точки своей крайней реализации — бессмертия, рождая новое поколение американских богов. Мы все помним, что бессмертие было и советской мечтой 1920-х годов, которая наделяла науку магическими способностями сделать все, что угодно, из чего угодно. Она, в свою очередь, продолжила ранние модернистские поиски вечной жизни и путей воскрешения — вспомним Николая Федорова. Это развитие модернистского мифа насчет человека — царя природы, но вступившего в себя понимание глобального экологического равновесия. Тема экологии опять же возникает в качестве новой-старой апокалиптической угрозы, но актуализированной осознанием себя частью потенциально бессмертного социума и потенциально бессмертной его частью.

Так мы кратко проследили достаточно замысловатую, но живую связь от гуманистов к трансгуманистам. Так конструкция «время — деньги» переворачивается и получает свою реализацию в «деньги — время».

CONTENTS
№ 1(78) 2020

BERLIN FORUM

- Introductory Remarks
Lena Nemirovskaya 5
- On the Values that Could Unite
International Organizations
Konstantin von Eggert
Laila Bokhari
Elena Panfilova 8
- The Problem of Trust to Mass Media
Pilar Bonet
Natalie Nougayrède
Sylvie Kauffmann 11
- Why Do We Need a Common
European Space?
Mikhail Minakov
Bobo Lo 13

THEME OF THE ISSUE

- On Pope Francis, the Catholic Church
and Global Politics
Marco Politi 15
- Soviet and Russian Humanism. History
of the Concept
Jutta Scherrer 22
- Is There a Need for Humanism
in a Post-Human World?
Dmitrii Gorin 33

DISCUSSION

- On the Post-Soviet Legacy and Four
Development Scenarios for Russia
Lev Shlossberg 38

A VIEWPOINT

- Secrets of Longevity: Strategies
of Legitimizing Political Regimes
in Russia and Kazakhstan
Sophia du Buley 44

CIVIL SOCIETY

- John Roberts on Civic Education
and the Legal System
Natalia Korchenkova 53
- Civic Education in the History of Russian
Social and Political Thinking. Study 2
Alexander Sogomonov 56
- Questioning is a Path to Greater Democracy
Vadim Karastelev 91

IN MEMORIAM

- Alexander Radevich (1964–2019)
Ol'ga Pishkova 105

BOOKS

- Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 107

NOTA BENE

- In the Place of a News Dispatch
Svetlana Shmeleva 117
- Mamonotheism. From Humanism
to Transhumanism
Konstantin Rubakhin 121

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Наши авторы:

Василий Жарков

Андрей Захаров

Кристофер Коукер

Наталья Корченкова

Джон Ллойд

Борис Макаренко

Анатолий Михайлов

Елена Петровская

Владимир Рыжков

Михаил Соколов

Юлиус фон Фрайтаг-Лорингховен

Константин фон Эггерт

Подписано в печать 10.04.20.

Формат 70x108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

127006, Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

e-mail: msps@msps.su

<http://www.msps.su>

ISBN 978-5-93895-126-6